

Тихон Ткачёв

*Нет конца безумию,
нет границы бедствию...*

Полевой дневник военного врача.

1914-1916 годы

ВОРОНЕЖ

2014

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2=411.2)6-4 ТК 48

Книга издана при финансовой поддержке
департамента культуры и архивного дела
Воронежской области

Руководитель издательского проекта *И.А. Щёлоков*
Редактор *В.Е. Новохатский*
Автор предисловия *И.В. Ткачёв*

В оформлении книги использована
фронтальная зарисовка *Т.Я. Ткачёва*

ТК 48

Ткачёв Т.Я.

Нет конца безумию, нет границы бедствию... Полевой дневник военного врача. 1914-1916 годы. – Воронеж: ГБУК ВО «Журнал «Подъём», 2014. – 000 с.

Издательский проект ГБУК ВО «Журнал «Подъём» приурочен к 100-летию начала Первой мировой войны – важнейшей даты в истории России. Автор книги – Тихон Яковлевич Ткачёв (1885–1970), уроженец Воронежской губернии, перед войной окончил духовное училище в г. Бирюче и Воронежскую духовную семинарию, медицинский факультет Харьковского университета, поработал земским врачом. В начале войны он был призван в армию и прослужил военврачом до ноября 1917 года. В этот период Ткачёв, обладая несомненными литературными способностями, вел полевой дневник, иллюстрируя свои записи рисунками. Сегодня эти воспоминания являются уникальным историческим документом времени, которое стало прологом крупнейшей ломки общественных и человеческих отношений.

ISBN 9785442003277

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2014 году мировая общественность отметила 100-летнюю годовщину начала Первой мировой войны. Планетарное по своему трагизму событие стало детонатором серьезных политических переустройств, перекраивания границ и территорий десятков государств, ломки миллионов человеческих судеб, изменения вектора движения человеческой цивилизации. Из окопов империалистической войны Европа выходила уже не тем континентом, которым она была до сентября 1914 года.

Наиболее разрушительными последствия кровавого столкновения стали для России. Побежденная, униженная и оскорбленная, страна едва не исчезла с исторической сцены как цивилизация. С момента поражения на фронтах Первой мировой она на годы погрузилась в пучину гражданской войны и революционных преобразований.

Среди участников империалистической войны были тысячи уроженцев Воронежского края. К их числу принадлежит и мой дед Тихон Яковлевич Ткачёв (1885—1970). Он прошел по полям сражений России, Польши, Литвы, Румынии.

К 1914 году Т.Я. Ткачёв успел окончить духовное училище в Бирюче (ныне Белгородская область), Воронежскую духовную семинарию, медицинский факультет Харьковского университета, поработать земским врачом в родной слободе Алексеевке, стать мужем и отцом трех сыновей.

В начале Первой мировой войны был призван в армию и прослужил до ноября 1917 года в чине старшего врача 142-й технической дружины. Успешная служба врача Т.Я. Ткачёва во фронтовых лазаретах была отмечена орденом Святого Станислава с мечами.

Образованный, обладавший незаурядными способностями литератора и художника, военный врач Т.Я. Ткачёв вел полевой дневник, иллюстрируя свои записи беглыми зарисовками солдатского окопного быта, батальных сцен, отношения к своему долгу солдат и офицеров царской армии, смотров высокого начальства, включая императора. Его воспоминания — семейная реликвия и уникальный исторический документ.

Достоверность описываемых событий подтверждается безупречной честностью автора, ставшего впоследствии видным ученым, одним из организаторов советского здравоохранения, депу-

татом Верховного Совета СССР (1938—1946 годы) и членом правительства страны в ранге Главного санитарного инспектора. Все дети Т.Я. Ткачёва участвовали в Великой Отечественной войне, а мой отец Виктор Тихонович Ткачёв в 29 лет погиб на фронте.

Профессор медицины, создатель санитарного факультета и кафедры организации здравоохранения и истории медицины Воронежского мединститута, Тихон Яковлевич Ткачёв оставил значительное научное и литературное наследие. Им опубликовано более 120 статей, монографий и учебников. Под его руководством подготовлены и защищены более двадцати кандидатских и докторских диссертаций. Научно-педагогическая и государственная деятельность Тихона Яковлевича была отмечена двумя высшими наградами СССР — орденами Ленина.

Надеюсь, что предлагаемые воспоминания непосредственного участника событий 1914-1917 годов вызовут интерес современному читателю.

*Игорь ТКАЧЁВ,
кандидат технических наук,
внук Ткачёва Т.Я.*

1. Выступление на фронт

14(27)июля 1914 года царское правительство объявило всеобщую мобилизацию.

19 июля(1 августа) Германия объявила войну России.

21 июля я получил телеграмму от К. Губернского по воинской повинности присутствия о назначении в город Т., в распоряжение воинского начальника, а 23 июля я был уже на месте назначения. Ближайшая железнодорожная станция отстоит от города на 35 километров. Отрезанный от жизни городок, в который меня забросила «гроза военной непогоды», влачит существование захолустного местечка, откуда хоть 3 года скачи — до культуры не доскачешь. Кроме сада с летним театром и одной Дворянской улицы, здесь решительно ничего нет. Расположенный на возвышенности, он господствует над окружающими полянами и оврагами — мирными и по-осеннему опустевшими. Жизнь в городке протекает «от обеда — до обеда».

Целый месяц жизни в городе Т. прошел однообразно. Мой штат: два лекпома, из которых один был в помещицкой усадьбе приказчиком, а второй — по профессии пастух. Приказчик ведет хозяйственную и медицинскую отчетность нашей маленькой дружинной части. Специальная подготовка моих помощников определилась просто: один из эскулапов откровенно сознался, что он «все забыл», а бывший пастух вспомнил одно только медицинское слово «гиперемия», но здесь же честно добавил, что не знает его значения.

Настоящим делом явилась для меня командировка в город Киев за медикаментами для нашей части. 31 августа, после молебна на тюремной площади, дружина выступила в поход. Впереди ехал экипаж, в котором сидел мальчик и держал в руках икону, поднесенную дружине городским головой. Четыре роты, одетые в защитный цвет, с ружьями на плече двигались среди громадной толпы народа.

Был ясный и теплый день. Свежий ветер, истерический крик баб, взволнованные лица окружающих, на глазах у многих слезы... Скоро ли увидимся снова, кто вернется живым с фронта... В четыре часа дня при выходе из города дружина сделала пятиминутную остановку, потом снова стала под ружье. Мальчик с иконой оказался не совсем обычным мальчиком: это была содержанка полковника, командующего дружиной. Она переделалась для того, чтобы следовать за полковником на войну.

Поздно ночью дружина сделала остановку в деревне. Большинство офицеров остановилось в земской школе. Учительница — сестра одного из заурядных прапорщиков, местного жителя — при-

Военврач Т. Я. Ткачёв

готовила для нас закуску и ночлег. Начальник дружины с дамой сердца тоже пришли сюда, вместе со священником, у которого они остановились. Батюшка был раньше учителем в духовном училище. Он — музыкант, окончил музыкальное училище и ушел в деревню потому, что нужно было занять место умершего отца, богатый приход, большое хозяйство.

Утром, на следующий день, дружина двинулась дальше. Пришли в соседний уездный городок, к железнодорожной станции. Здесь пробыли до следующего вечера и в ночь на 3 сентября погрузились в поезд. Для офицерского состава был подан вагон 3-го класса, низенький, с двумя рядами скамеек и чугунной печкой посредине. Такие вагоны используются в составе поездов 4-го клас-

са, который именуется «Максимом Горьким». Грязные, жалкие, совершенно не приспособленные к типу спальных — ни сесть, ни лечь. А нам нужно ехать несколько дней. Ночь пришлось провести, улегшись не вдоль скамеек, а поперек, подставив для большего удобства между ними корзинку. Некоторые из офицеров ночевали в зале вокзала.

Решено было на станции К. требовать удобного вагона, хоть 3-го класса. В К. приехали часам к 11 дня. Удалось съездить в город. Как тесен мир: на станции мне встретился сослуживец по земству, врач. Он тоже мобилизован и сейчас служит врачом в санитарном поезде. Удобные вагоны, салон, столовая и т.п. Путешествие приходится совершать внутри России. Удобства — несомненные. Разнообразие впечатлений и живая продуктивная работа.

Едем дальше. Маршрут нам выдан на Киев, но почти все уверены, что в Киеве мы не останемся. Высказывается почти уверенность в том, что нас отправят для несения охранной службы во Львове. Перспектива попасть в Галицию всем кажется заманчивой. На Киев едем через Вержбу, Бахмач.

2. Спутники

В вагоне публика объединяется. Тесное помещение связывает людей самых разных профессий. Напротив поместился подполковник К.Н.А. — офицер пограничной стражи. Много лет он пробыв в Сибири, в Туркестане. В этом году по болезни вышел в отставку. У него оказался эхинококк печени. В Петербурге, т.е. теперь в Петрограде, в военно-медицинской академии ему сделали операцию. Лежал он там долго. Клинические порядки дали ему громадный запас всяких эпизодов, о которых он по-стариковски охотно и помногу рассказывает тем, кто оказывается его слушателем. Между прочим, лежал рядом с ним в палатке полковник интендантства. Поведение этого полковника, его бесцеремонность, надменность и т.п. так надоели, что он теперь неукоснительно и очень желчно только и говорил об интендантстве. Рассказывает, например, анекдот о генерале, которому услужливый адъютант для развлечения его превосходительства задает загадки: « Два кольца, два конца, а посередине гвоздик ». Что это такое, Вашество?

— Интендант, — безапелляционно решает скучный генерал.

— Но почему же, Вашество? Ведь эта загадка обозначает ножицы.

— Нет, интенданта, — упрямо настаивает его превосходительство.

— Каким же образом? — недоумевает адъютант.

— Конечно! Ведь это же интендант обрезывает все, что можно обрезать. Нужно, например, выдать сукна 2 аршина, а он выдает полтора; нужно выдать пуд муки, а он норовит выдать 39 с половиной фунтов.

Дальше анекдот продолжается все в том же роде. Всякая загадка для генерала означает непременно интенданта. Рассказывает подполковник этот анекдот уже несколько раз и неизменно желчно улыбается.

— Хорошо! То-то вот и есть.

В Туркестане служба пограничной стражи заключается в охране железной дороги от нападений. Может быть, это происходит и не в Туркестане, трудно, собственно, уяснить, где совершаются события, о которых рассказывает старик, но для подполковника несомненно одно: царская охрана защищает не русские интересы, а интересы, скажем, миллионеров-лесопромышленников и т.д. Или защищает не дорогу, а китайские деревни от нападения хунхузов и не потому, чтобы это было нужно, а потому, что чинам, получающим многотысячные оклады, выгодно создавать видимость, что пограничная стража то-то делает, потому что были стычки и убито столько-то. Сухое и желтушное лицо подполковника озаряется ехидной улыбкой:

— А вы думаете что же? Все так.

Весь мир в представлении старика окрашивается в цвет подлости, хищений и корысти. С ним лично поступили очень несправедливо: перечислили в запас и по объявлении мобилизации назначили в дружину в то время, когда раны от операций еще не зажили. Заявить об этом старик постеснялся и теперь не хочет увольняться — считает неудобным. Сам перевязывает гноящие фистулы и брюзжит.

Интересной фигурой в составе дружины является другой офицер — директор опытного поля в одном из южных земств С.Ф. Т. Когда-то он был произведен в прапорщики артиллерии. Все забыл, к военному миру не имел ни малейшего касательства. Человек окончил университет по естественному отделению и сельскохозяйственный институт. Представляет собой тип кабинетного ученого. Простая русская коренастая фигура, добродушное широкое лицо, детская ясная улыбка. Молчаливость, изредка веселый смех с оттенком юмора. Теперь директор опытной С.Х. станции должен нести обязанности, о которых он не имеет никакого понятия. Он наивно, добродушно улыбается и трунит над такой своей неожиданной метаморфозой. Кому и зачем нужно отрывать человека от культурной и плодотворной земской и ученой работы для дела, в котором он не может, если не принести вреда, то, во всяком случае, может оказаться совершенно бесполезным.

* * *

В Киев приехали утром. Поезд остановился на товарной станции. Почти все пути были заняты такими же воинскими поездами. Выяснилось, что в Киев прибыла вся наша бригада, тогда как предполагалось, что должны выступить только две дружины. Произошла ошибка, и виновником ее оказался не то адъютант, не то еще кто-то. «Стрелочник» всегда больше всех виноват... И вот по милости этого стрелочника мы выступили. Куда и зачем — об этом никто не имел никакого понятия. Вечером мы долго стояли на предпоследней станции перед Киевом — Дарнице. Некоторые уехали на трамвае в город. От скуки мы бродили по сосновому парку, заходили с одним из врачей дружины в приемный покой при станции.

Догорал красивый осенний вечер, на путях попыхивали паровозы, в парке было тихо и грустно. Весь перрон, заполненный солдатами, мирно гудел от говора, и, казалось, что все собрались сюда случайно для целей, о которых каждый знает, но которые не имеют ничего общего с красотой догорающего вечера, мирного засыпания природы и ее задумчивой тишины.

Когда переезжали Днепр, все столпились у окон. Была уже ночь, но в темноту ее кто-то издала бросил громадный сноп расходящегося света. Свет двигался, и в поле его освещения ярко выступали и берег, и песчаные отмели, и темная вода. Это был свет прожектора со сторожевого парохода... Мы въезжали в местность, где уже чуялось дыхание войны. Это район военных действий. Правда, места, где люди убивают друг друга, еще далеки, но Киев — уже местность, объявленная на военном положении.

Киев — город, в котором культурная красота удивительным образом слилась с красотой исторической.

Города, начиная с Москвы, живут в структурном отношении жизнью, обособленной от своих исторических памятников. Кремль в Москве со своими историческими стенами — это одно, а Москва — совершенно другое. Ярославль, Архангельск — города, где история застыла в своем течении, окаменела. Ярославльский «детинец» и старинные соборы находятся в каком-то особом состоянии статики. Не то Киев. Высокий берег Днепра и необъятная заречная даль, и Аскольдова могила неумирающе хороши. Биение жизни чувствуется здесь по-современному, и не хочется верить, что много сот лет тому назад здесь плавали челны варягов и убивал Олег Аскольда, и приходили печенеги, и жил князь Владимир Красное Солнышко, и стояли полчища татар...

Пароходы бурлят своими колесами по исторической реке, фабрики дымят совершенно по-современному, и здесь же совсем близко то место, где будто бы похоронен Аскольд, здесь же под звон трамваев сухой и высокий монах указывает в пещерах место, нишу, где лежат мощи летописца Земли Русской — Нестора.

В Киеве пришлось простоять долго. Предполагалось, что отправимся в тот же день, но прошел и следующий день, а поезд все стоял на том же самом месте. Вместо предполагаемого Львова или Одессы, как мы думали, нас отправляют в Ивангород-крепость Люблинской губ., в места, где еще недавно были австрийские войска, почти на самую границу, чуть ли не на передовые позиции. Интересное ощущение вызывают места за Киевом. Мы приближаемся к Польше. Равнины и пески, одинокие избы. Перелески с преобладающей сосной. Серое небо, без намека на улыбку солнца и туман от дождя нагоняют тоску.

Возле одной из станций мы увидели окопы. Здесь недалеко были перебиты австрийцами две роты наших солдат. Подоспевшие наши войска, в свою очередь, истребили австрийцев. Был разрушен путь, водокачка.

«Здесь грозная богиня Кали проехала на своей тяжелой колеснице и превратила людей в бездушные трупы. Земля всосала кровь, трупы зарыты. Песчаная почва скрыла следы безумия и

удивительной, еще никем не объясненной загадки жизни. Люди жили мирно, не знали ничего друг о друге, но настал момент, и они начали убивать взаимно друг друга. По существу, совершенно не склонные к таким преступлениям, как убийство человека, они посылали друг к другу смертоносные орудия разрушения и сами падали под их разрушительным действием...»

В таком стиле делился своими мыслями со мной адъютант дружины — прапорщик, он же и ученый лесовод В.М.Б.

В Люблине стояли несколько часов. Удалось побывать в городе. Старый польский город, узкие улицы, польские и русские вывески, старые здания чередуются с оригинальными памятниками чуть ли не средневековой архитектуры. В колорите города, на лицах жителей, в их своеобразной речи чувствуется совершенно особый нерусский дух. Это уже другая культура, другой мир.

И вот здесь еще недавно стоном стонали измученные люди. Сюда было эвакуировано до 40 000 человек раненых, как передавала одна пожилая сестра милосердия. Они были свалены между путями железной дороги, на насыпи, прямо на земле между тысячами повозок обоза, свалены друг на друга в наскоро сколоченных бараках, оставались в товарных вагонах и целых три дня не были ни накормлены, ни перевязаны, ни убраны.

Сестра милосердия была в японской войне, имела медаль на георгиевской ленте.

— Я много видела, — рассказывала она, — но такого ужаса не видела никогда. От той картины, которую мне пришлось видеть, кровь стыла.

— Не могу вспоминать, не могу, — повторяла она. Чувствовалось, что это не слова, что она действительно пережила нечто такое, что неизгладимо врезалось в ее мозг раз и навсегда. Этот же рассказ о Люблине мы слышали позже, уже в Ивангороде, на станции. Здесь же несколькими днями раньше пришлось видеть одного ветеринарного врача, который отыскивал свою часть и направлялся в Сандомир. Крупный и упитанный, он казался воплощением уравновешенности и здоровья. И вот этот здоровый и молодой человек плакал, когда рассказывал об ужасах войны, особенно об истреблении двух русских корпусов под Сольдау.

На станцию Ивангород мы приехали поздно вечером. С трудом было получено разрешение остаться на ночь, до шести часов утра, в вагонах.

3. Ивангородская крепость

Рано утром дружина высадилась. Было холодно и сыро. Противная дрожь охватывала тело. Хотелось спать. Целых три часа стояли мы на полотне дороги, пока, наконец, не было выяснено,

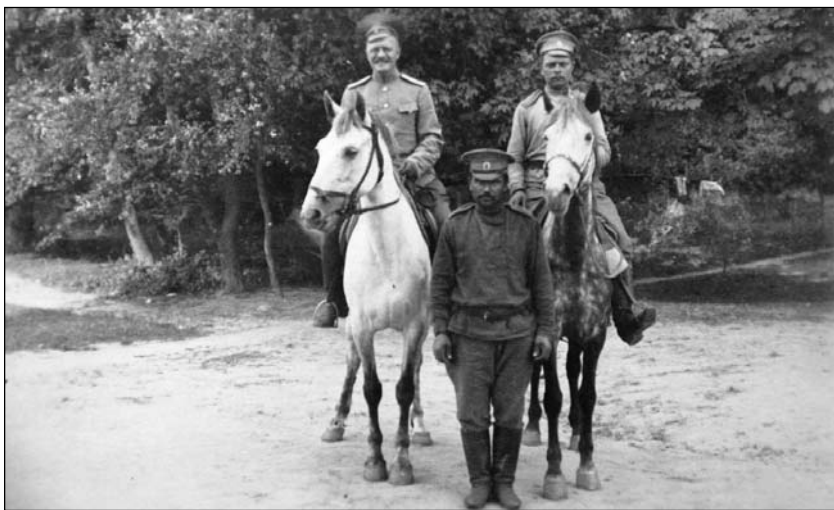
куда нас направляют. Наконец, тронулись. Лошади бодро побежали вперед. В вагонах за время переезда они застоялись. Одна лошадь пала.

По шоссированной дороге приехали почти к самой цитадели крепости. Нам отвели помещение в здании недостроенного заразного барака. Здесь же разместился офицерский состав и еще другой дружины. Солдаты поместились в амбарах возле железной дороги.

Закипела работа. Начали устраиваться и приспособливаться к новым условиям жизни. Солдаты принялись строить из отпущенных досок нары, копать себе печки для котлов. А в офицерском помещении забегали денщики в поисках столов, скамеек и т.п. Ранее прибывшие в здание офицеры заняли лучшую часть здания, забрали себе инвентарь и вообще решили, что право захватное — самое лучшее из всех прав, существующих на свете. С большим трудом были отысканы какие-то жалкие котлы, на которых с грехом пополам и была проведена первая ночь на новом месте жительства.

Следующие дни нашей жизни в крепости приносили мало новых впечатлений. В первый же день мы ознакомились с окрестностями. Ездили в ближайшее поместье — Демблин.

Хорошая шоссированная дорога, направо местечко Ирэна, несколько в стороне — постройки и службы хорошей барской экономики. Каменная стена огораживает парк. Въезжаем в ворота.

Фронтовые будни

Военврачи (Т.Я. Ткачёв — второй справа)

Между деревьями стоят палатки. Впереди на садовой скамье сидит с книжкой молодой врач. Встает и козыряет. Оказывается, здесь помещился подвижной госпиталь.

Виднеется большое серое здание. Здесь штаб нашей бригады. Здание двухэтажное с колоннадой и балконом. Внутри здания — пустыня. Высокие лепные потолки, великолепные полы, камин — и пустота. Через две комнаты — сквозь открытые двери — видно, как солдаты ставят раскладные кровати — топчаны. Здесь, в первой комнате, с другой стороны дворца, куда мы попали через веранду, стоит грубый кухонный стол и грязная скамейка. Это бывший дворец каких-то польских магнатов, а сейчас — и лазарет, и штаб, и, нужно полагать, приют для летучих мышей.

Возле дворца в парке расположилась конная сотня. Здесь же — цветники, дорожки. Дальше — пруд, купальня, на пруду устроены две будочки для лебедей, перед будочками плотики. Гордые белые птицы плавают по пруду и смотрят на то, как солдаты моют здесь свое грязное белье. Бедные лебеди! Что вы видели раньше? И что вы могли бы сказать сейчас, если бы могли говорить?

* * *

Две недели прошли в мирном ничегонеделании. Правда, дружины выходили на однодневные маневры, но это были, скорее, прогулки. Неожиданно было получено приказание выступить из

стоянки на передовые позиции. Приказание было получено ночью. Спутница нашего командира — официально племянница — должна была уехать.

Уложились часов в 11 утра и выступили в деревни Сецехов и Кляшторна Воля. Лично мне было предписано остаться на половине дороги — на фронту генерала Горчакова.

Шел дождь... Солдаты выстроились и двинулись. Перешли цитадель крепости, вышли на железнодорожный мост. Дружина прошла по понтонному мосту. Навстречу тянулись бесконечной вереницей телеги со скарбом и детишками наверху. Женщины босиком с заплаканными лицами гнали коров и свиней. На перекрестках шоссе получались заторы. Шли и шли вперед и назад. Ехали казаки, стояли какие-то части по сторонам. Ползли обозы, дымные походные кухни... Моросило и плакало небо, дул пронзительно холодный ветер. Мы пристроились к врачам Юрьевского полка в двухэтажном здании.

— Устраивайтесь! Здесь много места. Сами мы еще ничего не знаем, — объявили мне случайные соседи.

Устроились, разговорились. Один из врачей оказался санитарным врачом Жиздринского уезда Костромской губернии. Я назвал свою фамилию.

— Знаю по литературе...

Немедленно начали вспоминать общих знакомых, и стало теплее... Людей не так уж много на земле, чтобы считать друг друга чужими. Но вот меня зовет командир Юрьевецкого полка:

— Доктор! Вы здесь устроились неправильно, так как здесь помещается штаб полка, а перевязочный пункт находится дальше.

Нужно переезжать, отыскивать этот пункт. Пошли фельдшера на поиски, где же он помещается. Оказалось, что помещение пункта — баня — занято ротой. Когда она уйдет, неизвестно, а пока перевязочный пункт числится только в теории.

Остались ночевать там, где остановились. Холодно, неудобно. Послал раздобыть где-нибудь дров, чтобы протопить комнаты. На следующий день я хотел посмотреть баню.

Командир роты — пожилой татарин — довольно пренебрежительно заявил, что рота выступит, когда поступит команда, а когда поступит команда — это неизвестно. Пришлось махнуть рукой и ехать отыскивать свою дружину.

Дорога — сплошная грязь.

Расположились войска, горят костры, роют окопы. Возле абатства солдаты разбирают дом для устройства блиндажей.

Унылый вид. Разрушенная часовня, вытопные поля с капустой, картофелем и свеклой, срубленные ветлы, обрубленные верушки. Везде следы разрушения. Навстречу идут казачьи части.

Измученные лошади. Они уходят от неприятеля — грязные, серые. Тянутся жители из окружающих деревень. А в части рассказывали, что на мосту автомобиль с одним шофером начал обгонять обозы. Шофер спешил в гараж выпить чаю. Лошади шарахались в сторону. С одного воза слетели гуси со связанными лапками и поплыли по течению Вислы, а с другого — выпали дети туда же, в воду. Детей вытащили, а шофер уехал пить чай...

Жидкая грязь размесилась в однообразную жижицу. Два ряда домиков... костел... Возле — дом получше других: здесь поместились наши офицеры. Хозяева встречают нас радушно, усаживают. На столе закуска и коньяк. Выпивка начала прививаться еще с дороги. После Киева, когда выяснилось, что дружина пойдет почти на границу, настроение нашего командного состава начало форсироваться коньяком. Добывали его разными способами и под благовидным предлогом выпивали. Пьющая компания быстро объединилась коньячными звездочками и все время поддерживала это объединение неукоснительно. Из Варшавы был доставлен командированными туда двумя ополченцами значительный запас этого напитка. Теперь на передовых позициях на коньяк налегли особенно усердно. Тяжело смотреть на людей, которые взвинчивают себя и стараются отыскать недостающее мужество в бутылке.

Лесовод-адъютант обидчиво протестует против пьянки.

— Ах, эти наивные агнцы. Воображают, что они у себя дома. Нет, посмотрите на них! Это же святая простота...

Лицо у адъютанта покрывается пятнами.

— Если так будет продолжаться дальше, я наговорю им много неприятных вещей.

Я собираюсь уезжать. В это время вбегает денщик. В сенях говор, все спешат на улицу. Появились неприятельские аэропланы. Высоко реют они, как стрекозы, и прячутся за низко ползущими тучами.

Затрещала ружейная стрельба: та-та-та... Бухнуло несколько орудийных выстрелов. Странные птицы поднялись выше, ушли в облака. Закружили там. Показался еще один аэроплан и поплыл к солнцу. Опять затрещали ружья. Нет, очевидно, это бесполезная забава: птицы — вне досягаемости ружейных пуль.

Адъютант, я и вестовые поехали в крепость.

Подъехали к ближайшей деревушке, где расположились наши соседи — 114-я дружина. Вышел из избы офицер.

— Доктор, зайдете к нам?

— Что такое?

— Подстрелили нашего солдата. Стреляли по аэроплану, а попали ополченцу в ногу.

Вошли в избу. Нога уже перевязана фельдшером. Пуля засела в голеностопном суставе.

— Вот вам война! Нет, вы поймите это, — волнуется адъютант.

— Завидую я этому солдатику: выдается ему перевязочное свидетельство и эвакуируют внутрь страны. Хотелось бы мне быть на его месте. Счастливец, — говорит один из офицеров.

— Вы думаете, что приятно получить пулю в ногу? — спрашиваю я.

Расстались мы с адъютантом возле форта Горчакова. Оказалось, что мне была телефонограмма, которой я прикомандировываюсь к Мстиславскому полку. Пришлось искать старшего врача этого полка. Нашелся он в домике, где стоял их прежний лагерь. Это был молодой человек довольно потрепанной наружности. Здесь же сидел и один из врачей дружины нашей бригады — старичок. Прикомандированный сюда же, он осел здесь и никуда не хотел двинуться.

Старший врач не знал, куда девать меня, и обещал осведомиться о назначении. Пришлось двигаться обратно в крепость и самому узнавать, где же мне быть и что делать.

Толкнулся я к старшему крепостному врачу, но он только что пообедал, разделся, и потому, конечно, тревожить его превосходительство не приходилось. Поздно вечером пришлось снова ехать к этому старшему врачу. Результат был прежним — врач уехал куда-то. И снова еду я к старшему врачу полка, и снова он ничего не знает. Мои вещи остались в крепости. Отправляюсь к врачам Юрьевского полка и ночую у них в бане.

Там заготовлено много соломы в коридоре. Здесь я и устроился. Тепло и уютно в соломе. Возле уха скребет мышь, шумит ветер, в окно светит луна. Где-то воют, где-то льются слезы и кровь. Здесь же, за зданием, тянутся обозы обездоленных, голодных и холодных местных жителей. Но нервы уже притупились, ум отказывается воспринимать впечатления окружающего. Утром, когда мы устроились в бане с чаепитием, явились еще два врача из тамбовской дружины. Они тоже ничего не знают, но увидели, что люди устроились, сняли фуражки, лица их расплылись в улыбках. Раз прибило к берегу — ну и ладно... Разделись и принялись за чай.

На форт Ванновского, где уже гремят выстрелы, очевидно, ехать никому не хочется. Становится стыдно. Чувство самосохранения — законное чувство, но смотреть на эти бледные лица тяжело и обидно. «Война жертв искупительных просит» — и сколько уже принесено этих жертв. Мы встретили санитарные поезда, набитые ранеными, мы читали в газетах о тысячах и тысячах эвакуи-

рованных в Россию, видели снимки этих жертв в журналах. В Киеве я видел, как выгружали их в лазарет из вагонов трамвая...

Я сел на лошадь и поехал с денщиком Красниковым в форт, где, как говорили, оборудован перевязочный пункт и сидят два врача. Шоссе опустело. Море человеческое и лошадиное схлынуло куда-то. В канавах лежат трупы павших лошадей — худые и загнанные жертвы тяжелых переходов и систематической бескормицы. Влево от шоссе — четыре гаубицы. Вдали желтеет аэростат, корректирующий стрельбу.

— Раз, раз, раз, раз. А... ах! У-у-у!

Светлые огоньки... Куда-то через лесок понеслись бомбы. Где-то далеко — словно далекие раскаты грома. Это неприятель отвечает. Жуткое ощущение! Вот заговорили те самые орудия, которые я видел на днях: их перетаскивали по грязи при помощи толстых тросов солдаты. В форту движение: спешно устраиваются блиндажи, носят рельсы, ведутся земляные работы.

Перевязочный пункт устроился в помещении порохового погреба. Это длинные коридоры без света, засыпанные горой земли, какие-то катакомбы. Горят лампы. Тяжелые двери закрывают их снаружи. Оказалось, что здесь уже пристроились еще два врача: один из Щигровской дружины, другой из полка. Здесь же живет и прапорщик, заведующий хозяйственной частью в форте. В тесном помещении стало еще теснее. Притащили мы вещи, была разложена койка. Я — на новой квартире. Артиллерийская стрельба продолжалась целый день. Тяжело и глухо ухали орудия с соседнего форта, отчетливо и оглушительно стреляли орудия у нашего форта, точно кто-то со всего размаха бил бревном в двери. Бух, бух, бух!

Наступил вечер. Стрельба стихла, но горизонт сиял огнями горящих деревень. Кровавое зарево отражалось на тучах и увеличивало жуткое ощущение темноты и заброшенности. Кто-то невидимый и злобный готовил таинственно козни для затерянного в темноте ночи форта и людей, которые засели в окопах. Издали шупал он сильным светом прожектора окрестность, пробежал мгновенно по полям и гасил свет. Вспыхивали звездочки далеких взрывов. Далеко ухали выстрелы, и доносился треск ружейных выстрелов.

28 августа. Ночь прошла спокойно.

Утром я поехал к своей дружине в деревню, которая находилась приблизительно в трех километрах от форта. Сюда перешла дружина из Сецехова. Кемпицы — маленькая деревушка, совершенно покинутая жителями. Офицеры дружины поместились в двух крестьянских избах. Здесь остались запасы дров, сена, соло-

мы, осталась утварь и кое-какой домашний скарб. Солдаты хозяйничают, как у себя дома.

— Зачем вы берете, ведь это чужое? Люди заготовили запасы на зиму, а вы грабите.

— Так что, вашескородие, совсем поколотые дрова. Хорошо!

А офицер заявляет:

— А лучше, если все это сгорит, как горит все вон в соседних деревнях?

У нас в дружине почти нет никаких медицинских принадлежностей: мало перевязочных средств, нет сумок для фельдшеров, нет носилок для раненых, нет, наконец, даже повозки для эвакуации больных. Дружина — изгой в армии. Дружина должна нести службу внутри государства, быть далеко от неприятеля, а мы находимся в самом сердце войны. Регулярные войска и даже войска запаса отличаются от дружины, как небо от земли: имеют все, что необходимо и для солдат, и для оборудования медицинской помощи. Обидно смотреть: люди несут одинаковую службу, а смотрят на них, как на что-то чрезвычайно ненужное, даже, по-видимому, забывают об их существовании.

В окопах дружинники не имеют даже воды, так как у них нет походных фляжек, им негде хранить медикаменты, у них нет инструментов.

С большими усилиями удалось выпросить у старшего врача крепостного госпиталя фельдшерский набор инструментов, у врача полка — две сумки, в форту — двадцать мешков, из которых сами солдаты должны были соорудить носилки. Так и сделали.

Все это настраивает на пессимистический лад.

Перевязочный пункт устроен для дружины в форту Ванновского. Это, казалось бы, на первый взгляд, очень удобно, т.е. очень близко, но, если принять во внимание, что форт может быть постоянной целью для неприятеля, то выходит, что он может оказаться закрытым для окружающих войск чуть ли не на 24 часа в сутки.

Мои коллеги чувствуют себя здесь, в капонире, в известной безопасности, поэтому защищают перевязочный пункт от моих нареканий на него, как на место, которое может пустовать... В нашем дружинном офицерстве наблюдается теперь резкая перемена.

Адъютант донервничался до того, что устроил выпивающей компании великолепный бенефис. Теперь у всех настроение пришибленное. Коньячное времяпровождение, кажется, прекратилось, выпивающие выделились в другой дом. В среде, которая была объединена только механически, не произошло никакой спайки. Люди разных социальных формаций, разного культурного уров-

ня чувствуют себя выбитыми из обычной среды своего существования и относятся друг к другу критически.

Когда я хотел уже уезжать, началась артиллерийская перестрелка. Сначала показалось, что стреляет только наша артиллерия, но вдруг с характерными свистом и шипением бризантный снаряд взорвался впереди окопов щигровской дружины. Черный, противный, ватный дым меленита воронкообразно поднялся над местом взрыва. Раздалось новое шипение: бомба взорвалась за нашим домом, на огороде. Еще несколько минут — новый взрыв уже возле здания аббатства, которое находится несколько в стороне от фронта.

В-в-в-у! Визг и вой бомб нарастает, усиливается, приближается. Кажется, что это у тебя над головой.

У-ах! Взрыв и клубы дыма...

Немцы пристрелялись к аббатству.

Я сел на лошадь и поехал в форт. По лугу от деревушки бежали дружинники в свои окопы, возле домов прижалась кучка солдатиков и со страхом смотрела по направлению взрывов.

Поле опустело.

Свист и вой бомб продолжается. Лошадь наострила уши и мчалась, не разбирая дороги.

Жуткое ощущение одиночества и какой-то злобности, преднамеренности в этих частых уханьях охватило все окружающее. В пустом поле чуялось что-то сознательное и хитрое. Земля вздрагивала и стонал воздух. Снаряды падали в аббатство. Его избрал неприятель целью как наиболее возвышенный пункт местности, а может быть, и как центр, где находился офицерский состав, или как место для дальнейшей пристрелки.

Мостик, по которому мне нужно было перебираться к форту, находится очень близко от аббатства. Точно математически ложились снаряды. Упало в сад, упало возле дома.

По дороге мчались конные орденосцы. Выяснилось, что в аббатстве разрушило в нескольких местах крышу, пробило купол колокольни, разбило стену, оторвало угол дома. Убит конюх, который проходил мимо кухни по коридору.

Позвали врачей к заболевшему офицеру. С ним случился нервный припадок. Больной плакал, собирался застрелиться.

На следующий день я вместе с другим врачом отвозил этого офицера в госпиталь. Больной вздрагивал при малейшем толчке, судороги болезненно кривили его лицо, когда ветки цеплялись за крышку фургона. Офицер рассказал нам следующее:

— Я стоял и закуривал папиросу, когда раздался первый взрыв. Другие прятались, а я думал, что меня хватит надолго. Но ночью вдруг случилось это: не могу заснуть, не могу взять себя в руки.

Такое состояние, что хотел или застрелиться, или убежать к неприятелю...

А ночью у нас на передовых позициях произошло вот что: в хорошо оборудованном редуте находился батальон, и вдруг он — без единого выстрела — отступил.

Через 2-3 часа донесли, что отступление произошло потому, что неприятель окружил редут. Начальнику сектора это показалось странным. Приказано было снова занять редут, а батальонного и двух ротных командиров арестовать и отправить в крепость.

— Я буду настаивать на предании военному суду, — выразился начальник сектора.

Позиция была настолько серьезной, что неприятель мог причинить нам громадный ущерб.

— Что это было — трусость, галлюцинация?

— Нужно стрелять по галлюцинации, — заявили в штабе.

Хочется сопоставить психоз офицера, который не может слышать шороха, с отступлением с редута. Не одного ли и того же порядка это явление? А, может быть, это была и измена. Ухают выстрелы. Трещит ружейная пальба. Показался аэроплан...

Убили одного солдата, другого привели к нам на пункт для перевязки. Сквозное пулевое ранение во внутреннюю часть бедра. Пуля осталась в одежде. Она старого образца. Эти пули принадлежат дружинникам. Ранены тоже дружинники. Вот результат бесполезной бессистемной пальбы. Целят в облака и убивают своих товарищей.

30 августа. День прошел сравнительно спокойно. Ночью ухали гаубицы где-то далеко. Стояло зарево пожаров. Надоедливо моросил дождь. Земля превратилась в жидкую грязь. Не хотелось выходить из своего помещения. Ездили в цитадель сделать закупки, так как продукты у нас вышли. Заехали на станцию уже поздно. Обед не захватили, но поесть удалось. Добыли в киоске свежие газеты и журналы. Здесь — светлое помещение, теплота, народ. Грязные скатерти кажутся верхом культурности. Скверный кофе с сомнительным молоком приятен и вкусен.

Можно послать письма, можно отдохнуть от изнуряющей грязной обстановки, но оставаться долго на станции не приходится. Там, в форту, продолжается артиллерийский бой. Стемнело... Фургон прыгает по рытвинам разбитого шоссе, навстречу тянутся бесконечные обозы. Еще по дороге на станцию встречались артиллерийские парки. Едут на передовые позиции кавказские полки. На железнодорожном мосту через Вислу — ни одного огня. Нас останавливают и спрашивают пропуск. Вдали сияет зарево и зловеще отражается в реке.

Выезжаем на шоссе и останавливаемся послушать: выстрелы раздаются только с нашей стороны.

Едем дальше. В наше отсутствие форт был обстрелян, привели раненых и плененных немцев.

Ночь прошла спокойно.

Наутро снова началась канонада. Наши двинулись в наступление. По отрывочным сведениям можно было заключить, что загорелся жаркий бой.

К обеду начали приходить легко раненные. Неприятель вчера укрепился и жестоко отражал наступающие войска.

Идет дождь... Солдаты приходят насквозь промокшие. Шинель и фуражка необычайно тяжелы. Сукно превратилось в губку и вобрало в себя громадное количество воды. В сапогах — вода и грязь. Лица — иссиня-бледные. За ночь все перемерзли. Выбивали неприятеля, бродили чуть ли не по пояс в воде по болотам и в лесу. Привезли раненого немца. Это был рослый, здоровый детина. Одет он в теплую вязаную фуфайку: говорит, что все так одеты. Его захватили в цепи, он не хотел сдаваться, пытался убежать и получил штыковую рану в предплечье и рану в голову прикладом. Он из Вестфалии.

— Отступают ваши?

— Nein.

— Но вы уже окружены, все дороги вам отрезаны?

— Для нас еще найдутся дороги, — ответил гвардеец.

Солдаты смотрели на немца с любопытством. Перевязали его и обмыли кровь с лица.

— Это враг серьезный, не то, что австрияк. Те быстро сдаются, с ними легко воевать, — слышатся замечания.

Припоминаются виденные пленные австрийцы. По большей части — это славяне: они пытаются разговаривать, видимо, довольны, что попали в плен, находятся в тепле, сыты и пользуются уходом. Немцы относятся к плену иначе. Конечно, такие, как вестфалец, все-таки не правило. Вчерашние пленные с удовольствием поели, разговаривали. Но были случаи, как рассказывал один из товарищей, когда тяжелораненные немцы не издавали во время перевязок и операций ни единого стога.

— Привели партию пленных и привезли раненых в одно местечко, где находился наш перевязочный пункт. Жители начали раздавать пищу. Немецкий офицер был тяжело ранен, но когда и ему предложили поесть, он гордо отказался. Во время операции не издал ни одного стога.

— Немецкий офицер не должен стонать...

Он умер, но ни разу не застонал.

А сегодня рассказывает солдат, что во время атаки немецкий

офицер поднял руки. К нему подошли. Он выхватил саблю и отрубил пальцы солдату. Наши подняли его на штыках. Идут и идут раненые. Солдаты утверждают, что немцы употребляют разрывные пули. Выходное отверстие часто сильно разорвано. Подвозят на подводах, нанятых для этих целей, но подвозят таких, которые могли бы прийти, а тяжелораненые, говорят, остаются на месте, в болотах, в лесу. Солдатам приходится буквально плавать по воде. Прошлую ночь осталось на месте много солдат без медицинской помощи. Они истекли кровью или замерзли.

Первая помощь в окопах и на месте боя подается или санитарными, или самими солдатами друг другу. В действующих войсках розданы индивидуальные пакеты с асептическим бинтом, которым легко может устроить себе перевязку сам раненый, если, конечно, есть какая-нибудь возможность сделать это.

1 октября. В час ночи меня разбудили. Один из врачей Мстиславского полка безапелляционно заявил мне, что получена телефонограмма начальника сектора, полковника Б., чтобы были командированы врач, два фельдшера и санитары вместе с повозками в деревню Лое, на передовые позиции.

— Ехать должны вы!

— Почему же я?

— Потому, что вы самый молодой.

Более изумительного объяснения нельзя было придумать. Повозок оказалось очень мало — четыре.

Взять на эти повозки тяжелобольных при самом снисходительном отношении к требованиям удобств было трудно. Выехали мы в непроглядную темень по грязи. Дорога от форта шла на Сецехов, мимо аббатства, которое обстреливалось каких-нибудь два часа тому назад. В воздухе висел еще пороховой дым.

На мосту две телеги застряли в грязи, одна из лошадей упала. Пришлось оставить их и ехать дальше с двумя подводами. Проехали окопы, свернули с дороги направо, долго ехали, еще свернули и натолкнулись на проволочные заграждения.

Поехали вдоль этой изгороди далеко в сторону, по полям и рытвинам. Холодная безлунная ночь, пропитанная мокрым туманом, тяжело лежала на земле. Застыли ноги в стременах. Дороги никто из нас не знал. Санитары шли пешком по грязи.

В стороне слышались ругань и понуканья. Направились на голоса. Это ехали артиллерийские парки. Лошади выбивались из сил по грязи, в которой тонули колеса.

Наехали еще на окопы, еще свернули. После расспросов и остановок, наконец, увидели в сереющем рассветном сумраке строения.

Возле одной из изб горел красный фонарь. В соседней избе помещались врачи и офицеры одного из полков, занимающих наш правый фланг.

Разбудили их. Пришлось долго ждать, пока на наши две подводы усадили и уложили пятерых тяжелораненых.

Таким образом, цель ночного путешествия в течение пяти часов была достигнута. Из двухсот человек мы взяли пятерых. Правда, за нашими подводами последовали еще около тридцати человек, которые имели возможность идти. Печальная процессия двинулась. В конце деревни мы увидели целый обоз прекрасно оборудованных санитарных повозок. Во дворе стоял молодой врач и вел беседу с сестрой милосердия. Я подъехал к ним и сообщил, что врачи Ларисского полка, с которыми я вел беседу, просили забрать у них раненых. Странные контрасты встречаются на войне... Иные ездят в фешенебельных поездах, имеют прекрасно оборудованные приспособления для работы, а другие, как и те врачи полка, у которых я сейчас только сидел, лежат в крестьянской избе вповалку на полу, на соломе, не раздеваясь, и с жадностью спрашивают о том, что сообщается в газетах.

— Антверпен еще держится?

— Пал!

— Такая первоклассная крепость... Подумайте, какой-нибудь Льеж защищался почти месяц, а эта крепость взята всего в 12 дней.

— Ну, а еще что пишут?

— Карл Румынский умер.

— А на Западном фронте как?

— А как на реке Эн?

— А что слышно о положении у нас?

...Мимо, мимо.

В невылазной грязи стоят пулеметы, зарядные ящики, санитарные фургоны, целые обозы. Возле деревушки и на лугу расположились войска. Горят костры соломы, а вокруг греются солдаты. Едем по дамбе, которая тянется вдоль Вислы. Широкая и мутная река в тумане. Мой вестовой останавливается.

— Ружье лежит!

— Слезай и возьми: это, должно быть, какой-нибудь раненый бросил.

Красников слезает с лошади. Вытаскивает из грязи винтовку и надевает ее через плечо. Впереди едут конные солдаты и ведут семь человек пленнных немцев. Синевато-серые куртки и лакированные каски с немецким орлом. Они странно не гармонируют с окружающей обстановкой. Пленные идут и оживленно беседуют между собой...

Проезжаем еще немного.

Красников опять останавливается. В стороне лежит патронташ. Навстречу идут два солдатака.

— Земляк, подай-ка!

Земляк подает.

— Скоро ты, Красников, вооружишься, как настоящий солдат. Вестовой ухмыляется.

— Так что, вашбродь, затвор винтовки попорчен.

— Нужно будет все-таки сдать винтовки кому-нибудь.

— Так точно, нужно.

На форту Горчакова, действительно, и то и другое было отдано. Вообще Красников — сообразительный малый.

— Ты же смотри, чтобы лошади были накормлены. Знаешь, сколько приходится ездить, — делаю я ему замечание, и Красников всюду норовит ухитриться, пристроить лошадей.

Приезжаем ли мы в Кемницы, где стоит дружина, или в наше бывшее помещение, или еще куда-нибудь — везде он ухитряется правдами и неправдами и сам закусить, и лошадей покормить.

Понятия о чужой собственности у него примитивно простые.

— Кушать всякому хочется!

На форту мы заехали на главный перевязочный пункт. Здесь почти не работали. Главная масса раненых направилась через мост в цитадель, в крепостной госпиталь.

Поехал туда, так как хотел поговорить с крепостным врачом о том, чтобы устроиться в госпитале на время притока пациентов с позиций.

Атмосфера, в которой мне пришлось прожить несколько дней на форту Ванновского, была невыносимой. Помещение с отсутствием света, скученность создавали такое положение, с которым не хватало терпения мириться. Кроме того, меня просил старший врач полка в д. Лое сообщить кому-нибудь о том, что здесь, на передовых позициях, осталось много тяжелораненых, которых нужно эвакуировать.

Старший врач с физиономией старухи, с видом старческого маразма и слабоумия выслушал мой рассказ и решил:

— У нас повозок очень мало. Мы поедем сейчас на станцию к князю М. Вы расскажете ему об этом, и тогда видно будет. Князь-генерал заведует эвакуационной частью.

Долго брели мы с ним по грязи, зашли в один двор, где должна стоять конюшня лазарета. Ее, оказалось, перевезли в другой двор. Пошли туда задворками. Новая неудача: конюх взял лошадей и уехал на фурманке в крепость. Вернулись мы к цитадели.

— Садитесь вы на свою лошадку и поезжайте сами к князю. Он

живет на станции в вагоне. Потом заедете ко мне и расскажете, как он решит.

Поехал я на станцию. Долго ждал, пока его сиятельство примет меня.

Генерал оказался кавказцем.

— Я уже распорядился послать пароход к деревне. На нем и будут эвакуировать раненых. Сиятельство был любезен и краток. Нужно было сообщить о его решении рамольному превосходительству. Он же опять куда-то ушел. Пришлось долго бегать по второму и первому этажам госпиталя и выяснить, что врач ушел в штаб. На дороге мы встретились.

— Ну, хорошо! — изрек превосходительство от крепостной медицины.

— А как же, ваше превосходительство, не могу ли я надеяться на временный перевод меня в госпиталь? (Об этом я просил его раньше и мотивировал просьбу недостатком там врачебных сил и недостатком работы в форту).

— Можно, но нужно подождать. Сейчас нет работы, но может еще быть. Потом это неудобно. Почему один переводится, а не другой?

Я ему уже раньше говорил, что у меня есть хирургический стаж, что я прошу о временной работе.

Превосходительство протянул руку.

Ночевать я остался за Вислой, как условился с адъютантом, которого здесь встретил. Легли спать в одной комнате.

Он уже немного успокоился, но все еще продолжал изрекать сатирические обличения по поводу русской халатности и преступной небрежности, с которой ведется оборона крепости.

Бухали орудия. Был произведен обстрел железнодорожного моста. Стреляли, как потом говорили, шрапнелью по проходящим войскам.

Очевидно, в задачу неприятеля входит разрушение железнодорожного моста, который соединяет три форта на левом берегу Вислы с правым берегом, где находится цитадель и железнодорожная станция.

Утром я уже был в форту.

Шла усиленная перевязка раненых. Началась она с часу ночи. Они подходили и подвозились пачками. Был ночной бой. Решено было выбить неприятеля из лесу, где он крепко засел. Впереди леса было болото.

Часть Мстиславского полка до утра не могла установить связи с Юрьевским полком. Болото помешало последнему развернуться, неприятель встретил их пулеметным огнем и с помощью прожектора действовал губительно.

Результатов боя никто из нас не знал. Погибло приблизительно около половины полка, шесть пулеметов досталось неприятелю, два затонули в болоте, выбыло из строя очень много офицеров. Солдаты шли и шли на наш перевязочный пункт.

Бледные лица, измученный вид и грязь по пояс. В сапогах вода.

Перевязки продолжались до трех часов дня. Усталость парализовала ощущение голода. Консервы оказались несъедобными. Уже несколько дней мне не удается обедать.

Утром, еще до отъезда на форт, я узнал, что наша дружина перешла в другую деревню. Это дало мне возможность познакомиться с начальником нашего сектора. На вопрос, где я должен теперь находиться, он ответил, что дружина не должна оставаться без медицинской помощи, а потому я должен быть поближе к ней. Это меня устраивает в том смысле, что я могу выехать из форта. У полотна железной дороги нагружали последних тяжелораненых, которых мы даже не перевязывали ввиду того, что первая помощь им уже оказана на месте, а в госпитале их должны были все равно еще раз перевязывать.

Один из солдат, раненный в живот, лежал на телеге уже без пульса. Погрузить его для отправки из форта не удалось, умер.

Мы не спросили у него ни имени, ни части. Нужно было полагать, что он из Юрьевского полка, который ночью был жестоко потрепан неприятелем. В кармане умершего, к удовольствию прапорщика, заведующего эвакуацией из форта, оказалась записка с подробным указанием имени, отчества, фамилии, губернии, волости, деревни, полка, в котором он состоял, и чина, который занимал.

Вид у тебя, костромич, довольно пожилой — ты из запаса. Если у тебя на родине осталась семья и дети, пусть судьба сжалится над ними.

Вряд ли они поймут, за что ты умер. Если бы даже и поняли, кто им заменит тебя — отца и кормильца...

Вчера вечером мы видели коменданта форта, подполковника П. Милый старик снабжал нас газетами, а сегодня мы узнали, что он уже убит, и труп его остался на поле битвы...

Пришел какой-то пожилой командир роты. Сняли с него сапоги, вылили воду. Он пытался что-то рассказать нам, но не мог. У него были слезы на глазах и безумный вид.

— Дайте мне перевязочное свидетельство, дайте мне отдохнуть! — только и просил он.

Привел его солдатик и сообщил, что двух проводников больно-го подстрелили, а его он подобрал и привел.

— Я ушел! Меня будут искать. Роты не собрал. Спасите меня, доктор!

Тот, кто без греха, пусть первый бросит в него камень, а мы дали ему свидетельство и босого отправили в госпиталь: мокрые, как губка, сапоги нельзя было надеть на его застывающие ноги.

3 октября. Я переехал в тульский лагерь, поближе к своей дружине. Было светлое и тихое утро, обещавшее хороший день и тепло.

После темноты и духоты бывшего порохового погреба помещение саперной роты, где поместились врачи главного перевязочного пункта, казалось верхом удобства.

Устроившись кое-как на новом месте, я поехал отыскивать дружину.

Вдали бухали гаубицы, весь горизонт был застлан дымом. И не хотелось верить, что эти громовые раскаты при ясном и безоблачном небе имеют такой зловещий, мучительный смысл. Офицеры дружины расположились в фольварке за фортом № 6. Прекрасный фруктовый сад здесь весь вырублен, аллеи сосен срублены. Грустная картина разрушения! Солдаты рубят яблони, расчищают дороги для проезда. Возле дома, где разбиты цветники, валяются выброшенные цветы, все загажено. В доме крашенные полы, обои, кое-какие вещи. Все производит впечатление культурного зажиточного дома.

Оказывается, здесь раньше стояли казаки. Мы привели в порядок две комнаты: помыли полы, внесли уцелевшие цветы. Приятно было посмотреть на чистенькое помещение.

— Как здесь было грязно. Уходя, казаки даже нагадили в комнатах, — сообщили мне.

Но офицеры дружины чувствуют себя неважно. Они разделились на две партии и, очевидно, тяготятся друг другом. Тесное совместное житье без всяких удобств, под страхом постоянного расстрела неприятельскими или даже своими снарядами действует тяжело на нервы.

Восьмой день боя... Ежедневно одно и то же... Бухают выстрелы, трещит ружейная стрельба.

Показывается неприятельский аэроплан. Начинается беспорядочная частая стрельба. Точно град стучит по железной крыше.

— Та-та-та-та!

— Бух, бух!

Рвутся в воздухе снаряды белыми облачками. Летчик поднимается выше и плавно улетает на своем биплане вдоль позиции. Издавались якобы приказы, запрещающие стрельбу, и тем не менее ежедневно, систематически она производится. Выпускаются десятки тысяч пуль совершенно бесцельно. Единственным результатом всей глупой стрельбы получаются только ранения своих же.

И создается такое положение, что неприятельские снаряды гораздо безопаснее своей ружейной пальбы.

Приходил на перевязочный пункт артиллерист с простреленной рукой. Ранила своя же пуля при стрельбе по аэроплану. В артиллерии еще никто не пострадал. Эти «вояки» чувствуют себя уверенно и бодро.

— Упал перед батареей снаряд. Мы заметили, что отлетела дистанционная трубка. Схватили ее, посмотрели прицел и сейчас же послали неприятелю ответ. Взорвали зарядные ящики и подбили их батарею, — рассказывает товарищ раненого артиллериста. Настоящий Мюнхгаузен.

Всю ночь шел артиллерийский бой, но мы в непосредственной близости от позиции ничего не знаем. Говорят, что неприятеля потеснили, что кавказский корпус идет в обход, что наше положение значительно улучшилось. Под Варшавой немцы сильно пострадали, от Ново-Александрии они отбиты... Все это — слухи.

Говорят, что неприятель подвозит тяжелые осадные пушки. Где истина? Утром с форта Горчакова доносились крики «Ура!». Приехал великий князь Михаил Николаевич, и отдано распоряжение об общем наступлении на врага.

Обозы неприятеля отходят по направлению к Радому. Будут посланы наперерез им войска.

Но наступает ночь, и так же гремят орудия, и все в том же направлении. Вечером мы втроем ходили на станцию купить газеты и папирос.

Киоск закрыт, папирос нет. Приезжали вагоны офицерского экономического общества, но не торговали и куда-то уехали. В крепостном магазине тоже ничего нет.

— Можно умереть с голоду прежде, чем расстреляют или заберут в плен немцы, — резюмирует один из моих спутников.

Случайно удалось узнать, что в интендантском продовольственном магазине можно достать масла, сыру и табаку. Написали коллективное заявление в это учреждение: «Просим отпустить за прилагаемые при сем деньги 3 фунта сливочного масла, 3 фунта сыру, 1 фунт табака 1-го сорта крепкого и 4 коробки гильз № 11.

Врачи главного перевязочного пункта в Глусеце:

Соколовский, Лозинский, Кендель, Ткачѳв. 4 октября. 1914 г.»

Санитар отправился и принес только одно масло. За 3 фунта взяли 2 р. 80 к. Такая цена показалась подозрительной.

«Ввиду недоразумения прошу расписаться в получении за три фунта масла двух руб. 80 к. Врач Лозинский».

Известно, что интенданты очень занятой народ. Вместо расписки было передано устно, что масла отпущено на 2 р. 80 к.

Пусть так и будет: хорошо и это.

На станции лежит большой груз с табаком и съестными продуктами уже несколько дней, адресованный в крепость, но его не берут, а возле магазина с утра до вечера толпа покупателей. И ничего нет.

Кто должен заботиться о снабжении потребителей жизненными продуктами — неизвестно. Вообще ничего неизвестно.

Существует через Вислу понтонный мост. Прибывшая вода повредила его, перекосила, и в нескольких местах он так опустился, что вода начала хлестать через мост. Здесь положили новую настилку, но опустилось в другом месте.

Кто построил такой мост, и для чего он построен? Бесконечно стреляют по неприятелю орудия, но передают, что корректируют эту стрельбу полевые войска. Нет впереди наблюдательных вышек. Как это может быть, когда даже совершенно непосвященному человеку ясно, что это недопустимо.

5 октября. С утра усиленно гудели орудия, особенно на правом фланге к Висле. Дымился горизонт, тянулись к небу черные клубы дыма от горящей деревни. Летали неприятельские аэропланы. А у нас в крепости до сих пор нет наших летчиков. Почти ежедневно немцы делают воздушные разведки. Трещит ружейная стрельба, гремят орудия. И все безрезультатно. Говорят, что несколько дней назад один аэроплан был подбит, но это не мешает остальным систематически путешествовать над крепостью. Сегодня они особенно усердно гудят над нами.

Вечером на станции мы с товарищем Соколовским услышали интересную новость: оказалось, что неприятельский биплан, который нам особо надоел, подбит.

Он, по-видимому, делал разведку относительно местонахождения особенно вредящей немцам 21-й батареи в Павловицах. Наши орудия очень тщательно замаскированы дерном и зеленью, так что даже здесь их трудно найти, а сверху, по отзывам наших наблюдателей, с аэростата они совершенно не заметны. В Павловицах артиллеристы устроили вдали от настоящих батарей деревянную — бутафорскую.

С аэроплана ее разглядели. Летчик закружил над этим местом. Полетели неприятельские снаряды. Бутафорские орудия оказались подбитыми. Когда немцы успокоились на этом, опять заговорили настоящие орудия. Аэроплан опять показался. Деревянные орудия, как ни в чем не бывало, стояли на прежнем месте: солдаты снова приладили их на деревянные лафеты. В аэроплан полетели выстрелы. Один из снарядов попал удачно. Вспыхнул бак с бензином, и воздушные разведчики вместе с бипланом ринулись вниз...

Война вместе с ужасами ро-
дит курьезы и анекдоты.

В тот же вечер за станцион-
ным столом против меня сидел
офицер и смотрел на меня таки-
ми безумными глазами, что я
чуть было не спросил его:

— Не больны ли вы, пору-
чик?

Но он предупредил меня. Не
отрывая глаз, он сообщил:

— Простите, какая ошибка:
я ведь думал, что вы — мой род-
ной брат. Гляжу — и глазам не
верю: та же улыбка, то же лицо
и складка между бровей, и пен-
сне. Ну, точно вы — Стасек?
Только думаю, зачем же у него
на руке красный крест? Он ин-
женер. Какое поразительное
сходство! Не могу оторвать
глаз.

И бедный поручик смотрел
на меня такими скорбными и

Польша. Т.Я. Ткачёв справа

Сослуживцы .
(Т.Я. Ткачёв пятый справа)

любящими глазами, что мне сделалось тяжело и грустно.

— Сколько теперь таких братьев разбросано по разным частям войск, и не знают они, где кто находится, не знают, жив ли каждый из них.

— У меня есть брат, — продолжает поручик, — он в артиллерии. Месяц тому назад писал, что жив. Участвовал в четырех сражениях, а теперь решительно не знаю, не знаю, жив ли он...

Получаются письма с родины. Посылают их разными путями: в действующую армию без марок, до востребования, на частные лица и т.д. Я условился, между прочим, получать через местную аптеку. И вот получаю уже два письма без марок и доплачиваю вдвойне. Нужно думать, что там совершенно забыли о той разнице, которая существует между частными адресами и адресом на действующую армию. Получаю письма, которые были написаны несколько дней назад гораздо скорее, чем те, которые посланы за месяц раньше.

Один товарищ, возвратившийся из Галиции, получил телеграмму, посланную полтора месяца тому назад. За это время ему вручили много простых писем, а телеграмма все путешествовала и не могла попасть к адресату...

6 октября. В час ночи в двери нашей квартиры кто-то начал стучать.

— Отворите! Скорее!

— Что такое?

— Стреляют, ваше высокоблагородие!

— Где, как?

— Что он говорит?

Сквозь стекло двери я увидел бледное, искаженное ужасом лицо фельдшера Мстиславского полка. Открыл дверь.

— Где стреляют?

— Здесь! Бомбы рвутся... Горит!

Доносилась адская музыка взрывов и грохота орудий и пулеметов. Сияло зарево.

— Так ведь это далеко! Начался ночной бой. Что же тут страшного?

Фельдшер дрожал и заикался.

— Я думал, что возле дома рвутся бомбы.

— Фу, вот нагнал жути, — твердил вышедший со мной врач. —

Не могу успокоиться...

Пальба продолжалась недолго.

Мы снова улеглись.

— Конечно, он хорошо сделал, что разбудил. Мало ли что могло случиться.

— Но так трусить все-таки очень нехорошо.

— Да, конечно, но представьте состояние.

Разговор постепенно стих.

Утром пришел денщик — поляк из местных жителей — и сообщил:

— Немцы хотели перейти через плотину в имении Ольшевского.

— Сколько это верст отсюда?

— Верст пятнадцать.

— Ну, и что же случилось дальше?

— Наши пропустили одну часть, потом открыли огонь и перебили всех, а тех, что перешли, забрали в плен.

— Кто это сообщил?

— Солдатик один пришел. Он говорил.

Так мы питаемся «солдатскими вестями» о ходе военных операций.

— Должно быть, будут сегодня раненые на перевязочном пункте.

— Вероятно...

Но проходит утро, а раненых нет. Возможно, что они направляются в другие пункты. Мы стоим в стороне от дорог. Для привлечения пациентов заведующий эвакуацией советовал нам установить красный крест и вывеску на самой дороге. Пришлось рисовать вывеску и прилаживать ее на шест. С помощью санитаров мне удалось это сделать. Торжественно понесли это сооружение на дорогу... А раненых все нет.

На форту, где тоже оборудовали помещение, устроили электрическое освещение и навели чистоту. Нет работы, а между тем, когда пришлось работать не покладая рук, в перевязочной была грязь и солома, перевязочный материал валялся на полу, ноги врачей были в крови... Линия боя отодвинулась на значительное расстояние от крепости. Доносятся глухие раскаты выстрелов. А здесь у нас сияет солнце, и золотая осень дарит своими грустными улыбками. Потеплело в воздухе, заголубело небо. Говорят, только в этом году она сама себе изменила: все время плакало небо над поруганной землей, потоптанными и необрунными полями и грустными деревнями.

Здесь войной причинен громадный вред, и когда смотришь на крестьян, которые возят раненых с передовых позиций, когда вдумаешься в это состояние апатии, в эти застывшие выражения фигур, — становится бесконечно жаль загубленного края. Когда он оправится от этой все истребляющей бури разрушения и чем будет вознагражден за разгром? Возрождение Польши, обещанное в начале войны, встретило, по-видимому, довольно двойственное отношение в польском народе. Наряду с официозной лояльностью

у нас произошло партизанское выступление польских «соколов» во главе с писателем Жеромским в Австрии — против России.

Буржуазия Польши боится «данайцев, дары несущих», и очень хорошо помнит свою поговорку, что не следует из «иглы делать вилы».

7 октября. Еще вдали гудела орудийная пальба так, что дрожали стекла окон, а сегодня наступила тишина. Точно ничего и не было.

Передовые разьезды установили, что неприятель оставил позиции и отступил далеко. Войска преследуют их. Крепостная артиллерия молчит, гаубицы с передовых позиций возвращаются в крепость. Выяснено, что немцы отступали. Это проделано было не без хитрости. Были оставлены кое-какие орудия и небольшие отряды для прикрытия. Это ввело в заблуждение наших. Нужно полагать, что отступление произошло в порядке.

Врач Соколовский привез с форта Ванновского известие, что уже спешно отправляется в путь, убирают загромождения, и пошел первый поезд по направлению к Радому.

Завтра собирается ехать осматривать немецкие позиции. Говорят, что их окопы плохи, что оставлено много патронов и еще больше пустых бутылок от вина. Нужно думать, что наш неприятель не только сражался, но и напивался.

Одиннадцать дней слушали мы канонаду, лихорадочно переживали жуть пожаров и ночных тревог, свист шрапнелей и бомб.

За эти дни прошли тысячи солдат; приходилось, останавливаясь, разбивали палатки, зажигали костры. Жизнь своеобразная и необычайная царил здесь. Целыми ночами уходило куда-то в темень и грязь молчаливые фигуры; грохотали по шоссе зарядные ящики, дымили походные кухни.

По дороге на станцию, по обеим сторонам, кипела лагерная жизнь. Палатки за палатками занимали лагерное поле. По вечерам слышалась заунывная песня. Шумел ветер ивами, свистели паровозы на путях, и зловеще горело небо от пожаров далеких деревень. Теперь — тишина. Только дождь, крупный и осенний, начал с вечера неумолчную музыку. Один из наших сожителей уехал за полком. Стало просторнее в комнате и грустнее. Дружинны остаются в крепости нести гарнизонную службу. Война только на одиннадцать дней показала нам свой загадочный лик. От созерцания злого божества сторело за эти дни много человеческих жизней, еще больше оказалось изуродованными.

9 октября. С утра начали доноситься глухие, отдаленные раскаты пушечных выстрелов. Где-то далеко опять сошлись враги.

Величайшая панорама человеческих ужасов разворачивается в Европе уже больше 2 месяцев. Сколько времени еще «загадочная Мойра» — империализм — будет заставлять народы безумствовать и истреблять друг друга? Сколько еще вырастет могил? Сколько нужно еще бессмысленных жертв? Сколько трусости, наглости, пошлости, героизма и прочих свойств проявится еще в Европе? Вот два армейских рассказа о «героях».

...Наши войска отступили. В прикрытии были артиллерия и пехотный полк. Наконец, и пехота отступила. Несколько орудий было подбито неприятельским огнем. Осталось два пулемета. Один из пулеметчиков был ранен в ногу и поднят на штыки. Другой — в одиночку продолжал отстреливаться. Когда неприятель стал приближаться, он, недолго думая, взвалил пулемет на плечи и пошел наутек. Местность была пересечена оврагами. Вбежавши на пригорок, он снова установил пулемет и стал поливать неприятеля. Потом снова снялся и двинулся вперед. Прделавши это несколько раз, он благополучно присоединился к своим. Один пулеметчик задержал наступление большого неприятельского отряда.

Это называется героизмом.

А вот другой факт.

В штабе дружины имеется капитан С. Вид у него самый похабный: начиная с тужурки, засаленной и грязной, и кончая физиономией. Тип Хитрова рынка или горьковского «дна». При этом соответствующий хамски-кабацко-пропойно-тюремный апломб.

Он обычно заявляет слушателям:

— Вы знаете, приходится работать 48 часов в сутки. Присесть некогда: вот такая гора бумаг.

Тип разводит руки и показывает.

Волею судеб этот капитан становится начальником штаба и начинает вести себя так, что объединяет всех, кто с ним имеет дело, в оценке: мерзавец!

На основании какого-то циркуляра за таким-то № и т.д. в нашей дружине полковник произвел весь офицерский состав в следующий зауряд. чин. Капитану это показалось странным.

— Помилуйте! Как это там у вас... мм... полковник произвел... мм... и т.д.

Единственный в России полковник!

Когда ему точно указали соответствующий циркуляр, он и я сами стали подписываться, но не зауряд. полковником, а прямо полковником.

И вот этот, с позволения сказать, подполковник подписывает карандашом на офицерской бумаге одного командира дружины какое-то грубое замечание. Тогда тот посылает письмо лично генералу.

— Я служу 35 лет и ни от кого не получал замечания в такой форме, а посему прошу ваше превосходительство: разрешите мне по окончании военных действий вызвать зауряд. подполковника на дуэль.

Через 2 часа полковника зовут на объяснения к генералу.

Тот идет, объясняет, но Г.С. и след простыл...

Конечно, Г.С. драться не намерен.

...С полудня артиллерийская стрельба усилилась и стала приближаться. Под вечер уже слышались выстрелы пулеметов. Значит, немцы ушли недалеко, а может быть, даже снова наступают. Скоро это выяснится.

10 октября. Возле Ивангорода идет новый бой. По одной версии, подошло 11 полков, по другой — 44 /21/ австрийцев. Вчера до ночи грохотали пушки. Сегодня гром продолжается без перерыва целый день. Доносится треск пулеметов, дрожат стекла в нашем домике. Мы обедаем у соседей-артиллеристов. Приехали их лошади с передовых позиций. Три ранены, помят конюх. Рассказывают, что нашим казачьим разъездом захвачен в автомобиле дивизионный генерал — австриец. Казак на всем скаку застрелил шофера, начальник дивизии схватился за руль и опрокинул автомобиль в канаву...

Грохот не умолкает, но мы к нему привыкли. Мои товарищи по квартире безмятежно спят после обеда.

Крепостные орудия еще молчат.

Целую ночь и сегодняшней день шли войска мимо нас по шоссе на передовые позиции. Как просто идут живые люди в огонь, на смерть. Через несколько часов многие из них будут трупами. Как переживают эти предсмертные минуты каждым из тех, которые бесконечно движутся вперед туда, куда им указано?

Заходил ко мне проститься капитан нашей дружины. Он временно перевелся в резервный полк, в действующие войска. Этот капитан был в японской войне, имеет два ордена с мечами, георгиевский темляк и золотое оружие за храбрость. Он мне заявил:

— Ухожу с радостью. Надоело сидеть без дела и передвигаться с места на место. Убьют — умирать все равно нужно. Только хотелось бы знать, чем все это окончится, как изменится карта Европы, кто победит.

Расцеловались.

— До свидания!

— До свидания!

Его сопровождает мальчик, приставший к дружине еще во время выступления. Тоже не хочет оставаться на месте. С дружиной

он приехал, в дружине его одели и кормили: он был в роте капитана. Теперь он не хочет отстать от своего начальства. Шустрый и смышленный мальчишка. Встречались уже нам такие, как и он, — маленькие солдатики. Отдают честь и улыбаются. Во время боев подносят солдатам патроны и даже сами стреляют. В Люблине к нам приставал, просил взять с собою карапузик в грязной холщовой рубахе и солдатской фуражке.

— Я уже был в Австрии. Возьмите!

— Зачем же ты поедешь?

— Заработать хочу!

Утирает грязным кулачком нос и клянит:

— Возьмите, возьмите!

Это маленький мародер, для которого весь смысл войны свелся к возможности стянуть что-нибудь.

А сколько здесь больших и сознательных мародеров! Закупают фураж, довольствуют армию и наживаются, занимаясь тем же самым мародерством, только в широком масштабе.

11 октября. Целый день продолжался бой. Австрийцев потеснили на юг, к Новой Александрии.

Ночью запылали пожары, усилилась орудийная стрельба, затрещали пулеметы и винтовки... Небо звездно, воздух тепел и тих, а на горизонте сверкают молнии, горят деревни и непрерывно гудит адская музыка. При свете пожаров сражаются друг с другом люди.

Издали это производит захватывающее впечатление. Мы втроем вышли на дорогу, взобрались на гимнастические постройки и, не отрывая глаз, смотрели на бой. За ближайшими деревнями и лесом скрывалась большая часть картины. Только огненные языки пламени и белый блеск выстрелов да гул доносились к нам, но настроенное воображение дополняло картину и рисовало ее в чудовищных чертах. И чем-то глубоко древним, доисторическим веяло оттуда, издали.

В звериных шкурах зверские фигуры при свете пожара рвали и истребляли так же друг друга и во имя того же голого принципа: *homo homini lupus est!*

Возле оставленных немцами окопов — целый ряд могил с сосновыми крестами. Написано химическим карандашом по-немецки — русский солдат. На немецких крестах — эпитафии. Из болот вытаскивают синие трупы. А сосновый лес поет над ними погребальные песни...

Сегодня бой продолжается.

На станции много санитарных вагонов. Приехали вагоны — питательный пункт ее величества государыни Марии Федоровны.

Много сестер милосердия, врачей. Встретил знакомого приват-доцента Б.Г. Ш.

Покупаем каждый день газеты и с жадностью прочитываем телеграммы главного штаба. Короткие деловые отчеты передают сжато и просто — то, что мы здесь переживаем.

От 10 октября значит, между прочим:

«Общий отход германо-австрийских армий обнаружен также на путях от Ивангорода к Новой Александрии. Обстрел тяжелой неприятельской артиллерией не причинил существенных повреждений укреплениям Ивангорода и его мостам».

11 октября. «Энергичное наступление наших армий, переправившихся на широком фронте через Вислу, не встречает сопротивления со стороны германцев, продолжающих отступление. В траншеях под Ивангородом захвачено много снарядов и снаряжения, брошенных при поспешном отступлении германским гвардейским резервным корпусом...»

Относительно операций австрийцев пока еще сведений нет. Между тем, они до сих пор еще здесь. На нашем левом фланге и сейчас, вечером, сияет зарево пожара и ухают тяжелые гаубичные выстрелы. Точно гиганты катают по земле тысячпудовые скалы, и земля дрожит от титанической борьбы.

Захвачено 29 неприятельских гаубиц: они были подбиты и взяты штыковым ударом гвардейцев. Но рассказывают и об обратной стороне теперешних сражений. Венгерские полки двинулись на наших гренадеров с музыкой. Те дрогнули и побежали. Их встретил наш пулеметный огонь, который и остановил паническое бегство.

Запасный Мстиславский полк пошел в атаку не весь: два батальона разбежались и были собраны много времени спустя.

Говорят об усиливающемся недовольстве среди австрийских войск тем обстоятельством, что командный состав их пополняется немцами. Солдаты сдаются охотно в плен и только спрашивают, а не будут у нас резать носов и выкалывать глаз?

Так воспитываются в «культурной Европе» войска, и так поддерживается мужество. Относительно положения дел они узнают уже у нас. Многие немцы-пленные были убеждены, что Варшава давно взята, что Ивангород — это Брест-Литовск.

Австрийские солдаты, боясь за свои носы и глаза, не знают, что их Львов давным-давно уже взят русскими.

На вокзале сегодня я наблюдал такую картину: офицеры взяли кипу свежих газет в киоске и начали раздавать их солдатам. Обычно нижние чины длинной вереницей стоят у окна и ждут очереди, чтобы купить газету.

Огромная толпа жадно тянула руки и вырывала друг у друга листки «Варшавской Мысли», «Биржевых Ведомостей», «Петроградского Курьера» и т.д. Остались нерозданными польские газеты.

— Есть поляки? Кто читает по-польски?

Протиснулся сквозь толпу машинист, и он под видом военного получил «Kurjer poranny». Может быть, и нет особенной разницы в действительности, но когда слышишь и видишь подобные факты, то невольно напрашивается аналогия, невольно возникает мысль, что лучше — держать солдат в неведении и сознательно обманывать или раздавать им свежие номера только что полученных газет... и обманывать?

— Вы же, ребята, передавайте газеты друг другу, — просит офицер.

Кое-чему научились у нас во время последней японской войны. Нет блестящих форм, золота и блеска: все серо, все однообразно. Защитный цвет на всех — от солдата до великого князя, у которого шинель тоже из солдатского сукна. Это уравнение символично. На передовых позициях цвет аристократии, высокопоставленные особы — в костюмах сестер милосердия — здесь же.

Объявлен набор студентов для 4-месячной подготовки к офицерскому чину, разрешено поступить воспитанникам средних учебных заведений в ряды войск в качестве добровольцев.

И недавно революционное студенчество, та самая молодежь, которая ниспровергала основы существующего строя, устраивает патриотические манифестации «с портретом государя» и удостаивается «высочайшей благодарности». Три месяца тому назад подобный факт был бы признан измышлением, большой фантазией, а теперь это — сама жизнь...

Целые века спаивался русский народ, отравлялся водкой, нищел и духовно, и материально, и не видно было конца этому национальному бедствию, а теперь «с высоты престола» заявлено, что водка отошла уже в кошмарную область предания. Кто бы этому поверил еще так недавно?

Когда приходилось по профессиональной обязанности читать публичные лекции о вреде алкоголя, чувство скептицизма не оставляло ни малейшей тени надежды на то, что подобная пропаганда может принести пользу: слишком две неравные силы сталкивались в этом вопросе: государственный бюджет и куца общественная российская самостоятельность.

14 октября. Линия боя отодвинулась километров на тридцать от крепости. Стало однотонно, скучно. Серый день, бедный пей-

заж, мутные дали. Прошлые дни придавали всему этому какой-то особенный жуткий смысл и значение...

Успехи наших войск по линии в 400 километров. От Карпат до Варшавы и севернее гремят орудия. Неприятель отступает и наступает, передвигаются тысячные армии с бесконечными обозами, орудиями, полевыми лазаретами. Здесь бои — там затишье, а дальше снова бои.

Немецкие войска сменяются австрийскими. В арьергардных стычках они служат прикрытием для своих более умных соседей, которые руководят военными операциями.

Судя по газетным предположениям, задумано было грандиозное движение на наш фронт с обходами и вклиниением с обхватом наших войск в нескольких местах.

— Лежат целые груды убитых австрийцев, вашескорodie, — докладывает в соседнем помещении солдат батарейному командиру.

Солдаты рыщут по полям и подбирают трофеи.

— Три пачки разрывных патронов, искал штык — не нашел, вашескорodie. Ранец вот еще!

— Ну, вот тебе на чай!

— Покорнейше благодарю, вашескорodie!

Несут винтовки, каски, отдельные штыки. Торгуют.

На почте мне сообщал начальник конторы, что солдатики приносят и сдают домой деньги рублей по 200, по 300.

Откуда, спрашивается?

Некоторые приносят бумажки в крови или пробитые пулями.

Где солдату взять столько денег? «Грабят убитых. Больше ничего!»

— Вот из этого осколка шрапнели, видите, можно устроить пепельницу, а из перегородки от бомбы выйдет пресс на письменный стол, — развивает передо мною планы офицер.

Память о войне...

Во время обеда врывается молодой артиллерийский поручик, здоровается с офицерами.

Его усаживают.

— Закусить!

— Благодарю! Устал смертельно! 18 верст дул пешедралом.

— Чай есть? Ну-ка, закути мне, брат, стакан! — поворачивается он к денщику.

— С красным вином, — предлагает один из хозяев.

— Ладно! Ну, рассказывайте, что в газетах нового? Я ничего не читал еще с 26 августа.

— Ого. Много придется рассказывать. А где вы были?

— Где были? Вы лучше спросите, где мы не были! Были в Авст-

рии, были в Люблинской губернии, в Сандомире, убивали и гнались за неприятелем. Ах, дороги. Теперь нас пехота, походя, обгоняет... Зарезались! А переправы. Под неприятельским огнем строим мосты, лошадей переводим по одной, снаряды переносим на руках, передки повозок отдельно. Остановимся, говорят: четыре дня отдыха. Только расположились — приказание: двигаться туда-то, занять то-то. И дальше, и дальше... Зарвемся, а нас назад отдергивают. Все плохие задачи дают. Но потерь почти нет. Одно только из офицерского состава потеряли. Но лошадей сколько пропало! Кожа да кости. Хочешь погладить, а она падает. У меня уже третья лошадь. Венгерская... Ну-ка, мне еще стакан! Вот упарился! Жаль лошади: пешком шел... Был сейчас в крепости, в штабе. Что рассказывают? Говорят: снята осада Перемышля, отдан Ярослав!

— Ну, там наговорят. Совсе не так все это...

Между глотками чая гость спешит узнать, что и как, и сам безумолку повествует...

Ничего не разберешь... Да, теперь только успевай делать свое дело, а как там вообще идут дела — прямо сообразить некогда!

* * *

Приходит вечером денщик. Его послали в крепость купить хлеба. Целый почти день дежурил он возле крепостной булочной и принес хлеб совершенно сырой.

— Чего ж ты так долго там был?

— В очереди стоял. Не пускают!

— Ну, что ж ты там видел? Много вели пленных?

— Много, ваше благородие.

— А сколько же?

— Сначала провели человек триста и одного охвыцера, потом того, ще штук двести.

— А пушек не везли?

— Пушек — ны бачыв. Як бы везли, то видно було б.

— Дмитриенко!

— Чего зволите, ваше благородие?

— Какие же пленные?

— Австрийцы.

— А немцев нет?

— Не видел, ваше благородие!

— Какие же они?

— Обнакновенно какие: худые есть. Боже ты мой, якие — аж черные! Одын иде ранытый, шкандыбае, а наш солдат его прикладом: иды швыдче, — каже, — стерва!

— Это нехорошо... А если они наших солдат будут так же бить?

— Так точно — нехорошо, а только сказывают, что нашим у них еще хуже...

Вспоминается еще такая сценка.

Привозят на станцию пленных австрийцев.

Наши солдаты вступают с ними в разговоры, угощают папиросами... Когда их увозили в госпиталь, с той и с другой стороны начались приветствия: снимали фуражки, раскланивались... Вообще, нужно думать, что факт, рассказанный Дмитриенко, является довольно исключительным. Много раз приходилось видеть как раз обратное: чисто дружеское, сердечное отношение к врагам.

— Чем они виноваты? Им приказали, они и воюют. Может, он и не хотел, да ничего не поделаешь...

Пленные славяне — поляки, русины, чехи — чувствуют себя совершенно удовлетворительно: в России они не чужие.

* * *

Наступают холода. Резкий северо-восточный ветер пронизывает окна и двери. Осыпаются последние листья.

«Гроза военной непогоды» кажется уже сном кошмарной ночи. Только рассказы о последних боях в окрестностях заставляют еще напрягаться нервы и настраивают воображение на определенный лад.

Кто-то сказал: «Самая лучшая победа стоит самого тяжелого поражения».

С понятием о торжестве наших войск связывается представление о лицевой стороне дела... Могучие раскаты «ура», бравый вид солдат, музыка, георгиевские кресты, которыми украшает грудь солдат сам великий князь Николай Михайлович, и т.п. О том, чем победы куплены, скольких человеческих жизней это стоило, сколько народных денег на это ушло, сколько тысяч семейств осталось нищими и вдали, и здесь, в разоренном краю, мы забываем, и часто очень искренно. Точно этого и не было, точно победы были веселой прогулкой с интересными развлечениями, точно «враг» был смертельно напуган одним видом наших войск и оставил свои укрепленные позиции, побросал оружие, оставил поля, усеянные трупами своих солдат... В действительности картины мест, где происходили бои, производят иное впечатление.

Вокопах, куда попадали снаряды, лежат груды окровавленных и изуродованных тел. В разных позах разбросаны они по полю, которое буквально засеяно шрапнельными пулями. Разбитые головы, оторванные ноги, размозженные грудные клетки... Вот за-

стыл труп солдата, почти в стоячем положении: он собирался или перекреститься, или прикрыть лицо рукой...

Наша артиллерия под Зволином получила приказание не стрелять по неприятельским батареям, так как последние не доносили до нас своих снарядов, а заняться истреблением неприятельских войск. В результате все поля усеяны трупами. Австрийцы устраивали из усадеб и оград бойницы, из костелов — редуты. Наш артиллерийский огонь превращал все это в развалины, вносил ужасающее опустошение. Сила артиллерийских снарядов колоссальна: вековые сосны перерезаются ими пополам, воронки от взрывов равны 4 метрам в диаметре...

Неприятельские окопы переходили постепенно в руки наших войск и сейчас же перестраивались. Шаг за шагом противник выбивался со своих позиций. Теперь только выясняется грандиозная картина того, что произошло на этом огромном пространстве, который называется Восточным фронтом.

В Радове, на совете германо-австрийских генералов во главе с прусским крон-принцем, было решено прорвать нашу линию в нескольких местах, в особенности под Казимержем. Для этого было предположено оттянуть наши силы к Варшаве и в Галицию. План не удался.

Рассказывают, что в нашей крепости был пленный немецкий офицер генерального штаба. Когда его спросили, почему немцы не попытались взять Ивангород с самого начала ввиду незначительного гарнизона крепости, он сообщил:

— Летчиками было донесено, что в районе крепости сосредоточено очень много войск: 3 корпуса.

В действительности было 8 дружин и два полка, т.е. тысяч 15-16, а не 150, как предполагали немцы.

Когда ему сообщили об этом, он схватился за голову.

Поистине, курьезное обстоятельство.

Мы от души хохотали над этим и объяснили такое удивительное преувеличение тем, что наши дружинники с невероятным азартом стреляли по аэропланам, не целясь, но до того усердно, что подстреливали друг друга. Так как летчикам известно общее правило, что по аэропланам стреляют только дежурные части полков, то неудивительно, что беспорядочная сумятица и общая пальба с высоты птичьего полета могли быть приняты за показатель численности наших войск.

Как бы то ни было, вчера совершенно торжественное архиерейское богослужение в крепости в присутствии двух великих князей Александра и Николая Михайловичей, и состоялся парад, во время которого раздавались ими медали и георгиевские кресты. Были украшены даже жандармы, зато представленные какой-то

дружиной солдатики были выгнаны штабным адъютантом с парада.

— За что вас к награде? — возопил сей доблестный лакей генеральской передней.

Нужно добавить, что для награждения знаками отличий каждая дружина должна была выставить солдат. Между прочим, это мудрое распоряжение было получено в 10 часов утра, и к 11 же часам солдаты должны были быть уже на площади, например, от нашей дружины, которая стояла в это время, по крайней мере, в 10 километрах от крепости...

Так истинная храбрость награждается... Быть может, действительно, это недисциплинированное скопище крестьян, одетых в фантастические военные формы для приличия, сыграло трагикомическую роль в спасении крепости, а вместе с ней и важной переправы через Вислу и большого стратегического узла железных дорог? От смешного до великого, как и от великого до смешного, — один шаг. Война — такая цепь случайностей, где регулярные войска могут бессмысленно гибнуть, а ополченские части приносить пользу.

20 октября. Было получено из штаба нашей бригады извещение, что сегодня будет смотр дружинам в 10 часов утра генерал-инспектором Штакельбергом, потом в другом извещении инспектор превратился в Абердорфа. Сегодня оказалось, что он не Штакельберг и не Абердорф, еще какой-то немец.

Удивительный штаб у дружин!

На днях, например, был издан приказ об охране линии окопов. В этом приказе, между прочим, было сказано, что часовые должны так бдительно смотреть в оба, чтобы даже муха не пролетела мимо незамеченной.

— Это в конце-то октября, когда лужи уже покрываются довольно плотной корой льда, должны мимо часовых пролетать мухи, — острили офицеры.

Если бы я лично не видел этого приказа, то ни за что бы не поверил, что в штабе скрываются такие талантливые юмористы.

Начальникам дружин ничего не остается делать, как только доносить: «За такое то число на линии окопов все благополучно. Неприятеля при самом тщательном наблюдении не замечено, ввиду того, что он находится уже далеко за Радомом, т.е. километров за 60-70 отсюда. Мухи тоже не пролетали. Часовые в летней одежде чуть не замерзли на своих постах».

Остается только добавить, что штабу, должно быть, тепло сидеть во дворце и есть досуг писать юмористические приказы...

Часов в девять утра три дружины были выведены на плац, выстроены и все принялись ждать генерала.

Инспектор, несмотря на свое немецкое происхождение, немецкой аккуратностью, по-видимому, не отличался.

Прошел час, другой. И солдаты, и офицеры мерзли и выстукивали ногами. От скуки начали даже взбегать на гимнастическую горку. Наконец, вдали показался посланный вестовой, а за ним два автомобиля.

Приехали!

Осмотр продолжался часа полтора и заключался прежде всего в том, что высокопревосходительный инспектор начал обозревать, насколько чисты солдатские сапоги, как висят сзади у солдата походные торбы. Вид ополченцев довольно фантастический: одежда разнохарактерных фасонов, походное снаряжение — и того хуже. Мне лично больше всех понравился ополченец, у которого были ярко-розовые варежки. Они так отчетливо выделялись на сером фоне, что, если бы он их не снял, генерал, наверное бы, залюбовался ими.

После тщательного осмотра были отделены все нижние чины команды, и оставлена одна рота солдат. Командный состав был поголовно опрошен, действительно ли он командует или избран только на случай смотра, а с ротой было произведено примерное учение. После этого осматривались казармы и попутно — кухня. При этом инспектором было отмечено, что для определения степени навару щей нельзя пользоваться порцией, взятой сверху, а непременно с середины глубины котла после тщательного помешивания. Это замечание оказалось настолько глубокой истиной, что наш бригадный генерал счел своим долгом доложить, что он этого до сих пор не знал. Дальше инспектор приступил к осмотру помещений для нижних чинов. В каждой роте он останавливался и произносил маленькую речь такого содержания:

— Благодарю вас, братцы!

— Рады стараться, ваше высокопревосходительство! — гаркали ополченцы.

— Дураки! — отвечал на это высокопревосходительство. — Чего вы орете? Вы разве знаете, за что я вас благодарю?

«Дураки» сосредоточенно молчали.

— Что же вы стоите такими михрютками?

«Михрютки» продолжали хранить молчание.

Высокопревосходительство успокоился и продолжал дальше:

— Я благодарю вас за то, что вы, как сообщил мне ваш бригадный генерал, три недели простояли в окопах и верно и усердно несли возложенную на вас службу... Еще раз благодарю вас!

Теперь «дураки» и «михрютки», уже не стесняясь, провожали инспектора дружным:

— Рады стараться, ваше высокопревосходительство!..

В заключение смотр инспектор поблагодарил на плацу офицеров, пожал руки дружинным командирам и на прощание всех снял карманным фотографическим аппаратом. Уселись в автомобили генералы и их адъютанты и укатили. После дружин был произведен смотр дружинной батареи. Здесь процедура смотра оказалась проще.

— Объявляю тревогу! — заявил инспектор.

Сейчас же нужно было выводить лошадей...

— Ваше превосходительство, а во что прикажете запрягать? — доложили инспектору.

— В орудия, я думаю!

— Но наши орудия стоят в нескольких верстах, в крепости.

— А... тогда, конечно!..

И так как было уже довольно близко к обеденному времени, то инспектор, между прочим, осведомился, нельзя ли чего-нибудь перекусить.

— С большим удовольствием!

Генералов покормили. Обед был даже с вином. Так мирно и закончился смотр.

Офицерам и докторам пришлось доедать генеральский обед после довольно продолжительного ожидания.

После нашего смотра инспектору было заявлено, что нижние чины получили далеко не соответствующее зимнему времени обмундирование.

Инспектор на это ответил, что будут выданы теплые фуфайки и нарукавники через местное интендантство. Заикнулись о другой паре сапог, но услышали на это:

— А где же взять денег?

В утешение дружинникам можно было бы ответить и иначе, тем более что высокопревосходительный инспектор еще раньше вполне определенно выразился:

— Как же, как же: вы — вполне боевые войска!

Ввиду этого обстоятельства стоило бы сообщить дружинам, что боевые войска, которые проходили в последние дни через крепость, одеты уже в меховые полушубки и теплые барашковые шапки.

Теперь несколько слов о другом смотре в местном крепостном лазарете, который производил принц Ольденбургский.

Окруженный свитой, он проходил по палатам.

— Сколько времени лежат у вас в коридорах раненые неразобранными?

— Не больше суток, ваше высочество! — сообщил ему трепещущим голосом старший врач, о котором я уже упоминал раньше.

— Скажи, братец, давно ты так лежишь? — обратился принц к солдатику.

— Пятые сутки, ваше высочество!

Принц молча посмотрел на рамольного врача и последовал дальше.

— А скажите, пожалуйста, вы стерилизуете одежду раненых?

— Так точно, ваше высочество!

— Всю?

— Всю, ваше высочество!

— Как, даже сапоги?

— Так точно, ваше высочество!

— Не может быть! Где же вы это делаете и как вы успеваете? У вас для этого даже приспособлений нет.

Инспектор опять испытующе посмотрел на марантического врача.

— Мне кажется, что вы сознательно вводите меня в заблуждение, — выразительно добавил инспектор.

— Так точно, ваше высочество! — выпалил старший врач.

— Ниже среднего, — оценил инспектор лазарет.

Нужно добавить, что в лазарете нет ни одного врача-хирурга, а между тем через этот лазарет прошло много и много таких раненых, которые нуждались в хирургической помощи. Наличный состав врачей не имел возможности как следует справляться с громадным количеством больных, а мы ничего почти не делали. Например, за три недели на одном пункте пять врачей перевязали тридцать шесть человек. Эти перевязки были сделаны, собственно, чуть ли не в один день, а все остальное время им пришлось сидеть и ждать, когда же будет работа.

Все это происходило в то время, когда, например, в Кузницах лежали горы трупов и горы раненых. Последние по несколько дней оставались без перевязок, свежие раны превращались в гангренозные, и когда, наконец, раненых на баржах эвакуировали в крепость, многие не могли проехать двадцати километров и по дороге умирали...

* * *

Будни крепостной жизни. Сегодня — как вчера. И это вчера повторяется очень много раз, так много раз, что теряешь счет дням. Однообразие — ничем не нарушаемое. Ждали приезда царя из Минска, но он не состоялся. Надеются, что царь все-таки приедет.

Вчера были получены нашими солдатами подарки, присланные

из России. Рубахи, кальсоны, чулки, платочки, портянки, махорка. Есть совершенно новые, есть поношенные, но зашитые, заштопанные и тщательно вымытые. Судя по вещам, здесь все пожертвовано мещанской и рабочей частью городского населения. Те вещи, которые мне пришлось видеть и раздавать, прибыли из Петрограда, кажется, пожертвованные через редакцию «Нового Времени».

Так как не для всех хватило бы подарков и само распределение их между солдатами — дело сложное, например, махорка, теплая сорочка, — то получали вещи по жребью. Нужно было видеть улыбки и слышать шуточные замечания, когда один получал, например, кальсоны, а другой маленький носовой платочек или восьмушку махорки.

На нескольких рубашках были пришиты бумажки с такой надписью: «Носи, дорогой солдатик, на здоровье рубашечку, подштанники и портяночки, которые я подрубила. 7-летняя Верочка Филиппова, дочь ст. унтер-офицера Артельщика Павловского военного училища. 13 сентября 1914г. Петроград».

Писала эти бумажечки, конечно, не 7-летняя Верочка, а кто-нибудь постарше, но трогательна та вера, с которой это сделано. Как есть: все те вещи, о которых говорится в записке, ввиду недостатка подарков, были разрознены и попали не одному «дорогому солдатiku», а целым трем.

— Которые получили с бумажками, обязательно напишите «спасибо», — командует штабс-капитан.

— Так точно, напишем, — весело отвечают владельцы Верочкиной работы.

30 октября. В Ивангородскую крепость приехал царь.

День с самого утра хмурился. Накрапывал дождик. Три дружины выстроились шпалерами по шоссе к Ванновскому форту. Долго ждали...

Часа в три грянул выстрел. Когда я выехал из квартиры, то увидел над крепостью желтый аэростат. Он снова поднялся после памятных дней, когда возле этого аэростата плавали белые облачка от разрывов немецких снарядов.

Пришлось еще подождать... Дружинники становились в ряды и снова устанавливали ружья в козлы. От холода начинали греться борьбой и беганьем. Сквозь серые тучи, наконец, блеснуло солнце, и ветер стих.

Скоро от форта Горчакова началось необычное движение. Солдаты моментально выстроились и замерли.

— Рота, слушай! — понеслось по линии.

— На караул!

Моноotonно звякнули ружья, и стройные ряды штыков образовали правильные линии, перспективно убегающие за поворот дороги.

Показался первый открытый автомобиль.

Кто-то, повернувшись лицом назад, взволнованно отдавал приказания. Вряд ли кто-нибудь понял, что было нужно этому распорядителю.

Второй автомобиль, закрытый, был царским.

Длинное «ура» понеслось по рядам. Царь сидел с комендантом крепости.

За автомобилем царя следовало еще много других. Ехали чины свиты и представители крепостной администрации. Говорили, что царь будет осматривать передовые позиции крепости. Дружины остались на месте и через час, приблизительно в начале шестого пополудни, проводили его дружным «ура» при обратном следовании в крепость.

Когда расходились, было уже почти темно. По широкому лугу далеко понеслись солдатские песни. Когда я возвращался домой, темное небо во всех направлениях бороздилось светом прожекторов. Основания их со всех фортов сходились к крепости. По слухам, царь останется у нас до завтра.

На следующий день был произведен осмотр местностей, где происходили бои, и крепостных учреждений. Рассказывали, что на передовых позициях, в блиндажах, возле окопов поселился возвратившийся поляк-беженец с семьей. Царь «милостиво» расспрашивал его и разрешил занять участок казенной земли ввиду того, что его земля была изрыта окопами.

В местном лазарете он обходил раненых, беседовал с ними и выдавал награды. Один тяжелобольной спал. Государь попросил сестру милосердия не будить солдата.

— Когда проснется, наденьте ему, — передал он ей медаль для этого раненого.

4. Вне крепости

Мы с адъютантом выдержали упорное сражение против полковника и на случайно подвернувшемся автомобиле вдвоем отправились в Ново-Александрию.

Городок производит впечатление типичного для этих мест поселения. Низенькие домики с непомерно высокими крышами, крытыми черепицей или гонтом. Расположение города довольно живописно. Подаваясь от Вислы в гору, он производит приятное впечатление. Ново-Александрйский сельскохозяйственный институт, вероятно, бывшее имение какого-то польского магната.

Прекрасный парк террасовидно расположен вокруг здания, в парке несколько зданий, на которых лежит та же печать старины и красоты. Институт переведен в Харьков. Здесь мы застали библиотекаря Кристофовича, который на просьбу моего спутника разрешить ему посмотреть институт сообщил, что немцами по институту было выпущено 32 снаряда, но повреждения уже почти все заделаны.

Когда же мы сделали еще попытку уяснить ему, что для ученого лесоведа и доктора цель осмотра института заключается совсем не в пробоинах неприятельских снарядов, он «любезно» заявил, что институт почти весь заперт, и мы ничего не увидим. Пришлось ограничиться тем, что оказалось доступным.

В церкви сделана пробоина, попорчены иконостас и некоторые иконы.

За Вислой мы осмотрели костел. Башню снесло нашим снарядом. Здесь помещался наблюдательный пункт немецкой артиллерии. Остались провода телефона. Может быть, под обрушившейся башней остались и трупы, но пока этого некому выяснять. По направлению к костелу от Вислы видно, как наша гвардия наступала на неприятеля. По речной долине к деревушке идут параллельные ряды окопов и ямок, валяются коробки от консервов, оторванные погоны, кровавые тряпки, и возвышаются маленькие холмики — могилы.

На другой день мы осматривали лесную дачу института. Заведующего не оказалось, и пояснения делал сторож. Здесь производится посадка сосен, имеются участки бука, который уже в этом краю является чужестранцем, здесь — целый лес хвойных пород. Чувствуется запущенность. На опушке леса мы нашли братские могилы: погребены рядом артиллерист, дружинник, казак и грендер. Мой спутник снял эти могилки.

Кто-то украсил их сосновыми ветками и искусственными цветами, взятыми, по-видимому, из крестьянской халупы. Повесил и я на один из крестов украшение — пучок омель, священного дерева друидов. Здесь очень много этого паразитарного кустарника. Он лепится на верхушках сосен, ясеней и берез и на оголенных лиственных деревьях производит впечатление птичьих гнезд.

Сутки, проведенные в Ново-Александрии, все-таки хоть немного освежили нас от крепостного житья, ежедневного лицезрения дружинников и особенно господ офицеров вместе с подполковником.

Вернулись мы в крепость по железной дороге и узнали, что дружины выступили за 21-й километр на саперные работы.

На следующий день утром верхом на лошадях отправились и мы к ним. Решили сделать крюк и проехать по тем местам, где

проходили недавно упорные бои. Поехали вдоль Вислы по дамбе на Казеницы. Дамба вся изрыта нашими окопами. По обеим сторонам ее — воронки от взорвавшихся снарядов. В деревушке Мазалицы перед городом вся местность изрыта, деревья вокруг дороги просверлены пулями и шрапнельными снарядами. Жители бродят по полям и собирают патроны. Мы подняли две немецкие фуражки и шрапнельный стакан.

Казеницы — уездный городок. Здесь длительно жили немцы. В палаццо помещика находился какой-то штаб.

Остались надпись мелом на дверях «Здесь был убит генерал с адъютантом во время обеда» да следы пробоин от наших снарядов. Но жизнь быстро входит в свою обычную колею. Вернулись жители и местная администрация. Нам удалось и лошадь подковать, и недурно пообедать в плохоньком ресторанчике.

— Мы напрасно уезжали, — жаловалась нам хозяйка на довольно понятном польско-русском жаргоне. — У тех, кто оставался, немцы ничего не тронули, а у тех, кто уезжал, забрали все. У нас забрали все продукты, даже зарытую картошку.

В городе — оживление: сюда пришла 19-я бригада ополчения. Проехал по улице генерал в сопровождении кавалькады вестовых, на перекрестках стоит народ и оживленно беседует.

Уже несколько дней доносятся глухие раскаты орудийной стрельбы. По телеграммам штаба верховного главнокомандующего видно, что немцы ведут наступление. Сообщают, что уже несколько дней идет бой под Скерневицами.

Мы выехали на Поличное. Пески и перелески сменились хорошим, на несколько километров ширины, сосновым лесом. Части его вырублены, оставлены только деревья в расстоянии нескольких метров друг от друга. Промежутки засажены под плуг молодой сосной. Вот свежие, маленькие, еле видные из борозд саженцы, а вот уже поднявшийся молодняк. Мой спутник объясняет мне, что деревья оставлены и для засева, и для того, чтобы иметь лес старый.

Здесь встречаются неприятельские и наши окопы, кое-где — кресты. Сейчас все тихо и безлюдно. Едем как будто по кладбищу, где странно нарушает лесную тишину топот копыт. Вдали показался автомобиль и запрыгал по песку дороги.

Подъехали к полотну железной дороги. Остановились посмотреть партию пленных австрийцев. Они шли и мирно беседовали с конвоирующими их солдатами.

Под Поличным ранее происходил ожесточенный бой. Мы подъехали к барской усадьбе. Весь сад изрыт окопами. В каменной ограде проделаны неприятелями в два ряда амбразуры для ружей. Зияли широкие пробоины от снарядов. Костел полуразрушен.

Огромные провалы в потолке и стенах. Алтарь засыпан щебнем, и над этими обломками высится уцелевшее распятие.

Вот кладбище: среди старых могил — ряд свежих, с наскоро сколоченными сосновыми крестиками.

Кто вы, нашедшие здесь последний покой? Русские, немцы, австрийцы, поляки...

Иногда среди поля над полузарытым окопом, может быть, там, где сразила пуля или осколки шрапнели, похоронены они, и только два прутика, связанные крестообразно, сиротливо торчат из земли. Один или несколько в ряд. Серееет холодное небо. Замерла земля. Мир вашему праху, если только прах нуждается в мире. И существует ли мир, если в природе — и камни живут, и все — лишь вечное движение и вечная смена...

Только в сумерках добрались мы после долгих расспросов до деревни Владиславово, где расположилась дружина.

Командир со своей содержанкой расположился довольно удобно. На столе был приготовлен чай, но так как между нами установились холодные отношения, то нам не сочли нужным даже предложить присесть. Мой спутник был этим очень оскорблен.

Мы нашли себе помещение в польской халупе (избе). Хозяйева потеснили и дали нам комнатуху с постелью и диваном. Нашелся чай и сахар, сварили яиц. Потом разговорились, так как здесь оказался бывший железнодорожный сторож на костыле. Должно быть, он жил у родственника. Половина деревни здесь немецкая. Школа есть, но тоже немецкая.

— Кто же живет зажиточно?

— Одинаково.

— Ну, а научились ли вы чему-нибудь от немцев?

— Нет!

— А как относились к вам их войска и сколько времени они у вас пробыли?

— Немцы здесь жили дней четырнадцать. Хорошо жили: покупали масло, яйца и мед. Австрийцы победнее: ходили по деревне, просили только хлеба.

Австрийцы взяли у хозяина лошадь и выдали реквизиционную квитанцию на 500 марок. Реквизицию устроила 1-я гаубичная батарея имени русского великого князя Сергея Михайловича.

— Заявляли мы свою квитанцию, только не знаем, выдадут ли деньги.

Приносит хозяин баночки и показывает.

— Доктор, что это такое? Оставил австрийский офицер.

Оказался — мясной Либиховский экстракт. Центральное депо — Антверпен.

— А мы думали — лекарство!

Убогая обстановка дома, крестьянский уклад жизни здесь напоминают деревню центральной России, но чувствуется, даже и для беглого взгляда, коренная разница.

Здесь конкурируют с немцами в обработке земли, здесь пользуются сельскохозяйственными журналами. Правда, немцы, по словам хозяев, любят лучше поесть, а они живут преимущественно картошкой, но даже в картошке есть своя доля культурности. Хозяин имеет, помимо картошки, трех коров и очень хорошей породы лошадь. Хозяйка дала для наших постелей большие пуховые подушки с чистыми наволоками, с прошивками.

Следовательно, картошка уже не показатель культурности: она только необходимость. Запросы обитателей халупы значительно более высокого порядка. Нашей же деревне еще нужно преодолеть картошку как самоцель, перешагнуть через нее и к чистоте в доме, и к интенсивной хозяйственности...

Сейчас этот край опустошен. На западе от Варшавы — мерзость запустения. Испорчено и уничтожено по возможности все, что можно было испортить: железные дороги, мосты, шоссе, деревни.

— А как немцы, не могут еще сюда прийти? — боязливо-недоверчиво, полувопросительно осведомляются наши хозяева.

Движение неприятеля с северо-запада, отголоски которого доносятся сюда в виде отдаленных раскатов артиллерийского грома, наводит их, очевидно, на грустные размышления...

— Пришли-то сюда теперь вы, но не придется ли вам снова попытаться к Висле? — звучит скрыто в их вопросе.

— Нет, вряд ли это теперь им удастся, — успокоительно заявляем мы полякам.

А между тем на следующий же день узнаем, что передовые немецкие разъезды прорвались через наш фронт и будто бы появились в лесу близ Казениц, т.е. там, где мы еще недавно проезжали.

Из крепости выехали сотни полторы охотников — моряков и артиллеристов. Эта импровизированная конница получила назначение: заняться охотой на прорвавшихся неприятелей. Насколько целесообразно подобное предложение, судить трудно, тем более, что эти сухопутно-конные моряки и артиллеристы в роли казаков представляли собой что-то весьма странное и мало внушительное. О количестве неприятелей тоже ходят разноречивые слухи: называют цифры, разнящиеся нулем — 250 или 2500.

Из газет можно вынести заключение, что некоторое время для нас положение было довольно серьезным, что дружины выведены не только для возведения линии окопов, а и для более активной цели, но последующие дни приносят более утешительные вести. Вчера в крепость привели большую партию пленных-австрийцев

из-под Кракова. Сегодня, 13 ноября, привели их еще больше — 877 человек. Вид у пленных неважный: исхудалые и измученные лица, холодные суконные шинельки. Один из солдат — поляк — подошел к нам и попросил у штабс-капитана «копейку на хлеб». Тот дал 10 копеек. Сзади пленных шла с ученья рота солдат. Отставший австрияк пристроился в последнем ряду и зашагал в ногу между двух наших артиллеристов. Идет и посмеивается. Совсем как русский!

17 ноября. Из штаба дружины было получено сообщение о новом назначении бригады: штаб и две дружины, в том числе и наша, 20 ноября должны выступить в г. Радом. Об этом я узнал по дороге из Владиславова, где мне пришлось осматривать солдат.

Возле форта № 5 встретил врача одной из дружин, который и сообщил мне об этом. В штабе бригады врач дал точную справку. Таким образом, можно будет скоро сделать итог нашего сидения в крепости. Прежде всего, передвижение в город является приятным сюрпризом. Мы уже свыклись с мыслью, что будем сидеть в крепостном заточении до конца войны. Следовательно, переезд в губернский город будет чем-то вроде рождественских каникул. Поедем мы в Радом с настроением, значительно приподнятым. Внутренняя жизнь дружины, вернее, ее офицерского состава, определилась точно.

Полковник с содержанкой примкнули к одному лагерю, а часть офицеров откололась от них. В первом «стане» объединяющим центром служил капитан С. Это тип, который в просторечии характеризуются словом «замухрышка». Он был когда-то офицером полка, но оттуда его попросили удалиться за один очень непристойный поступок. После он был становым приставом, но и на этом посту не сумел удержаться. Маленький человечек имел большую претензию на крупные роли. Он вечно лотошил и распоряжался, причем его небритая физиономия выражала чрезвычайно много того, что принято называть сознанием собственного достоинства. Вел он себя во всех случаях так, как человек, который за словом в карман не полезет и никогда не стесняется. Если ему лично сообщали, что его поведение неприлично, то капитан произносил многозначительное «ага» и продолжал поступать по-старому.

Во время сидения в Сецекове перед наступлением немцев, когда некоторые доблестные офицеры дружины решили, что они будут перебиты неприятелем, и поэтому начали накачиваться коньяком, адъютант Б. заявил им, что он подает рапорт, если пьянство не прекратится. Во главе пьянствующих неукоснительно стоял капитан С. Сюда как-то приехал подполковник одного из полков для того, чтобы осведомить офицеров о диспозиции. В это вре-

мя на столе стояли закуски, поросенок и коньяк. Капитан, сильно подвыпивши, протянул насколько можно величественнее длань и изрек: «Не надо диспозиции, давайте лучше закусывать».

Денщик этого капитана почти официально был уличен в мародерстве, но это нисколько не помешало ему по-прежнему оставаться денщиком.

В деревне Лое во время боев под Казеницами этот бравый капитан вообразил однажды ночью, что на деревню напали немцы и что впереди стоящие войска стреляют по деревне. Прибежал к полковнику и заявил, чтобы тот потребовал прекращения стрельбы. Тот написал, кому следует, записку и получил в ответ, что никакой стрельбы по деревне не было. Здесь же капитан чуть не подрался с поручиком К., бывшим полтавским неперменным членом землеустроительной комиссии, статским советником. Ввиду того, что полковник отсутствовал, капитан вообразил, что он теперь — начальник дружины, а посему потребовал от статского советника, уже очень пожилого человека, чтобы тот при разговоре с ним не смел держать рук в карманах.

За глаза этого капитана даже земляки называют мерзавцем, но это нисколько не мешает тем, кто так говорит, продолжать подавать ему руку и даже ходить к нему обедать.

* * *

Наше назначение в Радом изменено. Мы должны выступить в г. Конск. Выступление назначено на 21 ноября, но командир дружины распорядился выступить 20-го.

С 4 часов утра началась спешка, а выступили часов в 6 вечера. Отдавались одни приказания, потом отменялись, укладывались бесконечно на телеги благоприобретенные по деревням пожитки: кровати, стулья, перины, даже горшки с цветами. Остались большие кадки с филодендронами, вывезенными из соседней усадьбы, где они были позаимствованы командиром, остался портновский манекен для примерки. Зачем было взято это имущество, трудно представить, но денщик командира неукоснительно перевозил его с места на место, пока, наконец, счастливый обладатель этого сокровища с большою душевной не оставил манекен на форту № 6 Ивановской крепости. Остались и русские винтовки, подобранные дружинниками. Командир тоже перевозил их совершенно неведомо для какой надобности. Хотел ли он составить коллекцию из них, хотел ли получить благодарность от начальства — неизвестно. Подобранные оружие обыкновенно возвращалось в крепость. Но человеку, который не брезговал манекеном, не стоило никакого труда присвоить и казенные винтовки. Мне он мно-

го раз говорил, что нужно присвоить какую-нибудь санитарную повозку для медицинских надобностей.

— Что же, в Маньчжурии я подобрал несколько повозок. Кроме благодарности ничего не получил, — поучал он нас.

Занимаясь стяжанием, этот «добрый человек» действовал первобытному: он «жал там, где не сеял и собирал там, где не рассыпал».

Но если вопрос о стяжании хоть по виду касался его собственных интересов, он становился вдвое рассудительнее и неподкупнее.

Жалование он боялся выписывать для других в том размере, в каком оно полагается, а себе не стеснялся и выписывал больше, чем следует. Основанием для этого служило такое соображение: если будет начет на дружину, то придется расплачиваться командиру. Если командир сам получил больше — это ничего, если другие получают больше — это будет плохо. Конечно, получать больше того, что следует, никто и не собирался, но это не мешало полковнику систематически недодавать и полагающееся жалование. Боязнь истратить лишнее, введенная в систему, приобрела весьма некрасивый характер. Чтобы не истратить лишнего, он, например, питался вместе со своей содержанкой у капитана — отставного станового. Последний же прикармливал начальство, несомненно, на крохи, падающие со стола солдатского. Чтобы излишне не расходоваться, полковник ютился по крестьянским избам при стоянках и ничего за постой не платил. Вместе с этим он чрезвычайно заботился о том, чтобы получить награду и выслужиться, но для этого у него не хватало одного — ума.

За бои под Ивангородом к наградам были представлены все офицеры. Основанием для наград, за неимением других заслуг у дружинных офицеров, служило одно: мы способствовали возведению окопов. Между прочим, в число представленных к наградам попал и один прапорщик, который еще перед наступлением неприятеля уехал сопровождать в К. сожительницу командира. Во время боев этот прапорщик отсутствовал, но и ему поставлено в заслугу «возведение окопов».

Во время приезда царя многие получили награды. Некоторым были подарены золотые часы. Эти часы до того разволновали нашего командира, что он несколько дней не мог ни о чем говорить, не вспомнивши часов.

— Вот они какие — пролезли вперед и получили! А за что, спрашивается? — убивался он совершенно непритворно.

— Оставь, Митя, говорить все о часах, — смеялась даже сожительница полковника.

— Чего там — оставь: ведь можно было бы получить, — вздыхал он.

За этим горестным вздохом следовал не менее горестный расказ о том, как получил часы какой-то знакомый подполковник, заведующий только автомобилями, получил даже шофер...

Мании бережливости этого отставного пограничника я и адъютант были обязаны тем, что при передвижении из Ивангорода на место нового назначения, мы избавились от сомнительно-приятного удовольствия следовать вкупе с этой «интеллигентной компанией». Командир решил, что мы неумеренно много ездим верхом на наших лошадях, и потому предложил нам ехать до Конска по железной дороге. «Нет добра без худа». На несколько дней мы избавились от необходимости лицезрения этих «милых людей» и вздохнули спокойнее.

После бесконечных и нелепых криков и суеты командир дружины усадил свою соержанку на лошадь и выехал со своим скарбом из форта.

Было уже поздно, но луна так ярко светила, и вечер был так обаятельно хорош, что не хотелось верить глазам. Там — у нас — уже трещат морозы, а здесь так тепло, что похоже не на зиму, а скорее, на раннюю осень.

Мы сложили свои пожитки на телегу, а сами двинулись в путь на станцию пешком.

Висла лениво бежала, сдавленная с берегов тонкой ледяной корой. Луна четко вырисовывала песчаные отмели и серебрилась в воде. На мосту мы даже задержались, любуясь ночью. Мой спутник вспомнил Урал, где он когда-то работал. Вероятно, вид реки навеял — по ассоциации — эти впечатления.

На станции нам удалось довольно быстро пристроиться к поезду, в котором везли снаряды. Отправка таких поездов — вне очереди.

— Скоро поедем?

— Минут через десять.

Молоденький прапорщик с университетским значком любезно уступил нам отделение в вагоне, предложил чаю. Он — начальник поезда. Здесь уже сидит несколько человек таких же, как и мы, гостей: два врача и какой-то штатский. Один из врачей оказался моим товарищем по университету. Он прикомандирован к эвакуационной комиссии. Был болен, лежал в Уздовском госпитале в Варшаве и теперь снова едет заниматься эвакуацией. Этот врач сообщил мне следующее:

— Работа наша связана с железными дорогами. Иногда бывает очень много раненых, но все, что мы делаем, не требует специаль-

ных медицинских знаний. Это могли бы делать и просто военные чины.

...А поезд все стоит. Оказывается, что им воспользовались и прицепили еще несколько вагонов с походными кухнями и с каким-то грузом.

Открылась дверь, и в вагон вошел полковник чрезвычайно торжественного вида. За ним следовал нижний чин.

— Где же мое место? — удивленно осведомился вошедший.

— Места здесь для вас нет, — вежливо сообщил ему прапорщик.

— Как же так? Комендант станции сообщил, что здесь для меня есть место. Я хотел ехать пассажирским поездом, но мне отсоветовали. Кроме того, сюда прицепили вагон с моими лошадьми.

— К сожалению, места все-таки нет, — повторил прапорщик. — Мне не сообщили о том, что вы собираетесь поехать.

— Вот как!..

Величественный полковник помолчал, потом прибавил совсем другим тоном:

— Прошу извинить! Я не знал. Вы, вероятно, начальник эшелона?

— Так точно, господин полковник.

— Но, может быть, все-таки найдется место?

— На верхней полке, если хотите, можно убрать вещи, потом вот есть еще боковое место.

Полковник, который ехал вместе со своими лошадьми, молча разделся и улегся спать на боковом месте.

Поезд стоит и стоит.

Экстренность, оказывается, на войне — понятие довольно относительное, особенно экстренность железнодорожная.

А рассказывают, что на передовых позициях часто ощущается недостаток патронов. Один артиллерийский офицер повествовал, что солдаты за неимением патронов прямо идут в штыки.

— Однажды мы видели, как уходили поезда с неприятельскими солдатами. Позиция была на удивление хороша, у нас были пушки, но не было ни одного снаряда. Прямо хотелось броситься с голыми руками. Хотелось плакать от бессилия.

Как бы там ни было на передовых позициях, но поезд со снарядами, в котором мы собирались уехать через 10 минут, простоял четыре с лишним часа на станции.

В г. Радом приехали утром.

Город еще спал. До нас здесь были немцы, но с внешней стороны ничто не напоминает о том, что неприятели прожили здесь довольно долго, и, как рассказывал нам один из местных жителей на этапном пункте, принц Иоахим уже облюбовал Радом как свою будущую резиденцию.

Город встречал принца и главнокомандующего — генерала Гинденбурга. Приготовлены были апартаменты, для которых по всему городу разыскивали самую лучшую мебель. Генерал, инспектировавший дом перед прибытием высокопоставленных особ, остался недоволен одним умывальным прибором, поэтому на город была наложена контрибуция в размере пятисот рублей. Всего же было уплачено одновременно за подобные же провинности до 7500 рублей.

Дружина пришла через день.

В наши задачи входило подыскать место для дневки. С утра мы отправились в пригородное село и наметили дома.

Когда солдаты разместились, прибыл обоз вместе с заведующим хозяйством. Оказалось, что дружина шла до Радома, во-первых, не той дорогой, которая ей была указана в маршруте из штаба, а, во-вторых, местом стоянки была не та деревня, где по распоряжению полковника мы намечали квартиры. И то, и другое он сам избрал. Распоряжение штаба показалось ему недостаточно разумным. В силу этого обстоятельства некоторые занятые нами места были заняты каким-то запасным батальоном, и разместить обоз не представлялось никакой возможности. Любопытнее всего то, что наш обоз, руководясь предписанием штаба, вышел 21 числа, а не 20-го, как это проделал полковник, и шел по маршруту самостоятельно, без дружины. Подполковник, заведующий хозяйством, махнул рукой и решил действовать по указанию штаба до конца, поэтому приказал обозу повернуть оглобли и ехать в другую деревню.

Командир по обыкновению пристроился в деревенском домике — не пожелал жить в городе: и дешевле, и к природе ближе. Капитан С., состоящий неофициально адъютантом при сожительнице командира, остался здесь же. Остальные офицеры из этой компании постыдились и поселились в городе.

После дневки дружина выступила дальше. И здесь командир собирался проделать тот же маневр: пойти своим собственным маршрутом.

Об этом своеобразном проявлении самостоятельности говорили долго и много у нас в номере, куда сошлись все офицеры за исключением командира и капитана. Результатом этих разговоров было то, что командиру передали о нашем отрицательном отношении к его фантазии. Нарушение маршрута могло бы привести к большим недоразумениям: очередное распоряжение штаба, посланное с ординарцем по пути нашего следования, не могло бы попасть к нам, так как дружина шла бы другим путем. Все несчастные случаи, вплоть до столкновения с прорвавшимися врагами,

были бы отнесены на личный счет командира дружины и т.д. Как бы то ни было, но дружина выступила вовремя и по маршруту.

Мы переночевали в Радоме и выступили одновременно с дружиной на станцию, хотя накануне получили предписание выехать в тот же день, чтобы скорее приехать в Конск и подыскать подходящие квартиры.

После долгого ожидания удалось пристроиться к поезду земской организации. Старшим врачом поезда состояла женщина. Благодаря ее любезности, мы были обеспечены проездом до Скоржиско. Дальше нужно было пересаживаться на другую линию.

Ехали от Радомы положительно шагом. Весь путь был испорчен. Систематически на стыках двух рельс виднелись взрывы. Некоторые рельсы погнулись и изломались самым причудливым образом. Все мосты были взорваны. Мы ехали, собственно, по вновь проложенному пути. На месте мостов были положены штабеля шпал в квадрате.

Получились импровизированные столбы — «быки», которые и поддерживали рельсы. Телефонные столбы были разбиты снарядами, переломаны, железнодорожные станции представляли или груды развалин, или только остов из уцелевших кирпичных стен.

В вагоне с нами сидели два священника, ехавшие к своим войсковым частям, штабс-капитан, который после болезни тоже возвращался на передовые позиции, врач и артиллерийский офицер.

Денщик штабс-капитана поместился в вагоне с санитарями. Денщик им мешал, и они выпроваживали его из своего вагона. Офицер пошел расправиться с ними, услышал, что они говорят по-немецки, вскипел и нашумел на санитаров, которые оказались меннонитами. (Лютеранская секта, отрицающая, между прочим, войну. Меннониты — преимущественно выходцы из Тироля, поселившиеся у нас с 1786 года на юге).

Те пожаловались врачу. Женщина-врач, в свою очередь, накинулась на офицера:

— Они добровольно пошли на войну. Много работали, а вы кричите на них только за то, что они говорят по-немецки. Они голландцы, а не немцы.

— Вот везде так, — жаловался нам штабс-капитан. — Немцам всегда дают предпочтение.

— А вы в первый раз об этом узнали сегодня? — осведомился мой спутник. — Успокойтесь, эта истина давно уже потеряла свежесть новизны...

В полдень мы приехали на ст. Скоржиско. Большая узловая станция. Здание сожжено, мастерские тоже. Везде печать разрушения.

Кое-как пообедали в поселке и узнали, что на Конск можно ехать по железной дороге.

Устроились в вагоне для проезжающих офицеров. Он стоял в тупике. В таком же вагоне помещается и комендант станций.

Ночью нас разбудили. Пришел поезд с патронами и снарядами на Конск. Мы отыскиали себе место и снова улеглись. Утром, еле забрезжил свет, я проснулся. Поезд стоял. Пошел узнать, какая станция. Оказался — Конск. Здесь та же картина разрушения.

Взяли багаж и по способу пешего хождения отправились в город, благо он оказался близко. Городок обычный, костел очень старинный, русская церковь очень новая, еврейские магазины.

Оставили вещи в гостинице «Виктория». Гостиница — средневековый дом: старая хозяйка — еврейка, мадам Маркович, уступила нам комнату — столовую.

Мы побродили по городу, побывали в магистрате, в костеле и пошли посмотреть дворец гр. Тарновского, где, как нам говорили, останавливаются офицеры. Дворца не оказалось, но целый ряд одноэтажных зданий, парк, ограда — все говорило о том, что здесь можно устроиться. Встретили управляющего, который любезно предоставил в наше распоряжение несколько комнат с очень хорошей обстановкой и электрическим освещением. Здание построено полукругом с боковым коридором. В коридоре стена снаружи украшена лосиными рогами, а внутри — гравюрами. Это в обычное время — помещение для гостей. После скитаний по фортам Ивангорода и деревням мы попали в такую культурную обстановку, что не хотелось верить в близость фронта. Даже ванна была к нашим услугам. Эти квартиры предназначались для штаба 4-й армии, который собирался сюда перейти из Влощева после того, как южнее Лодзи произошел прорыв немцев, но теперь выяснилось, что штаб сюда не перейдет. Раньше здесь тоже были немцы, и жил все тот же принц Иоахим. Он даже купался в той самой ванне, в которой теперь купались мы. Особенно были заинтересованы этим денщики.

— Купайся, ребята, в царевой ванне! Вот здорово!

Стоянка нам здесь чрезвычайно улыбалась. Прибывшая на другой день дружина не жалела о том, что ее не оставили в Конске.

28 ноября. Была получена телеграмма из штаба бригады о вытуплении дружины в другой город на север, поближе к театру войны, в Опочно.

Вот тебе раз!.. А мы здесь так удобно расположились и решили, по крайней мере, в течение месяца нести гарнизонную службу в этом городе.

Дружина выступила в тот же день, а обоз остался еще ночевать.

Воспользовавшись отсутствием начальства, которое так ревниво заботилось о наших лошадях, мы с адъютантом приказали их заседлать и отправились в гости к лесничему за 4 километра от города.

Здесь построен лесопильный завод графа. Лесничий, с которым мы познакомились накануне, очень охотно показал нам завод. При нас производилась распиловка бревен на доски. Пилы приводились в действие турбинным или паровым двигателем, если в пруде было мало воды. Осматривали посадки сосны. Лесничий жаловался на существующее здесь сервитутное право, которое мешает правильной постановке лесоразведения. Выпасы крестьянского скота причиняют вред молодым насаждениям, из леса выбирается хвоя и валежник. Все это вредит лесному хозяйству и является неизбежным злом, вследствие существовавшего сервитутного права.

В квартире лесничего было тепло и уютно. Бегали дети — четыре девочки. Хозяйка — еще молодая особа, дочь железнодорожного служащего. Нас оставили ужинать. Разговор, как должно быть и везде, почти все время не выходил из рамок военных интересов.

Чувствовалось, что эти люди затронуты войной больно. Война для них теснейшим образом связана с будущим их родины.

— Если с нами не случится что-нибудь худшее, чем было до сих пор, то будет хорошо, — резюмировал хозяин свои соображения.

Поляки как будто верят и боятся верить в возможность возрождения. Много раз они обманывались. Интересно отметить мнение по тому же вопросу простого народа. Польский крестьянин думает иначе.

— Мы раньше работали на панов. Александр I освободил нас. Теперь заплатил подати, отбыл натурой повинности, и сам живу паном.

— А как же живет полякам у немцев?

— Плохо у немца: поляк хочет покупать землю, дает 5000, а немец — 10000. Говорить и читать по-польску не можно, учиться в школе по-польску не можно. Познанские — немецкие солдаты говорят: хотим быть русскими.

Так говорили польские крестьяне, с которыми нам приходилось беседовать по этому поводу.

29 ноября. Обоз выступил из Конска. Был ясный и теплый день. Возле шоссе встречались крестьяне за пахотой. Не хотелось верить, что это конец ноября. В девяти верстах остановились закутить в одной деревне. С большим трудом удалось достать «яйки» у

евреев, так как была суббота. Ночевали в 8,5 километрах от Опочны в крестьянской халупе.

Жители напуганы неприятелем и ютятся кое-как. Все ждут, что опять нагрянут немцы и им снова придется уходить в лес. Утром выступили на Опочну. По дороге встречались крестьяне и крестьянки в национальных костюмах. На мужчинах были белые кунтуши, на женщинах оранжевые юбки и накидки с лиловыми продольными полосами. Жители шли в костел, в город. За лесом виднелись трубы заводов. Город расположен в долине. Полотно дороги сохранилось, но мосты были взорваны. Заводы оказались — известковым, цементным и чугуно-литейным.

Наша дружина остановилась, по обыкновению, в деревне. В городе довольнолюдно и шумно. Здесь помещаются лазареты, гвардейские части, толпятся жители.

Долго ли мы будем стоять здесь? Такой вопрос невольно приходится задавать всякий раз, когда приезжаешь на новое место.

Командир дружины и его сожительница на телеге под дождевым зонтом, в трогательной близости, поехали к этапному коменданту. Командир пойдет по делу, а его половина — за компанию. В Ивангород таким же образом они ездили в конную сотню для ревизии ее денежной отчетности. Офицеры, которых никто не предупредил, приняли сожительницу за мальчика, тем более, что полковник официально выдает ее за племянника. В ее присутствии в выражениях не стеснялись. Потом, когда недоразумение выяснилось, все были очень смущены таким оригинальным знакомством.

Была получена из штаба телеграмма о выделении из дружины 300 человек с офицерами для составления запасного батальона. Командующим ротой по жребию стал капитан С. Адъютант остался в дружине. Таким образом, началось постепенное введение в дело и наших солдат. Дружины — войска третьего сорта — и по мобилизационному плану призваны нести охранную, конвойную и гарнизонную службу внутри страны. Теперь, оказывается, для дружины открываются новые перспективы. Впрочем, в полдень получена была новая телеграмма, в которой нам предписывалось возвратиться в г. Радом. Раньше предполагалось, что в Опочне соберется вся наша бригада во главе с генералом и штабом. Для них в городе были даже заняты квартиры.

Значит, снова сниматься с места...

* * *

Решено, что мы выступаем завтра, но до сих пор неясно, каким образом мы совершим это путешествие. Наши солдаты имеют по

одной паре сапог. Они уже в достаточной мере сильно потрепались за четыре месяца, а между тем, если придется идти до Радома пешком, нужно будет проделать не меньше 128 километров. Ясно, что дружина очутится полубосой и предстанет перед очами генерала в наивной красоте оборванной банды.

Между тем взять хотя бы телеграфный приказ о выделении из дружины роты для запасного батальона. Там сказано, что начальник дружины должен донести о всем недостающем в обмундировании нижних чинов. Дальше сказано, что выделенные должны быть отличными стрелками, молодыми, здоровыми. Командир дружины должен сейчас же заняться возобновлением их воинских познаний и т.п. Оставляя в стороне последние требования, которые звучат по отношению к нашей дружине как самая наивная ирония, даже вопрос о недостающем обмундировании явился только пустым словоупражнением.

— Как же я сообщу, если генерал не любит неприятных сообщений? — удивился наш командир.

Из этих слов было ясно, что солдаты у нас могут остаться даже в том, в чем они появились на свет, но в дружине все должно обстоять (конечно, только на бумаге) в лучшем виде.

1 декабря в нашу деревню нагрянули 2 полка 14-го корпуса и артиллерийский парк. Там, где дружина в 980 человек распределялась с трудом, они ухитрились расположиться с удобствами. Быстро и решительно были заняты халупы; в домах, где должны были остановиться командиры, провели полевой телефон.

Но бедная дружина оказалась за бортом: ее просто, но убедительно попросили очистить помещения. Люди оказались на улице. А поезда для обратного следования в Радом еще не подали. Я получил от полковника записку с предложением ехать раньше дружины. Вещи были отправлены на станцию. Итак, прощай, Опочно!

В товарном поезде оказались два вагона-теплушки. Раздобыли дров, зажгли свечу. Солома на нарах была довольно свежая. Расположились как дома и занялись чаепитием. На станции Конск нашу теплушку осадила публика: военные и штатские, даже женщины, выселившиеся из Ченстохова. Стало тесно, но весело. Молоденький поручик залез на нары и расположился вдоль них; за нашими спинами отставной полковник согнулся и с видом закоренного стойка начал мечтать о хорошей закуске и рюмке «доброй водки».

Волей судеб в нашей теплушке нашел себе приют и лесничий, у которого несколько дней тому назад мы были в гостях. Он призван как ратник и едет к воинскому начальнику.

На станции Скоржиско нам пришлось расстаться с теплушкой и переселиться в другой поезд. Здесь мы после тщательной рекогносцировки заняли вагон с автомобильным хламом. Приспособили сидения, расставили вещи и устроились, как в купе 1-го класса. Только бочки от бензина, пожарный насос да автомобильные верхи нарушали иллюзию. Правда, было еще и очень холодно, так этот вагон был уже настоящим товарным. Устроились и опять принялись пить чай.

Как, в сущности, нужно немного для человеческого благополучия! Полковник рассыпался в комплиментах по моему адресу за то, что я устроил их «с таким комфортом» и напоил чаем. Он угостил нас целым калейдоскопом рассказов из военного «старого и доброго быта». Сейчас этот полковник не у дела, но, должно быть, в силу этого обстоятельства он очень чувствительно реагирует на события дня. Ругает поляков-легионеров, рассказывает о том, как два раза занимали его дом немецкие офицеры и после первого нашествия оставили его в идеальном порядке вместе с извинительным письмом, а в другой раз — дочиста разгромили. Рассказывает о своей службе, об офицерах-бурбонах, которые когда-то существовали в нашей армии, выслужившись из нижних чинов. Без конца тянется нить его воспоминаний. Клонит в сон. Ноги так застыли, что кажутся чужими. Прилечь бы — побыть в горизонтальном положении...

Шесть часов утра. Стоим на разъезде в 9 километрах от Радома. Проходит один поезд, другой возвращается, снова приходит поезд и уходит, а мы стоим. Совсем обутрело. Сон прошел. Мои нижние чины выползли из вагона и начали прыгать — греться. Денщик Берлизев стянул шутки ради у писаря Осьминкина перочинный нож. Тот кинулся искать.

— Ищи получше! Ты его, должно, возле паровоза обронил.

— Нет, видно, у него прохожий солдат вытащил.

Писарь ревностно ищет и ругается:

— Третий нож теряю! Прямо горе.

Фельдшер, служитель и денщик подбадривают бедного парня и похохатывают... Совсем — взрослые дети.

5. Опять в Радоме

Только на театре войны можно полно и обстоятельно понять удовольствие поездки по железным дорогам.

Целые армии на сотни километров передвигаются пешком по шоссе и проселочным дорогам. Марши совершаются по грязи, под дождем, на холоде, в зимнюю стужу. Верхом на лошади — немногим удобнее: ноги немеют и стынют, лошадь спотыкается в

рытвинах и обдает вас брызгами грязи. Дождик медленно, методически превращает шинель в тяжелую мокрую губку. Если у вас есть плащ, то он коробится, размокает, и вы сидите в нем, как под ледяной корой.

Вот здесь только и можно оценить уют вагонов, где сухо, тепло и светло. Даже простой товарный вагон на 40 человек и восемь лошадей — уже предмет, достойный значительной доли вашего внимания.

Прождавши бесплодно несколько часов дальнейшего следования на Радом, я перешел в санитарный поезд. Он простоял не более получаса и двинулся.

В вагоне 3-го класса помещались санитары. Столик у окна закрыт чистым листом «Русского Слова», на боковых простенках развешены солдатские фотографии; постельные принадлежности аккуратно свернуты. В одном отделении сидят солдаты и чистят картошку для кухни. Последняя помещается в соседнем вагоне. Везде здесь чувствуется домовитость, оседлость.

— Давно вы так воюете? — задал я вопрос санитару.

— Четыре месяца, ваше благородие.

Изо дня в день живут они здесь, а машинист получает пропуски на станциях и возит их из Радомской губернии куда-нибудь за тридевять земель, в глубь страны. Там они сдают свой живой груз — раненых — и снова идут в Андреев, Кельцы, Опатово, Опочну и т.п., и снова нагружаются...

Принесли чайник с горячим чаем, хлеба и сахару.

— Милости просим, ваше благородие, чайку?

Прапорщик, подсевший сюда раньше меня, придвинулся к столу.

— Да, хорошо теперь проглотить стакан — после холодного вагона и бессонной ночи.

— А вы откуда едете?

Я сказал. Разговорились.

Теперь во время войны условности знакомства, разница положений, взглядов — все те бесконечные перегородки, которые разделяют людей на близких и далеких, отпадают, как потерявшая свое значение шелуха. У всех есть одна объединяющая и неисчерпаемая тема — война.

— Давно вы читали газеты? Как наши дела? Что знаете о Лодзи и Ченстохове?

— Позавчера я был в штабе армии. Говорят, что готовится что-то грандиозное, решительное... Купил два номера «Русского Слова» и по карте рассмотрел картину последних боев...

И офицер, и я делимся своими соображениями. И мои, и его впечатления сходятся на том, что наши союзники — французы и

англичане — непонятно медлят на Западном фронте. Целый месяц, если не больше, почти ничего не делают. Точно стараются отыграться от войны на тех жертвах, которые сейчас несет Россия.

Вспоминается выражение, принадлежащее якобы главнокомандующему французской армией, о том, что он удивит мир грандиозностью событий и минимальными потерями.

Вероятно, мир будет вообще удивлен колоссальными жертвами и микроскопическими результатами войны, если не принимать во внимание ужасающего и не учитываемого ослабления после войны воюющих народов.

Экономическое самоуничтожение Германии как страны по преимуществу индустриальной, громадный рост рынков Англии, территориальные «приобретения» России... Все эти вопросы всплывают невольно сами собою и заканчиваются тоже невольным вздохом офицера:

- Когда же, наконец, все это окончится?
- А говорят, что война еще только начинается.
- Да, но странно, что все говорят, а верят этому немногие.

Какие еще жертвы будут принесены, какие еще возможности и осложнения откроются?

Несомненно только одно, что упорство Германии будет сломлено. В этом почти никто не сомневается.

Трудно сейчас быть пророком, а еще хуже быть панегиристом и, захлебываясь от тупоумного, а, может быть, и преднамеренно нечестного восторга, воспевать героизм и доблесть. Теперь эти слова звучат диким и бессмысленным анахронизмом. Во времена Гекторов и Ахиллесов — они, может быть, и выражали сущность вещей, а в эту войну им не должно быть места в нашем лексиконе. Нужны новые слова для определения понятий этой чудовищной бойни. Вместо героев здесь имеются просто люди, выполняющие закон железной необходимости. Они мерзнут, простуживаются, не доедают, не досыпают, стреляют, умирают... Но только без эффектов, без бутафории, без красок и красочности, которая связана в нашем представлении с героизмом. Это все теперь нужно отбросить, как ничего не выражающие понятия.

Миллионы этих героев копошатся на пространстве сотен километров, не видя дальше своего собственного носа, и когда является возможность, одни из этих миллионов наступают, а другие отступают. Под грохот стальных чудовищ — орудий истребления, под свист шрапнелей пулеметов падают или других заставляют падать. И только где-то далеко в штабах армий, откуда идут приказания, весь ход событий синтезируется и учитывается.

«Это была победа, а это — поражение».

Но так как и в штабах находятся тоже только люди, которым свойственно ошибаться, то люди в немецком штабе и в русском штабе по поводу одного и того же события высказывают два противоположных, взаимно друг друга исключаящих суждения. И кто из них прав, никто этого не знает. Назавтра, быть может, победа одних окажется жесточайшим поражением, но сегодня — это победа. Досужие хвалители с апломбом присяжных сутенеров и альфонсов слова восторгаются и протитуют на страницах печати и ради красивой фразы не щадят ни своего имени, ни своего ума, ни своих седин. Вечные проститутки «Русского Слова», «Биржевки», «Нового времени» создают шумиху и так называемое «общественное мнение».

И когда читаешь эти слюнявые слова, полные риторического пафоса, краска стыда и обиды заливают лицо. Хочется крикнуть этим сознательным и бессознательным кликушам прямо в лицо самыми последними непечатными словами: «Постыдитесь, добрые люди. Нельзя же танцевать канканы на похоронах».

Но эта война имеет удивительное свойство так извращать человеческие понятия о дозволенном и недозволенном, что фантастическое восхваление массой и сплошное безумие приобретают вполне закономерный характер. Видел я одного путейского инженера, читающего лекции в одном из высших русских учебных заведений, который говорил убежденно:

— Германию нужно уничтожить, заводы Круппа взорвать. Я бы сам поехал это делать. Нужно раздавить милитаризм в корне.

А когда ему задали вопрос, что он намерен сделать с заводами Крезо и Армстронга, удивленный путеец заявил:

— Так это же заводы наших союзников!

Значит, этот интеллигентный и неглупый, должно быть, человек в простоте сердечной забыл, что наши сегодняшние союзники вчера были нашими врагами и могут быть ими завтра, что они и не переставали никогда быть врагами.

В штабе нашей бригады ничего не знают о дальнейшем назначении. Говорят о том, что будут строиться для дружин землянки возле Радома, т.е. предполагается, что мы останемся здесь надолго. Вряд ли это так, но спасибо и на этом.

Кроме нашей и дружины при Опатово, все уже в сборе. Заняли лучшие помещения. Нам придется стоять где-то далеко за городом в девяти километрах.

Вечером приехал из Опочно адъютант и сообщил, что дружина поезда не получила, но командир твердо верит, что для них подадут эшелон и что возвращаться в Радом дружина должна не иначе, как в поезде.

Из штаба бригады была немедленно послана телеграмма с предписанием вернуться походным порядком.

На нашем фронте происходит существенное перемещение. Немцы, по слухам, перебросили сюда 400 тысяч солдат в дополнение к прежним. Все время идут ожесточенные бои. Люди по неделям не бывают под теплым кровом. По возможности стараются не брать пленных: их добивают и убивают. Здесь же снимают ценное и теплую одежду или даже сначала снимают, а потом убивают.

Фронт выравнивается, наши отступают. Зажигают и взрывают мосты, которые с таким трудом восстанавливались. Под Меховым взорвали тоннель, уже раньше взорванный австрийцами. Его исправили, а теперь снова сами испортили и, говорят, так основательно, что снова исправить не представится возможности.

Говорят, что Опочно, где мы были, уже эвакуировано. Наступает снова тот момент, когда волна покатится с запада на восток, дойдет до какой-то черты и снова покатится обратно. Это будет уже третий раз, значит, пятый раз пройдут войска по Польше.

Общий отход наших сил по фронту маленькой своей частью прошел и мимо нас. С музыкой вступили в деревню, где стояла дружина, два полка, а еще раньше пришла батарея.

На станциях чувствовалась безалаберность и неразбериха суматохи.

В Радоме по Люблинской улице бесконечно двигались обозы автомобилей; в Европейской гостинице, где мы остановились, произошло поголовное выселение жителей из двух этажей, так как номера предназначались для штаба 4-й армии.

Время от времени откуда-то кем-то приносились «пантофельные» вести, из которых следовало, что немцами занято уже все, что еще так недавно пришлось видеть самому. Занято Опочно, откуда за несколько часов перед этим должна была выйти наша дружина. Теперь она в пути, но пока еще ее нет. Мы с адъютантом пока свободны от нудной тошноты нашего дружинного командования. Я встретился с артиллеристами, получил приглашение навестить их, проехал на конец города и узнал, что сегодня — важный обед с генералом. Вместе с ним приедут, конечно, и наши штабные.

Действительно, гости приехали. За обедом зашел «непринужденный разговор» о положении евреев в России.

Наш генерал — академик. У него длинная, с изломом голова и физиономия добродетельной приживалки, каждый день гадающей на кофейной гуще. Против генерала сидел штабс-капитан. И вот эти господа начали решать между первым и вторым блюдом судьбу нескольких миллионов людей.

— Выселить их в Палестину! — резюмировал свои умозаключения генерал.

— Ваше превосходительство! А как же быть с тем, что некото-

рые ученые серьезно доказывают, что европейские евреи — потомки мавров, т.е. к Палестине не имеют никакого касательства?

— Лишить их возможности размножаться путем поголовного оскотления, — заливаается в тон генералу штабс-капитан.

А после еврейского вопроса разговор перешел на геологию, а с геологии на женщин. Игривость — особенное свойство обеденных разговоров в этом мужском обществе. Появляется она у этих господ обыкновенно после жаркого перед сладким, когда глаза уже и без того подергиваются дымкой утомления и пищеварительного тупоумия...

На днях мне пришлось опять попасть к концу обеда в штаб. За чашкой кофе шел тот же разговор о женщинах. Сидели люди пожилого возраста, имеющие семьи и детей, люди так называемого «культурного круга»: генералы, полковники, офицеры. Один из них инспектор гимназий, другой — земский начальник. Почти все — представители «лучшей части» нашего общества... Они вели разговор о той части женщин, которая является жертвой «общественного темперамента».

И, казалось, что ни у одного из них не возникало никакого сомнения на тот счет, что этот разговор оскорбителен для их жен и матерей...

По улицам города, особенно вечером, гуляет много военных. Здесь и нижние чины, и чиновники канцелярий частей, и интендантства, и офицеры, и проститутки. Кинематографы битком набиты той же публикой. В гостиницах, отдельных кабинетах — тот же состав. И все проникнуто одной доминирующей мыслью: здесь, в тылу армии, можно купить женщину, купить вина, несмотря на строжайший запрет продажи последнего. На станциях и в вагонах гвардейского экономического общества достают коньяк. При помощи маклеров достают целыми четвертями чистый спирт. В публичных домах достают... все: триппер, сифилис, вино.

Здесь, в Радоме, 6 декабря во время парада мы встретили капитана, который и был у нас в дружине, потом прикомандировался к Мстиславскому полку во время ивангородских боев. Он проделал свыше 700 километров похода, участвовал во многих сражениях за это время, представлен к Георгиевскому кресту и чину подполковника, был эвакуирован в Люблин по болезни и теперь собирается снова вернуться в полк.

От 6-го до 10 декабря он все время провел в том, что систематически напивался. Однажды собрались мы погулять и очутились в компании с проституткой, которую он абонировал себе в подруги на целые сутки.

— Беру от жизни то, что можно взять. Завтра уеду в полк. Тянет меня туда, но чувствую, что в первом же сражении буду

убит, — заявил капитан. — Конечно, это все, что я делаю, нехорошо, но такая уж у меня натура. После бывает мерзко на душе, а теперь я живу.

У капитана обнаружена язва желудка. В Люблине он поправился, но общее состояние его здоровья и внешний вид таковы, что следующий поход даже без пули может свалить его в могилу.

— Поезжайте-ка вы домой, отдохните, полечитесь лучше. Не бойтесь, война без вас не окончится, — посоветовал я ему.

— Голубчик доктор, это невозможно! Если бы вы видели то, что я видел! Эх, что говорить! Поймите же, в армии не хватает офицеров. Командуют прапорщики. Апшеронский полк весь целиком отдался в плен. Да будь я там!.. Ни за что бы не позволил! Мы бы без единой пули — штыками выбивали неприятеля. Нечем стрелять. Вы это понимаете? А я команду: батальон вперед! И бросаюсь впереди всех! Если бы вы только видели, что оказалось! Я в мирной жизни не могу видеть, как режут курицу, а здесь напорол на штык венгерца и сейчас же инстинктивно сбросил его и всадил штык в другого. Мы расплачивались за командира 13-й роты. Эх, вот был герой: умный, воспитанный, жизнерадостный. Все время шел впереди. С хлыстиком и напевал. Семьсот километров прошли без единой царапины. Как только дело доходит до ружья, передает хлыстик, поднимает первое попавшееся ружье и идет. Первый бросается на неприятельские окопы и кричит: «Жусе карабины! Бросай ружья!» А перед последним сражением подошел ко мне и говорит: «Пане, капитане! Давайте поменяемся адресами. Если меня убьют, вы сообщите моим родным, а если вас убьют, я сообщу».

Как я его ни уговаривал, он настоял на своем. И действительно, как только мы пошли на окопы, первые же выстрелы свалили его. На моих глазах его ограбили: сняли оружие, теплый полушубок. Ну, зато мы им и отплатили! Я все тогда забыл! И что было, вы себе представить не можете... Горы трупов покрыли землю.

Капитан рассказывает, а у самого блестят на глазах слезы.

Сам капитан — порт-артурец, имеет золотое оружие за храбрость и орден Владимира с мечами, но о своем товарище говорит с благоговением.

— Жаль, ах, как жаль! Такой был молодец!

И этот же капитан ежедневно напивается. Добыл его сокквартирант — прапорщик, тоже возвращающийся после ран в армию, — бутылку спирту. Часть его они развели водой и выпили, а другую часть прапорщик спрятал под кровать от капитана. Наутро спирту не оказалось. Капитан спал мертвым сном и похрапывал.

Что-то надломленное чувствуется в этом человеке, что-то «от больших нервов».

— Самому противно, а тянет выпить, — заявляет он. — Я не ал-

коголик, но удержаться не могу. На передовых позициях выпить негде... Это и хорошо. Австрийцы идут на нас сплошь пьяные... Ну и сдаются толпами. Так мы в их фляжках находим чистый спирт.

Дружина пришла в Радом. Квартирьер нашел место для стоянки в деревне за 10 километров от города. Командир был очень доволен и прямо проследовал туда, а сегодня утром штаб бесплодно отыскивал дружину, чтобы вручить командиру приглашение пожаловать к генералу. Сегодня же вся бригада должна выступить на север, по Варшавскому шоссе к реке Пилице, для прикрытия возводимых окопов и, вероятно, для производства самих работ ввиду того, что здесь через два дня наступает Рождество, и население отказывается на несколько дней от работ. Таким образом, не успели люди отдохнуть, как снова выступление. Выступим завтра.

Адъютант вернулся из деревни, куда он ездил вчера, и сообщил, что настроение среди наших офицеров повышенное: все, за исключением командира, возмущены стоянкой в 10 километрах от города.

Командир охает и не знает, как ему быть со своей спутницей. Она ходит в гости к замухрышке-капитану, который недавно подарил ей кольцо и браслет. В подарке участвовали и зауряд-прапорщики, произведенные в офицерское звание из нижних чинов. Вероятно, капитан убедил их отблагодарить этим способом командира за производство.

Командиру ухаживанья капитана не нравятся, но как бороться с этим, он не знает. Наивность его безгранична: он обращается за советом по этому вопросу даже к старшему писарю.

6. В деревне Сухе Радомской губернии

Ночевали с 11-го на 12 декабря в м. Едлинск. Капитан присоединился к нам и тоже едет. Вопрос о его возвращении в дружину, откуда он временно прикомандировался к Мстиславскому полку, висит в воздухе. Командир собирается трактовать временную его командировку как постоянное отчисление. В действительности, конечно, этого не могло быть, так как перевод зависит от верховного главнокомандующего и представляется процедурой очень длительной и сложной.

Был канун Рождества. В полночь зазвонили в костеле, и улица местечка ожила и заговорила. Шли и ехали молящиеся. В нашей временной квартире тоже все говорило о празднике. Комнаты были чисто убраны, хозяева настроены торжественно, празднично.

Утром мы снова двинулись в путь к Белобржегам. На дороге нас

нагнал автомобиль с бригадным генералом и доктором. Командир дружины сполз с воза, на котором он сидел вместе со своей сожительницей, и затрусил мелкой рысцой к автомобилю. Туда же пригласили и адъютанта.

Сожительница понравилась, было, тоже к генеральскому автомобилю, но командир обернулся и попросил ее остаться.

Пьяный капитан ухарски подъехал к своему «предмету» и занял на возу место командира. Так эта милая парочка и двигалась впереди всей дружины. Потом им захотелось пройтись. Остановились, стала дружина. Капитан выгрузился и, пошатываясь, пошел за командирской дамой.

Здесь же ехали и шли офицеры и старик-подполковник. Они смотрели на эту «умилительную» картину и улыбались. До Белобржегов мы не дошли. Генерал распорядился свернуть в трех километрах от местечка влево и расположиться в д. Сухе.

Здесь есть усадьба: службы и помещичий дом. В доме паркетные полы, старинные портреты. От всего веет чистотой и стильностью. Сожительнице полковника так понравилась обстановка, что она здесь же устроила сцену своему другу и не захотела идти в другой дом, облюбованный командиром. В этом доме пришлось поселиться нам, т.е. мне, адъютанту и капитану.

— Там очень хорошая комната, отдельный ход, есть кухня, — сокрушенно сообщал нам полковник. — Есть паненка: по случаю праздника она сильно крашена.

Оказалось, что рекомендованное нам таким игриво-печальным тоном помещение принадлежит управляющему имением. В зале стоит украшенная елка. Здесь же — старинный рояль, мягкая мебель, граммофон, цветы, гравюры.

Денщики втащили наши вещи.

Мы неловко топтались на месте. Было такое ощущение, которое можно было бы охарактеризовать ощущением невольно совершенного неприличия. Было просто стыдно влезать с грязными ногами в комнату, где царит праздничная торжественная чистота.

А хозяин-старик бледно улыбается и приглашает нас расположиться. Паненка, которую заметил профессионально наметавшийся глаз нашего начальника, приглашает нас мило и тепло.

У них сейчас такой «большой праздник»... И потом, мы — неизбежны. Не станут офицеры, могут стать солдаты, могут прийти и наскандалить. Значит, нужно из двух зол выбирать меньшее. В соседней комнате был накрыт обеденный стол. Нас пригласили к обеду, извиняясь, что теперь трудно все доставать.

Уселась вся семья. Хозяйка, две дочери — панна Мария, с которой мы уже познакомились, и панна Юзефа, гимназистка 6-го

класса Ченстоховской гимназии, — молодой человек, вероятно, жених панны Марии. Третьей маленькой панне Текле не хватило места, и она все время вертелась около матери.

И вот мы после пятимесячных скитаний сидим в первый раз за семейным обеденным столом. Правда, это чужая семья, правда, это люди, которые с молоком матери всасывали ненависть и презрение к нам, русским, но они любезно угощают нас, просят. Мы благодарим хозяев за радушие, мы — нежданные гости на празднике...

Вечер мы провели тоже за семейным столом. Говорили на ту же тему о войне, говорили о «надоевших германах», о будущем переустройстве и грядущих событиях.

Адъютант попробовал пальцем скатерть на середине стола и умилился:

— Сено... Под скатертью сено!

— У нас гадают на сене. Вытаскивают стебельки и смотрят: чей длиннее, тот и проживет дольше, — заявил он.

Со смехом потянулись руки под скатерть, и мы тоже начали гадать.

Адъютанту попался длинный стебель и прямой, мне — короткий с двумя ответвлениями и метелочкой засохших цветков, капитану — длинный и изогнутый.

Гимназистка долго не решалась, потом вытянула, взглянула — оказалось: короткий стебелек. Бросила и снова вытянула значительно длиннее, двойной.

— Вы скоро выйдете замуж. Видите: сначала один стебелек, потом их два. Они идут ровно. Кончик одного пожелтел и растрепался: значит, ваш муж будет блондин.

Все улыбаются, гимназистка краснеет и смеется. Настоящий фурор вызывает «счастье» молодого человека: ему достался целый длиннейший куст травы.

* * *

Живем мы тихо день за днем в новой семье. Приехал еще один молодой человек из Варшавы. Там жизнь вошла в колею. Если время от времени добрые тевтоны прилетают для того, чтобы бросить несколько бомб, то на это не обращают внимания.

В разговорах сквозит нескрываемая нелюбовь к «добрым» соседям, которые колонизовали Польшу, а теперь терроризируют самое население при помощи реквизиций и бомб.

На Западе грохочут пушки. Отдаленные громыхания доносятся к нашей деревушке и заставляют хозяев часто повторять один и тот же вопрос:

— А не придут сюда германе?

Молодой человек, которого я принял за жениха старшей дочери нашего хозяина, может быть, и состоит таковым, но сейчас он живет здесь не ради прекрасных глаз панны Марии. Он попросту бежал от немцев.

Во многих местах Польши они сделали рекрутский набор, т.е. забрали всех молодых людей, так же точно, как забирали годных и выносливых лошадей. И те, и другие пригодятся.

В силу этого обстоятельства наш молодой человек в один прекрасный день сел на лошадь, захватил с собою еще двух и ускакал. Сначала он жил в Конске, потом двинулся еще дальше на восток. Следовательно, его пребывание здесь — невольное.

Теперь он снова хочет ехать на запад. Просит, чтобы мы дали ему пропуск. Ему придется проезжать линию наших войск. Конечно, такого пропуска мы ему дать не могли. Он колеблется и не знает, ехать ему или не ехать.

Наши теперешние враги в здешних заповедных рощах выбивают дичь.

Вокруг имения, где мы живем, — леса: сосна, береза, дуб. Частые перелески, вырубки и новые насаждения дают возможность дичи находить себе удобные уголки. Охота помещикам запрещена. Немцы, конечно, не интересовались этим последним обстоятельством и выбрали здесь огромное количество коз.

Бродя по окрестностям, уже обстрелянным, мы встречали этих красивых животных. Целое стадо, вспугнутое нами, промчалось по молодому сосняку на довольно близком расстоянии. Одна из коз выбежала на вырубку, красиво остановилась и начала следить за нами. Хозяйская собака, присоединившаяся к нам на прогулке, вспугнула зайца, заяц помчался к козе. Она тоже красиво прыгала и умчалась в лес.

* * *

В нашем бивуачном быту начинает интенсивно назревать конфликт. Наш сожитель сообщил нам, что сегодня капитан С., сильно подвыпивший, встретил его на остановке, зазвал в халупу, расцеловался, угостил коньяком и предупредил, чтобы он не водил знакомства с адъютантом и доктором, иначе ему не удастся вновь устроиться в дружине. Предупреждение оказалось пророческим: командир дружины встретил возвратившегося из командировки капитана так, как будто тот совершил уголовное преступление. Между тем тот же командир всего несколько дней тому назад пересылал в Люблин, где капитан лежал в лазарете, записку с приглашением поскорее возвращаться к нам в дружину.

Более чем нелюбезный прием после такого приглашения официально был объяснен тем, что капитан был не откомандирован,

Фронтальные рисунки Т.Я. Ткачёва

Фронтовые рисунки Т. Я. Качёва

а переведен из дружины в полк. Основанием к подобному утверждению послужила бумага, полученная из полка сейчас же, после прибытия туда капитана, в которой ошибочно было написано, что он не прикомандирован к полку, а переведен.

Как ни старался убедить командира капитан, что это — простая описка, что в более поздних по времени приказах по полку он называется прикомандированным, что у него имеются и эти приказы, и записка адъютанта полка. Ничто не помогало: командир оставался непреклонным.

Капитан подал официальный рапорт о возвращении в дружину, рапорт попал к командиру в карман, куда он имеет обыкновение прятать все интересные бумаги.

Затем капитан настоял, чтобы было послано требование о высылке аттестата из полка, но командир и здесь ухитрился извратить смысл и написал, чтобы подтвердили факт перевода капитана в полк.

Все это доставило нам много тревожных минут и внесло оживление в монотонную жизнь в деревенской тиши.

Было ясно, что пророчество наперсника командира являлось простой инспирацией.

Тогда обиженный и обозленный капитан написал подробное донесение, в котором описал все происшедшее, причем в этом донесении сообщил о взаимоотношениях между капитаном, командиром дружины и его сожительницей.

Отношения же эти таковы: капитан неукоснительно ухаживал за дамой и договорился с ней до необходимости женитьбы. Какие мотивы руководили желанием девицы выйти замуж за этого бывшего офицера, бывшего станового пристава, какие мотивы руководили желанием командира переуступить свою содержанку этому капитану, — трудно решить. Но факт имеющей совершиться свадьбы не подлежал сомнению. Был сговор, на который были приглашены даже некоторые из наших Г.Г. офицеров.

Как бы то ни было, но капитану пришлось писать в бригаду рапорт и ездить самому объясняться.

Результат получился не совсем удовлетворительный. На все доводы ему ответили, что необходим аттестат, из которого можно было бы видеть, что он действительно откомандирован из полка.

Таким образом, ему нужно было восстановить свое право на пребывание в дружине. Капитан оставил у нас свои вещи и отправился отыскивать свой полк.

* * *

Три роты нашей дружины переведены в м. Высмержицы, километров за 10 от д. Сухи. Здесь на них возложена задача охраны

окопов, которые возводятся как опорная база на случай нового наступления неприятеля. Нужды нет, что далеко впереди находятся наши действующие войска, откуда в последние дни, затихая и удаляясь, все дальше и дальше доносились к нам пушечные выстрелы.

В деревне осталась только одна рота капитана-жениха. Я вместе с адъютантом отправился в местечко дня осмотра больных. Выехали верхами на лошадях. Не успели выбраться за деревню, как началась метель. Ветер был встречный. Снег слепил глаза, мешал дышать. Ноги лошадей вязли в снегу, перемешанном с песком...

Добрались до леса. Здесь стало несколько легче продвигаться вперед. Должно быть, незадолго до нас кто-то проехал телегой и оставил след, по которому мы и двинулись. Сосны красиво вырядились снеговыми глыбами, ветки отяжелели и повисли под белыми грудями; дорога извивалась между деревьями, выводила нас в перелески и снова пряталась в сумраке сосен. Проехали две деревеньки, помесили сыпучий песок и, наконец, добрались до местечка. Недалеко от дороги по снегу бродили стаи куропаток. Вообще, дичи здесь достаточно. Недалеко княжество Ловичское и заповедные леса. Грохот орудий вспугнул дичь и, наверно, заставил ее в значительном количестве откочевать поближе к нам.

Местечко производит приятное впечатление. Домики чистенькие и уютные, с улицы они обсажены деревьями.

Офицеры здесь устроились комфортабельно. Живут на воле — без начальнического глаза и без капитана С. Радужные хозяева оставили нас обедать. Домой мы вернулись уже поздно вечером.

Было тихо, безветренно. В России сегодня канун Рождества. По-разному теперь встречают у нас праздник. Там, где бухают орудия, где сидят в окопах, занесенных снегом, должны быть яркие мечты о теплом крове, о предпраздничных приготовлениях. Здесь, среди людей, у которых сегодня уже конец праздников, день «трех крулей», мысль о празднике кажется чем-то посторонним и ненужным, а в глубине страны, откуда взято так много людей, вероятно, наступающий праздник тоже не особенно радостен.

Вчера мы легли поздно и долго еще говорили, лежа в постелях, а сегодня проснулись чуть ли не в полдень.

Хозяева поздравили нас с праздником, а мы взяли ружья и пошли бродить по глубокому снегу в надежде встретить серн, фазанов, зайцев и куропаток.

Ноги тонули чуть не по колени. Лес стоял тихий и торжественный в снеговом уборе.

Наши дружинники охотятся напропалую. Со всех сторон доносится ружейная пальба.

Хорошо бродить в одиночку и прислушиваться к молчанию сосен.

С ветки, задетой ружьем, валится за шею гора снега; оступившись, попадаешь в рытвину или канаву, вытаскиваешь ноги и снова идешь, и снова чувствуешь умиротворяющий покой и молчание леса. За опушкой тянутся белые ровные поля, за полями снова синее лес. Уходит даль, и сливается с дымчато-серым горизонтом снежная гладь, и уносят куда-то, за тысячи километров мысли.

Может быть, и там, где остались близкие, так же тихо, так же мирно. Может быть...

Прошли праздники совершенно незаметно. Новый год сменил старый дважды, но ни польский, ни русский не оставили у нас никакого впечатления. Новизна Нового года была ненужной.

Здесь война дает тон жизни. Все другие мотивы отпадают, как второстепенные и не оставляют заметного следа в памяти. Старый год — закоптелый и избитый — проваливается в преисподнюю, а Новый вступает в волны света и несет с собой тот же ужас, ту же смерть... И гаснет яркое солнце, и леденеют цветущие поля. Низко клубятся зимние свинцовые тучи, гасят свет и краски дня.

Только ветер свистит, воют орудия, трещат пулеметы, и льется кровь. Скупая и красная, она смачивает серую землю, и замерзает, и темнеет пятнами на серых шинелях.

В мерзлых окопах стынут люди. Сидят по месяцу, не меняя белья, и вшивеют. Солдаты и офицеры, люди с красной и люди с голубой кровью, одинаково почесываются и желтеют, «вошь паскудная» заедает.

Потом, когда удается попасть в тыл, для пополнения, они с остервенением, со слезами моются и истребляют паразитов.

И другие напасти стерегут воюющих. Инфекционные болезни гуляют и в тылу армий, и на передовых позициях.

Страшнее 42-сантиметровых орудий, беспощаднее самых свирепых гуннов — тифы и пневмонии.

А не за горами уже весна с сыростью и грязью. «Огненный дракон» — солнце — начнет смотреть на землю теплыми и ласковыми глазами. Очаги заразы пышно расцветут и заблагоухают таким гипнотизирующим ужасом, от которого может померкнуть тысяча Сольдау и Перемышлей.

Мы грязны, мы некультурны, мы глухи и слепы. Мы нищи и убоги. Те, кто ведают — не творят, а те, кто не ведают, не могут творить...

* * *

Идут дни за днями. Однообразные, будничные. Состоялось бракосочетание капитана с содержанкой нашего командира.

Столь торжественное и высоко знаменательное событие произошло тихо и скромно. Сам командир — он же и «дядя», он же и «воспитатель» — был на этом бракосочетании шафером. Один уряд-прапорщик и два нижних чина тоже в качестве шаферов завершили торжество. Ждали приглашений на обед, напечатанных на слоновой бумаге, но таковых не воследовало.

Новобрачная одевалась все в тот же костюм: брюки защитного цвета, какую-то «казинетовую» куртку и в старую черную папаху.

Жених, насколько можно судить с почтительного расстояния, аккуратно бреет бороду. Числа 15-го они уехали в К. губ. Я в это время был в Варшаве. Адъютант уехал в отпуск за знаменем для дружины. Следовательно, это событие останется неотмеченным с достаточной полнотой в летописях нашей дружины.

Варшава жила более или менее нормальной жизнью. Правда, был издан приказ о тушении огней вечером по всему городу. Столица «крулевства Польского» приняла необычайный вид. Светлая лунная ночь мягко и таинственно стояла над улицами. Звонили трамваи, гудели автомобили, движение было таким же, как и обычно, жители любовались своим городом с чуткой настороженностью: такой они еще не видели Варшавы.

30 января наступит новая фаза нашего существования. Дружина недели две тому назад пополнена в количестве 250 человек, тоже дружинниками одной из Тамбовских дружин, выданы сапоги, котелки, палатки. Одним словом, мы приобрели уже почти боевой вид. Фактически, конечно, мы остались теми же, какими были и до войны. Шинели и ружья — еще далеко не все для того, чтобы стать боевой частью. Тем не менее, как говорят, наш генерал категорически заявил командующему фронтом ген. Эверту, что в его распоряжении находится 6 тысяч штыков, которые могут пригодиться в бою.

Выступаем мы снова в Радом, а дальше судьбы наши ведомы только начальству.

Что будет делать дружина как боевая часть, угадать не особенно трудно: если можно будет, то удерет с поля битвы, а если нельзя — ляжет костями. Но впереди — для нас только боевая страда.

7. Третий раз в Радоме

Этот город небольшой и не особенно опрятный, полупольский, полуеврейский, получил для нас значение какой-то оси, вокруг которой мы и вращаемся — центробежно и центростремительно. То уносимся на периферию, то падаем в пучину грязных предместий.

Сейчас заняли окраины по улице Новый Свет, которую с таким же основанием можно было бы назвать и Новой помойкой.

По обыкновению, кто-то как-то распорядился, но так, что порядку никакого не получалось: дружина шла, шла. Шлепнулась и села в грязь.

В других дружинах, вероятно, состав офицеров распорядительнее, поэтому они устраиваются по-человечески, а не по-свински.

У нас как будто считается долгом порядочности устроить свинарник. Заглянул я к своему командиру. Он всегда живет теперь со своим зятем. Общая любовница объединила этих двух «почтенных» людей.

Не успели еще разложить вещей, но уже хватили коньяку. Глупые физиономии стали еще глупее от алкоголя. Эти две личности наложили особый отпечаток на дружину. Это — жалкие нравственные уродцы, целую жизнь пресмыкавшиеся на задворках жизни. Вся их эстетика идет не дальше публичного дома, вся их культурность выражается употреблением коньяку, но и то не как естественное проявление выбора, а как простая необходимость — водки негде достать...

Приехал снова инспектор. Что он сообщит, к какому заключению придет относительно дружин, выяснится в недалеком будущем.

Весьма вероятно, что дружины будут двинуты в боевую линию. Запас войск необходим огромный. Ополчение в немецких войсках давно уже фигурирует в боях. Наши ополченцы тоже идут в запасные батальоны, обучаются и пополняют полки. Подобный образ действий начальства понятен, но выступление ополченцев как самостоятельных боевых единиц с совершенно неумелым и отсталым командным составом является глубоким заблуждением, страшной ошибкой.

5 февраля снова был произведен смотр дружине. Приехал, как и в первый раз, все тот же генерал Адлерберг. Первые слова этого генерала были благоприятными: «Вот здесь чувствуется воинская честь: не мужики, по крайней мере».

Подробный осмотр нижних чинов производился как что-то глубоко надоевшее. Чувствовалось, что все это только видимость, совершенно ненужная ни дружине, ни самому генералу.

После того, как часть была обойдена, нижние чины отправились по квартирам. Остались только отделенные, взводные и т.п. чины. Им генерал устроил примерный экзамен. В постановке вопросов и в даче ответов было ясно, что испытующий и испытываемые говорят на равных языках.

Задаёт генерал вопрос:

— Что такое военная задача?

Ответы получаются самые разнообразные.

— Так что, ваше высокое превосходительство, задача — это когда, например, появится неприятельская конница и нам приказано будет по ней стрелять.

Так ответил один из наших унтеров.

— Правильно, братец, только это ты пример приводишь, а ты скажи прямо, что же такое задача?

Понятно, что мышление унтера не ушло еще от образного, но, удивительное дело, и само высокое превосходительство не избежало того же приема и тоже прибегло к примерам.

На вопрос, что должен взять солдат у своего убитого товарища, последовали тоже довольно разнообразные ответы: патроны, бинт, ружье, хлеб, белье.

— Патроны — это правильно, а остальное — нет. Все это есть или легко доставят, — говорит генерал.

— А еще что?

— Деньги, ваше высокое превосходительство!

— Как деньги? Зачем в бою солдату деньги? Это мерзость, это черт знает что такое!

Генерал проявил всю возможную в данном случае степень неодобрения, но продолжал дальнейший допрос. Оказалось, что солдату нужно еще взять лопатку, но отнюдь не для того, чтобы при ее помощи укрываться.

— Русский не может защищаться — он нападает. Лопатка нужна для рытья окопов, а окопы нужны для того, чтобы можно было удобней стрелять.

В этом экзамене по преимуществу и заключалась вся соль смотря. Для того чтобы произвести его, нужно было держаться на высоте задачи в продолжении 3-х часов до приезда его высокого превосходительства и 2 часа смотря, т.е. мерзнуть пять часов и услышать, что дружина похожа на воинскую часть и что в этом видна «опытная рука».

Никакой руки, конечно, здесь не чувствовалось, так как все мы знаем, что ни полковник, ни офицеры не ударили палец о палец для того, чтобы научить солдат дружины чему-нибудь нужному для них как будущих защитников окопов или даже, как говорят, творцов наступления на врага...

Сегодня было собрание всех бригадных офицеров и беседа с ними генерал-инспектора. Впечатление от этой беседы таково, что скоро бригада будет введена в действие. Так передают участники и слушатели генеральского словоизлияния.

* * *

Вопрос о выступлении почти окончательно решен. Выступают пока две дружины. Остальные будут ждать обмундирования.

Таким образом, долгожданное выступление на поприще военных «подвигов» — факт достоверный. Неясно только одно: как долго будет тянуться это время «доблестного служения Отечеству».

Неунывающий бригадный генерал аккуратно бреется, гуляет по Люблинской улице перед обедом и смакует женские личики. Заглянет в прачечную, в часовой магазин — и доволен. Игриво-порнографический тон проникает во все поры жизни бригады. Пока она в тылу — тон звучит, как оглушающий тромбон.

Когда же начинает угрожать возможность попасть под расстрел неприятельских шрапнелей, все увядают, и порнографией становится уже самая жизнь — трусливая, злобная и мелочная. И «добрый» наш полковник со своим зятем, которые пишут требования на «четверть водки и 10 бутылок коньяку для офицерского собрания дружины», тогда как в действительности оно не существует или олицетворяется только этими двумя кретинами; и хлопотливо-испуганные офицеры, лепечущие о том, что у них нет того-то и того-то для выступления и что они не готовы, — все они приобретают на фоне войны глубоко симптоматический характер.

Наконец, дружины сегодня выступают. Правда, это не носит характера неожиданности, но факт остается фактом.

Выступил даже штаб бригады. Приказание на этот раз было категорическим.

В нашей жизни произошли события, которые поставили точки над всеми «и». Адъютант дружины, вследствие того, что капитан С. стал исполнять обязанности заведующего хозяйством, должен был принять роту, т.е. артиллерийский прапорщик должен был командовать в пехоте. Но это только формальная сторона дела. Гораздо важнее было то, что командир этим назначением избавлялся от неугодного ему адъютанта и ставил его в такое зависимое положение от капитана С., которое грозило бедному Б. целым рядом оскорблений.

Исходом могло быть одно: адъютант подал рапорт о болезни и решил или дожидаться перевода в артиллерию — в нашу батарею, или отправиться в эвакуационную комиссию для освидетельствования.

Ответом на это со стороны командира была жалоба на Б., мотивированная тем, что он якобы уклоняется от службы.

Б. был освидетельствован двумя врачами в присутствии офицера и найден малопригодным к несению службы. Тогда бригада решила пойти на компромисс и перевела его в легкую батарею.

Злобность командира не знала предела. По отношению ко мне была применена система изводящих приказаний: об ежедневных занятиях с фельдшерами и санитарями и еженедельных осмотрах нижних чинов. В ответ на подобные приказания пришлось подавать рапорт по команде с указанием на то, что эти занятия уже производились.

Это до того обострило отношения, что командир дошел до глупости и запретил подавать врачу лошадь, а вестового, бывшего адъютанта Б., избил.

В день выступления закончилась эта упорная, но молчаливая драма. Адъютант вышел провожать врача за город, к месту, где должны были собраться выступающие дружины. Командир уже был здесь. Произошла молчаливая встреча. Пока происходила группировка и двигались солдаты, пришлось стоять и смотреть. Командир, восседая, по обыкновению, на телеге, проехал мимо. В последнюю минуту он не удержался, и задвигал руками, и заулыбался улыбкой кретина: чего, дескать, вы торчите, господин хороший, здесь? Уходили бы отсюда подобру-поздорову...

Дорога в первый день прошла без особых приключений, если не считать, что один из солдат дружины — эпилептик — упал на дороге и заставил командира взять его к себе на повозку. Пришлось сдать этого больного на первом этапном пункте.

К вечеру пришли на стоянку в дер. Яблоню. Мне с фельдшерами отвели халупу, где оказалась комнатка с больным стариком. Так как больше помещения не было, пришлось поместиться здесь. Денщик принес своего солдатского борща и вскипятил воду. Старик долго рассказывал о своих болезнях и о войне.

— Мне скоро восемьдесят лет, а я не помню, чтобы была такая война. Была война турецкая, была революция в 74-м году и повстание, но это совсем не такое.

Старуха, жена больного, вздыхала:

— Скоро ли кончится эта война?

И рефреном было одно: немец, как свинья. Русский из Сибири понимает нас и мы его, а немец (ниц не разуме) — ничего не понимает, как свинья.

Наступил вечер.

Старик похлебал какой-то похлебки. Девочка-внучка вертелась тут же. Я дал ей шоколада, и она потянулась и поцеловала руку.

Зашел ее отец. Поздоровался, заметил, что «пану доктору» здесь не мешают, а там у них ребенок все плачет. Отчего плачет, неизвестно, только иногда спать не дает по целым ночам.

Пришлось идти смотреть. Ребенок был завернут в перинку, а в комнате было сильно натоплено. Кроме пяти человек хозяев здесь помещались еще двое чужих рабочих по исправлению дорог, пять человек моих солдат. Значит, ребенку было прежде всего жарко.

Потом выяснилось, что мать и кормит его неправильно. Развязали девочку. Она немного остыла, затаращила удивительно глазенки на чужого человека и замолкла. Пришлось долго объяснять матери, как и что нужно делать. В заключение хозяин спросил:

— А сколько пану доктору лет?

Я ответил.

— А сколько детей и женат ли пан?

Оказалось, что пан доктор и хозяин одинакового возраста и имеют одинаковое число детей. Обоюдное удовольствие под одобрительный смех моего денщика и фельдшеров сопровождало это совпадение.

8. На передовых позициях

Вот мы и у цели. Вчера прибыли в д. Краснице, где и остановились.

В г. Опочно только переночевали.

Волею судеб из дружинников мы превратились в самых настоящих солдат. Эта чудесная метаморфоза прошла удивительно тихо и незаметно.

Выпал какой-то сдерживающий винтик, и туго натянутая пружина начала разматываться с головокружительной быстротой. Где-то далеко остались воспоминания нашего детства в г. Т., когда «серые герои» проходили стадию своего эмбрионального существования от деревенских лаптей к сапогам, от палок к ружьям, от деревенских пестрых костюмов к защитному цвету однообразной солдатской одежды.

Далеко остались и впечатления ивангородского житья, где дружина получила первое представление о том, что такое война.

Прошло время охраны окопов, когда дружина числилась в составе крепостного гарнизона и несла службу по охране окопов.

Теперь мы — батальон, маленькая часть 4-й армии, приданы к 177-му Изборскому полку. Сегодня уже приехал бригадный генерал смотреть на свою новую часть.

Результат всяких смотров, вероятно, ни в самомалейшей степени не зависит от тех, на кого смотрят. Вид дружины, ее состав, ее организация могут быть какими угодно, но если живая сила ее нужна и может быть хоть как-нибудь использована, необходимо забыть или даже совсем не знать о дефектах. У дружины — старые ружья с тупоконечными пулями, запас которых очень невелик; у дружины нет кухонь, без которых немислима походная боевая жизнь; у дружины плох возрастной состав, т.е. много стариков, плох командный состав, отвратительно поставлена медицинская часть, так как нет ровно ничего — ни линейек, ни

медикаментов, ни перевозочных средств. Одним словом, только дикая фантазия может представить такую часть войск в боевую единицу в условиях современного ведения войны, и тем не менее жизнь оказалась более дикой, чем дикая фантазия.

...Доносятся раскаты выстрелов от Иновлодзи: там уже давно идут усиленные бои. На нашем фронте тихо. Только аэропланы парят в чистой и морозной синеве неба. Люди в окопах сидят уже около двух месяцев. Неприятельские позиции находятся в 600-800 метрах. Слышны разговоры и музыка австрийцев и немцев.

Между окопами недавно упал аэроплан австрийцев. Летчики остались здесь же. И наши, и неприятель много раз пытались зарканить мертвую птицу, но неудачно: из соседних окопов так усердно стреляли, что смельчаки обыкновенно назад в окопы не возвращались.

И создалась вокруг аэроплана легенда, и кладбище с непогребенными мертвецами: кто достанет аэроплан, получит сразу четырех «георгиев» и две тысячи рублей деньгами. Беспременно!

И выискивались любители «георгиев» и денег, но риск оканчивался плачевно. Ни днем, ни ночью приступить нету. Чуть высунулся, сейчас же по тебе жарят. А ночью прожекторы щупают место. Никак невозможно!

Еще в Опочно мне сообщил один врач подвижного госпиталя, что под д. Красинце стреляют, а в окопах — совсем уже как на войне.

Приехала, между прочим, какая-то сестра милосердия из сибирского отряда вместе со студентами раздавать в окопах солдатам кисеты с табаком. У неприятеля заметили с наблюдательного пункта и протелефонировали в батарею. В результате произошло несчастье. Когда мне это рассказывали, на губах слушателей светилась скептическая улыбка.

— Чего они суются туда, куда их не просят?

Привезут кисеты солдатам в подарок, а противник шлет шрапнель; думает, что шум и движение при раздаче обозначают что-то серьезное.

Эти скептики-врачи сидели уже чуть ли не три месяца в Опочно и скучали. Работы очень мало, развлечений никаких. Городок — одно недоразумение. Словом, было бы значительно лучше, если бы передвинули куда-нибудь в другое место. Между тем их положение — одно из завидных. Подвижные госпитали располагаются в тылу войск, следовательно, война для них — источник тревог второстепенный. Прежде чем больной или раненый доберутся к госпиталю, им нужно перейти через расположение полковых частей и перевязочных пунктов.

Положение последних значительно опаснее. Они располагают-

ся очень близко от линии огня: в 1-2-х километрах, иногда и ближе. Возможность быть убитым или раненым здесь значительно возрастает. Таким образом, получается впечатление, что полковые врачи стремятся свое положение считать тяжелым, а тыловые врачи — свое.

* * *

Положение дружины чрезвычайно неопределенное. Один день она придана к одному полку, а на следующий день — уже к другому.

Приходится знакомиться с начальством и той, и другой части.

Иду к командиру Венденского полка. Венденцы являются «крестными отцами» дружины: эти дни наши солдаты поротно ходят дежурить в их передовые окопы. Возле леса, на противоположной опушке которого расположен полк, — маленькая деревушка Антонио. Здесь, в крайней халупе, и помещается командир полка. Встречает он меня любезно, расспрашивает.

— А я уже побил нескольких солдат из вашей дружины. У меня так: одному — в морду, другому — Георгиевский крест на грудь!

Случай, о котором сообщил мне сейчас же, как только познакомились, полковник, произошел при следующих обстоятельствах.

Первая рота переходила от деревни Красницы к деревне Антонио. Место ровное, открытое. Вдруг над лесом поднялся аэроплан и сейчас же опустился. Не успела рота что-либо сообразить, как над головами солдат разорвалась шрапнель. Произошла паника. Несколько человек бросили ружья и убежали назад. Это были влитые в нашу роту тамбовцы, которые еще ни разу не были под артиллерийским огнем. Бежавших изловили, и командир расправился с ними «по-домашнему».

— Если же какой-нибудь сукин сын вздумает жаловаться, то прикажу выпороть.

Вид у моего собеседника был задорный.

— У меня в полку больше чем где-либо наград, но зато уж те, кто получил, держатся молодцами. Есть один еврей. Имеет три «георгия». А другой еврей у нас состоит придворным фотографом. Вот посмотрите снимки.

Полковник дал мне несколько листов картона, на который были наклеены фотографии.

— Думаю напечатать альбом. Будет запечатлена вся история полка, все важнейшие моменты жизни.

Вид у полковника «репетиловский». В полку его величают Дым.

Первые дни нашей жизни возле передовых позиций были тревожными.

Наш полковник, по обыкновению, как глухарь, лопотал что-то вздорное и лгал себе и другим об ожидающих нас ужасах.

Стадное, баранье чувство овладело людьми. На амбулаторный прием являлось небывалое количество больных, и лгали, и про- сли об освобождении от занятий.

Дело в том, что нас для практического осведомления рассели- ли в той части деревни, которая ежедневно подвергается обстре- лу, а роты по очереди начали водить на сутки в окопы.

Переживания во время ивангородских боев у людей в значитель- ной мере уже изгладились, а вот шрапнель заставляла нервы на- прыгаться болезненно чутко.

Офицеры шли на дежурство с таким чувством, как будто им уже не суждено оттуда вернуться живыми.

Добрейший и слабый Иван Иванович З. отдал все авансовые деньги по довольствию роты, написал какое-то письмо красными чернилами «на всякий случай» и простился с нами, трогательно поцеловавшись.

На следующий день он пришел с ротой домой. Вид у него был углубленно-радостный и значительный. Вероятно, так чувствуют себя больные, поднявшиеся в первый раз на ноги после тяжелой и мучительной болезни. О своих впечатлениях он рассказывал с та- ким проникновенным выражением, как богомолка, побывавшая в Киеве. Вот, примерно, стиль его повествования: «Окопы вовсе не так плохи. Прапорщик там очень милый человек. Чай мы пили чуть не целый день...»

Иван Иванович светло усмехается.

— Ну, а снаряды далеко от вас разрывались?

— Нет, близко. Два снаряда разорвались на том месте, где я с полчаса тому назад был в лесу.

— А в блиндаже как?

— Хорошо... Тепло! Все время горела свеча. Спать легли в пер- вом часу.

— А неприятельские окопы далеко?

— Совсем близко: только пригорок разделяет. Конечно, ничего не видно. Наши разведчики пробрались к ним, обрезали проволоку и притащили метров 12 сетки. Унтер-офицер пролазил почти к самым окопам: слышал разговоры.

Второй мой сожитель по халупе — прапорщик Михаил Аниси- мович Т., командующий 4-й ротой, еще сравнительно молодой человек, помощник директора одного из сахароваренных заводов, слушает рассказчика с чувством несомненного облегчения. У него остались дома молодая жена и сынишка. Раза два он ухитрился за время войны съездить к ним. До сих пор пребывание в рядах

армии носило для него больше номинальный характер, так как серьезный момент ивангородский он провел дома в отпуску.

Теперь впереди были только одни ужасы. И окопы являлись чем-то диким и кошмарным.

Но когда через два дня он вернулся — вид у него был не хуже, чем у Ивана Ивановича. Только меньше разговаривал и выражал свои чувства.

Вблизи окопов можно так же, как и за тысячу километров от них, и есть, и спать и... даже совсем забывать о войне.

Самое интересное заключается в этом замечательном свойстве человека — приспособляться к условиям окружающей его среды.

И ужас действительности в том, что в ней нет ничего ужасного.

Если в русско-японскую войну было страшное — «Безумие и ужас», по Андрееву, то в эту войну оно должно вырасти до колоссальных размеров, должно потопить «красным смехом» все краски дня, изгнать из души все светлое, все радостное. В действительности есть только «больные нервы», т.е. все сводится к тому, каков тот, кто воспринимает события.

Наш командир в 54 года охает и заставляет солдат наваливать целые горы песку на потолок своей халупы и несколько рядов бревен для защиты своей драгоценной жизни от снарядов. Это одно отношение к «ужасному». Наши солдаты раскладывают костры, вешают чайники, греют кипяток, а в ожидании чаепития здесь же на вольном воздухе, в перелеске, моют белье, ищут вшей и гуляют без рубашек — греют спины на солнышке. Это другое отношение к тому же самому явлению. Все прочие условия предполагаются равными. Одинаково для всех нас близко щелкают ружейные выстрелы, потрескивают пулеметы, рвутся шрапнели или пролетают с характерным гулом аэропланы. Но при более детальном отношении к затронутому вопросу положение значительно усложняется. У одного прожита жизнь, у других она начинается; один живет в чистой халупе, спит на кровати, ничего не делает, питается весьма удовлетворительно, а другие ютятся в серых землянках, в дождь и холод спят на мокрой соломе, идут на ученье или в караулы и т.д. От скученности и нечистоты их одолевают паразиты, на учении им «бьют морду». Но живуч и нетребователен человек.

В окопах, в штыковом бою, во время атаки, под орудийным огнем смерть наступает мгновенно: пуля пронизывает навывлет, снаряд разрывает в клочки. Но до тех пор, пока это не произошло, нет места ужасу, нет мысли о нем. Это нечто несуществующее даже в возможности.

Может быть, восприятия солдата резко отличаются от переживаний человека интеллигентного? Вероятно, но только до извест-

ной степени. Ужас смерти для всего живого страшен, и весь смысл «трагедии рока» древних, переживаний античного мира и утонченные «нюансы чувств» модернизованного современного культурного человека могут прибавить немного к сумме ощущений «страха за жизнь», так как в действительности это преимущественно вопрос нормального состояния нервной системы.

Страх присущ всем, но мысль о нем и у крестьянина-солдата, и у офицера тем меньше, чем здоровее их нервы.

Что может быть ужаснее мысли о почти поголовном истреблении целых полков по капризу одного человека! Что кошмарнее картины изувеченных молодых людей, которым по целым дням по недостатку времени или несовершенству организации не подается медицинская помощь! Ведь каждый из раненых — человек, такая же физико-биологическая сущность, как и все самые лучшие, самые знаменитые люди.

9. В деревне Дембо

Из д. Красницы мы перешли на жительство в д. Дембо. Солдаты переменили землянки, а мы — халупы. Кроме этого, мы ушли в сторону от излюбленных мест обстрела с неприятельских позиций. В Красницу к нам почти ежедневно летали «рыжие дьяволы», а сюда пока еще не летают.

Интересно, что в день нашего перехода Красница подверглась усиленному обстрелу «вилкой». Расходящиеся от одной батареи под тупым углом траектории снаряды, казалось, чувствовались в воздухе. Лес отзывался гулким эхом на один разрыв на позиции, а в воздухе противно пел уже другой снаряд и ухал за костелом.

Деревня Красница снабдила нас сыпным тифом.

Деревня Дембо уже переболела им или, точнее, отсюда успели эвакуировать больных жителей и произвести кое-какую дезинфекцию стоявшие здесь артиллеристы. В Краснице наши солдаты жили в землянках, расположенных на задворках, а в Дембо, — за деревней, в лесу. В Краснице вода в колодцах при исследовании дала основательный показатель на органическое загрязнение — азотистая кислота, а в Дембо вода чрезвычайно богата солями закиси железа. Низина — торфяное болото — пропитана бурым осадком окиси железа. Солдаты выкопали себе «копаню» и черпают воду и на чай, и для варки пищи.

Сравнительную характеристику этих почтенных деревень можно было бы продолжить и дальше, но и сказанного достаточно. Ясно, что здесь «жить можно».

По обыкновению, командир еще за два дня до выступления начал с разведки. В результате мы оказались в положении плачев-

ном: халуп для нас не было, зато командир перевез свои вещи еще накануне в захваченную халупу.

Утром 5 марта мы двинулись в поход. Навстречу нам тянулся Виндавский 180-й полк, который сменялся Изборским и шел на отдых в Красницу.

Только здесь на месте после двухкилометрового перехода мы, как мореплаватели, могли воскликнуть: «Халупы есть!» Ротные командиры сейчас же остановились и ринулись на приступ. Секрет заключался в том, что вместо предполагаемой половины в резерв уходил весь полк, следовательно, офицеры все оставляли деревню. Командир благочестиво вздохнул: его халупа была значительно хуже, но ведь он занял ее еще вчера, она была лучшей и наиболее далекой от места обстрела.

— Я всегда уступал самое лучшее своим офицерам. Мне ничего не надо. Лишь бы им было хорошо, — резюмировал господин полковник свое состояние.

Но халупа у него все-таки плоха. Даже приехавшая племянница-воспитанница, она же кафешантанная танцовщица, она же теперь и жена капитана, нашла ее неудовлетворительной.

Доктору пришлось искать, как и всегда, самому себе помещение и халупы для околотка и фельдшеров.

Я занял комнату, где помещались врачи Виндавского полка.

— Не советую вам селиться здесь: прокоптитесь весь, — предупредили бывшие постояльцы.

— Никакая зараза уже не возьмет.

Действительно, комната производила впечатление кузницы, а врачи, точно, занимались чисткой труб. Но выбора не было. Поселились... Плита была как плита, даже изразцовая... Откуда же дым?

— Исправить нужно, пани, плиту!

— Так, пане! Але казаки разбили ее, — заявила хозяйка-старуха.

В самом деле, весь секрет заключался в том, что казаки выбили перегородку, уменьшилась тяга, и начал валить дым.

Сейчас же мои вестовые привезли из сожженной деревни несколько кирпичей, старуха превратилась в печника, и через несколько минут плита уже весело потрескивала сырыми сосновыми дровами без дыму. Оставалось только побелить комнату, чтобы превратить ее в приличное помещение. Обратились к дезинфекторам, которые расхаживали с известью, сулемой и карболкой по деревне, но у них для нас лишней извести не оказалось. И только при случайном разговоре выяснилось, что в полку, к которому мы прикомандированы, есть это драгоценное средство...

18 марта. Я решил ехать в г. Опочно, а денщик с хозяевами должен был заняться генеральной чисткой помещения. Ясный, теплый, погожий день обещало светлое утро. Приятно было ехать верхом. На половине дороги вдруг послышался гул аэроплана. Попались навстречу двое солдат. Они стояли и смотрели вверх. Это обычная картина. Впереди где-то трещал пулемет.

— Видать аэроплан?

— Так точно, ваше высокоблагородие, видать.

— Где же он?

— А вон там. На край тучки извольте посмотреть!

Аэроплан летел к нам.

— Это он из города. Бомбы метал.

— Ну и что же?

— Убил несколько человек да поранил.

— Кого — солдат?

— И солдат... В госпиталь угодил... И евреев тоже.

— Ишь ты, гудит! — заметил другой солдат.

Мы стояли среди поля маленькой горсточкой и смотрели, а в синеве весеннего неба летела смерть. Точно дракон в сказке. Только огня не видно, зато дымок вьется тоненькой голубой струйкой. Сколько их уже мы видели, а все хочется смотреть. Может быть, и заяц так смотрит в глаза змеи, когда она собирается им позавтракать...

В городе все по-старому. Но это только здесь, на площади. Что бы ни случилось, какая бы гроза ни прокатилась, раз она не затронула нас — серьезного ничего не произошло. Правда, мы поговорим, посочувствуем. Да и что можно внести существенного в неизбывное чужое горе. Вот вся улица усеяна осколками стекол. Узкая улочка, где ютится еврейская нищета. Вот стена, изрытая осколками. Обвалилась штукатурка, и краснеет красный кирпич. Как раны. А здесь, перед дверью в жалкую мастерскую жалкого мастера, — кровь. Какой-то человек предостерегает меня не становиться на это место.

— Почему?

— Неприятно, жутко!

Чудак! Ему в диковинку кровавое пятно на мостовой. Целый океан крови льется по этому краю, а он боится пятна.

В темной мастерской на полу лежит покрытая простыней фигура. Видны только женские башмаки да широкие пятна крови на полу. А сбоку совсем незаметно, слева — фигура старика еврея. По седой бороде катятся слезы.

— Жена?

— Так.

— Сколько лет?

— Шестьдесят...

В соседнем доме побиты стекла. В одном окне видно, как мать баюкает ребенка, а в другом — две растерзанные еврейки истерически плачут. Толпится народ, снуют мальчишки. Солнце сияет осколками стекол по улице. Недалеко — поломанные деревца сада. Здесь валяется всякая мусорная дрянь и конский навоз. Детвора, пригретая теплым солнышком, выползла из темных старых домов и занимается артиллерийской стрельбой. Надевают на обломанные ветки коробки от солдатских «концертов», наклоняют и отпускают их. Металлические коробки летят вверх красивой дугой и падают в сторону неприятеля. Тот отвечает такой же коробочной канонадой...

Здание, занятое подвижным госпиталем, пострадало наравне с другими, но здесь идет уже суетливая уборка. Сметают осколки, вставляют новые стекла. И здесь кровь.

— Много у вас пострадало?

— Трое служителей.

— Где же их ранило, в доме?

— Нет! В доме все остались целы. Они выбежали на улицу поглядеть. Сказали, что с аэроплана бросают белое. Думали — прокламация. Ну и угораздило. Двое померли, а один еще кончается.

Вошли во двор. Возле открытого окна стоит бородатый солдат и плачет.

— Что ты?

— Брата убили.

В комнате на носилках лежит труп тоже бородатого солдата.

— Оба запасные?

— Так точно... И-и-и!

Не может удержаться солдат.

— Служили мы при лазарете. По фамилии он Егоров, а я Петров. Брат он мне.

— Двоюродный, что ли?

— Никак нет... И-и-и! Родной! Только он Егоров был, а я Петров...

Идем в почтово-телеграфную контору. Здесь кипит работа. Почтмейстер, бледный и изнуренный, в перерывах между выписыванием переводов рассказывает:

— За последние два месяца мы переслали денег и писем столько, сколько в обычное время за год. Использовали уже свои годовые книги записей. А тут еще чиновник один заболел.

Нервное лицо почтмейстера передергивается.

— Раз шесть сегодня пролетал немец над конторой. Засыпал стрелами; штук пятьдесят подобрали перед домом. Вот тут и работай!

— Говорят, прокламации разбрасывал?

— Да. Обещают уничтожить город. Что им он, для чего это нужно?

— После обеда наши тоже полетят к ним в гости, — заявляет офицер.

— А вот в Конске вчера захватили аэроплан с двумя летчиками.

— Зачем бросаете бомбы в город? — задают вопрос.

— Затем, что ваши летчики делают то же. Не мы будем бросать, так другие. Причем тут мы именно!

— Ну, наши, положим, в мирных жителей не бросают!

— Кто его знает: разве можно ручаться?

Прицел с аэроплана скверный. Ошибки, говорят, на целый километр бывают. Значит, собирается попасть в вокзал или железнодорожный мост, а угодит в город. Все может быть... Такие разговоры идут везде. Маленькое городское горе всколыхнуло на этот раз сильно.

— Что же, умнее будут. В другой раз не станут выбегать на улицу, а спрячутся в подвалы.

После обеда, действительно, поднялись два аэроплана. Низко-низко полетели они над городом. Басовые ноты моторов внушительно гудели в воздухе.

— С ответным визитом к противникам. Война войной, а вежливость вежливостью. Чай, и мы — европейцы!

Дома, если позволительно так называть места стоянок, меня ожидала приятная перемена. Комната стала неузнаваемой — белая, светлая, чистая. Пол был так тщательно намочен водой, что напоминал губку. Это уже мой денщик упорствовал. Жарко топились плита, и в комнате пахло настоящим деревенским предбанником.

— Ты бы хоть окно открыл. Разве так можно?

— Сейчас, только покончил!

— А хозяева что же?

— Они принесли песочку, побрызгали пол водой и тем дело кончено. Я им говорю — мыть надо, а они смотрят на меня. Так я сам...

Пришлось сидеть и ночевать в банной атмосфере.

На следующий день жестокая головная боль, но зато в комнате чисто. Стол, полуразрушившийся от старости, сколочен гвоздями и прикрыт новой, вчера только купленной скатертью. Мой собственный раскладной столик превращен в письменный стол и тоже покрыт чистой, новой «дорожкой». На столах разложены книги и другие принадлежности, кровать аккуратно застлана, печка горит весело. Одним словом, можно встречать с чистой совестью праздник.

Правда, меня могут выселить отсюда, так как я поселился в районе расположения артиллерии, но пока я живу мирно, никого не трогаю, и меня никто не беспокоит. Плохо быть маленьким человеком и служить в такой маленькой третьесортной части, как дружина: нет у нас ничего — ни инвентаря, ни вооружения, ни апломба, нет даже для нас халуп, в которых не отказывают в других частях нижним чинам.

Артиллеристы, которые занимают этот район, размещают в халупах солдат. В настоящее время их даже нет здесь, они впереди на позициях, но занятые ими раньше дома почему-то числятся за ними.

...Солнце, и весенний ветер, и тишина. Прошли крестьяне из костела — и опять тишина. Возле некоторых халуп резвится детвора, но робко, неуверенно. Вы подошли — они попрятались.

В конце деревни — две партии казаков. Играют в «чурки». Бородатые пожилые и неуклюжие — дети. Вот один расставил ноги, взмахнул обрубком и пустил его вперед. Промаяхнулся.

— Эх-ма! — почесал он затылок.

— Ничего, дядя Матвей: в другой раз попадешь лучше!

...По дороге идет несколько человек солдат. Гармонист ухарски растягивает «ливенку»... Так и повеяло родной деревней. Недостает только выпивки, а без нее праздник не в праздник. Прислали вина, только побаловали.

На позициях ни одного выстрела.

Точно по уговору, утром с той и другой стороны обменялись залпами и начали подавать сигналы, потом высовываться из окопов; наконец, по несколько человек отделились со стороны неприятеля и пошли к нашим окопам, махая фуражками. Наши вышли навстречу. Началось знакомство, угощение друг друга папиросами и разными съедобными вещами. Немцы притащили водки, наши — закуски. Хожение в гости продолжалось до вечера: праздник.

23 марта. Вечером немного постреляли, а на следующий день принялись за то же. Потянуло поехать, посмотреть. Позиции представляют странную картину: за окопами гуляют солдаты, между неприятельской и нашей линиями стоят группы и мирно беседуют, гуляют отдельные фигуры по полю, на окопах сидят и стоят в самых разнообразных позах. Точно сошлись люди совсем не для целей убийства друг друга, а с самыми мирными намерениями.

Офицеры сходятся и уславливаются убрать трупы на нейтральной полосе, мирно покуривают и делятся впечатлениями и догадками о том, когда все это окончится.

* * *

В нашей части прочно засел сыпной тиф.

24 марта я ездил в Опочно: выпросил у заведующей складом императрицы, сестры Миркович, лекарств, белья, посуды, мыла, свечей и т.д. С вежливой улыбкой и немного косыми глазами сестра часа три отпускала мне из своих богатств. Было уже поздно: и мне, и ей нужно было пообедать. Она продолжала свою любезность до конца и порекомендовала мне обратиться на питательный пункт Елизаветы Федоровны. Здесь несколько человек офицеров обеды. Меня приняли радушно, угостили, просили заезжать и проч. Подобное отношение после стольких месяцев голого, животного существования среди людей, у которых одна мысль — свое благополучие, трогательно и приятно.

А на следующий день я попал снова в Опочно, в 418-й полевой подвижной госпиталь с высокой температурой. Думал, что будет худо. Голова болела, тело ныло, совершенно не было аппетита. Вокруг реял призрак тифа. В лазарете пришлось пролежать до 1 апреля. Выписался, потому что стыдно было лежать с диагнозом по гриппу. При мне явился в лазарет прапорщик, который участвовал в ночной вылазке и был обстрелян или, как он выражается, контужен. По видимости, вся контузия заключалась в падении через козырек на дно своего окопа и в сильном нервном потрясении.

Но когда этот молодой человек залег в постель и заявил самым недвусмысленным образом, что он хочет эвакуироваться, стало неудобно, стыдно лежать здесь дальше.

Не умаляя ничьей храбрости и достоинства, можно сказать, что каждый из сражающихся с величайшим удовольствием отправился бы домой вместо окопов. Это непререкаемая истина. Я не встречал ни офицеров, ни солдат, которые бы этого *не хотели*.

В лазарете, в офицерской палате, вместе со мной лежало еще несколько офицеров и врач 139-й дружины. Один из офицеров — недавно произведенный подполковник. Командовал два месяца полком, имеет золотое оружие. До войны где-то в глуши тянул он, как и другие, лямку службы в чине капитана. Здесь же он уже подполковник и т.д. Особенно «важно и почетно» то, что он командовал полком. У нового подполковника аппендицит. Приступы болей были много раз.

— Тогда подопрешь в этом месте пальцем и идешь дальше, — острит больной.

Болезнь его беспокоит сравнительно очень мало. Самое важное — это то, что он сделал на войне. Об этом он рассказывает много раз и с утомительнейшими подробностями.

— Представлен к «георгию», только представление не так написали. Будут подавать во второй раз.

— Хорошо бы вам теперь эвакуироваться? — полувопросительно обращаюсь я к полковнику. — Поработали вы достаточно, заслуги ваши оценены по достоинству. Что еще может дать вам военная служба?

— Как что? — вмешивается молодой поручик. — Полковник еще совсем не старый, командовал полком. Это много значит. В будущем полк обеспечен, а там и генерал-майорство близко.

Поручик говорит серьезно, только глаза у него предательски мигают. Поручик — большой скептик: о военной среде и военной службе он рассказывает бесконечные полусаркастические, полуюмористические случаи, от которых веет большой наблюдательностью и большой правдой.

Подполковник молча слушает предположения поручика и мечтательно смотрит куда-то в угол палаты.

— А вот когда нам пришлось вести наступление, — начинает он снова свой прерванный рассказ, но в самом голосе подполковника чувствуется, что поручик задел очень чувствительную струну.

Война — цель, для которой существовал он долгие годы в маленьких чинах, война — средство быстро сделать карьеру, наконец, война — такое явление, которое в одну секунду может лишить каждого и чинов, и орденов, и самой жизни. Сложная вещь — война, сложны ее переживания. И счастье человеческого ума, что он не реагирует на все явления ее одинаково интенсивно.

Я видел солдат, больных и истощенных от вшей. Вши ползали всюду: в голове, в бровях, в усах, по одежде. У одного на воротнике снаружи большое место сплошь, как поле, было засеяно белыми яичками — гнидами.

— Почему ты не переменишь белье, не позаботишься очистить одежду от этой гадости?

— Я чистил...

Произносится это таким тоном, в котором явно звучит:

— Отстань ты, пожалуйста: мне лень даже думать, а не только менять белье и чиститься от вшей!

Впечатления войны в нашем сознании тускнеют и приобретают однотонность. Нужно что-нибудь экстраординарное, чтобы сейчас возбудить внимание.

По костелу в д. Краснице и по деревне неприятель стреляет уже несколько месяцев, но это совершенно не нарушает обычной жиз-

ни в ней. Одна часть уходит на позиции, а другая — приходит в деревню отдыхать. Располагаются, как дома, и ведут себя так, как будто война за тысячу километров от деревни.

— Стреляли сегодня?

— Так точно, — отвечает солдат, высунувшись из окна халупы возле костела.

— Убили кого-нибудь?

— Так точно: ноги оторвало одному нашему солдату. Снаряды падали здесь и здесь.

Солдат обстоятельно указывает, где именно. Один угодил прямо под стену костела, вырвал камни, вырыл яму. От взрыва повылетели стекла из готических окон. Все это происходило здесь, совсем возле моего собеседника. Завтра это может повториться снова. Завтра, может быть, именно у него уже будут оторваны ноги, но он об этом совершенно не думает. Безусое лицо солдата пышет избытком здоровья и молодостью, щеки лоснятся от жира: сейчас только он чем-то закусывал.

Конечно, здесь меньше всего героизма, потому что, если этот солдат — герой, то *негероев* совсем не будет. Это — привычка и счастье нашего мозга, не реагирующего на часто повторяющиеся факты, как бы страшны они ни были.

* * *

Вот как заканчивает письмо ко мне один молодой студент:

«Желаю Вам и себе, чтобы война скорее кончилась и мир хотя бы немножко пришел в равновесие, чтобы наша эпоха стала менее исторической и менее знаменитой, чтобы на всей земле перевелись герои и богатыри, ибо по всем признакам мы недостойны жить в столь героическое время».

А вот пишет старик В.И. Немирович-Данченко в № 80 от 9/IV «Русского слова»:

«Я счастлив, бесконечно счастлив тем, что моя великая родина является теперь тем медным змием Моисея, от одного взгляда на который спасались все обреченные гибели, смерти, страдания. И, оглядываясь назад, я вижу, что такой ослепительной всемирной цели служило все: и наши поражения в прошлом, потому что мы на них учились, и наши несчастья, ибо они были спасительными ударами молота, сбивавшими нас в одну несравненную мощь».

Если бы эти две цитаты были без обозначения, сомневаюсь, чтобы кто-нибудь правильно определил возраст их авторов. Седовласый Данченко блещет всеми цветами зеленой юности, которая кипит и захлебывается от восторга там, где более пожилой возраст скептически качает головой. А здесь — все наоборот: двадца-

тилетний юноша с большим правом мог бы носить седины, чем вышеупомянутый старец.

Вообще, теперь создалось такое положение, что ни за что не отыщешь того, о чем пишут, и не услышишь тех мыслей и речей, которые доступны «Г.Г. собственным корреспондентам», и в частности г. Немировичу-Данченко.

19 апреля. Перед вечером конец деревни, где поместился я с околотком, был обстрелян из тяжелых гаубиц. Внизу, в лощине, поместились наши кухни. Возможно, что неприятель принял их за батарею, возможно, что стрельба произведена «для устрашения тыла». Факт остается. И остается впечатление, что в данном случае была охота с далекого и безопасного расстояния на вооруженных людей. Снаряды упали очень близко, разбросали землю на далекое расстояние, вырыли огромные ямы.

А нас — горсточка. Мы затерялись среди этих полей и деревень.

Кухня и обоз перешли в другое место подалее. Я остаюсь. Убить? Кусок свинца, или стали, или обломок, или камень... Что же там? Они уничтожат меня, т.е. нарушат определенное сочетание определенных физико-химических процессов, совокупность которых называется «мною».

Это обидно и бессмысленно.

Противно, как и самая возможность уничтожения одним человеком другого. Кто дал право, что положит в основание этого права убивающий себе подобного?

Ничего, кроме бессмыслицы.

Но вот целые тысячелетия эта мысль никак не может осуществиться, и пацифисты смешны со своей проповедью всеобщего мира...

Что-то особенное есть в ожидании смерти. Наше поколение, побывавшее в буре революции и в громах войны еще небывалой, поколение большое или имеющее стать таковым...

Второй раз оно стоит перед закрытой дверью, над которой написано: «Вход воспрещается». И верит, страстно, мучительно. Как и десять лет тому назад, так и сейчас...

— Мне бы только дожить до конца войны, чтоб видеть: что же случится завтра?

Это рефрен всяких разговоров в настоящее время. Жизнь идет куда-то... Куда? Этому пока нет имени. Шаги ее медленны и тяжелы. Миллионами жизней, миллионами усилий сопровождается каждый ее шаг. А ты ждешь скачка, ты хочешь, чтобы сию минуту «край родной долготерпенья» превратился в такой, где сияет вековечный день.

Теперь, сидя в Чухломе и Царевококшайске, совершают или

героические подвиги, конечно, в своем собственном воображении, или мечтают о таких изумительных вещах вслух, о каких год тому назад и во сне не могло присниться. И чем дальше затягивается война, тем некоторые становятся все воинственнее.

Здесь, на месте, где совершаются события не фантастические, а реальные, дела обстоят несколько иначе. Второй пожар вокруг нас за эти дни. 17 июня была иллюминация в д. Моджевске, а сегодня — в Шатковице. Первый пожар уничтожил и те две халупы, которые занимал я со своей амбулаторией и околотком дня за четыре до этого. Пожар произошел перед вечером, когда я возвращался из Опочно. Над лесом повисло облако дыма. В безоблачном небе оно зловеще чернело и ползло вверх. От места нашей стоянки ясно была видна картина пожара и продолжающиеся взрывы снарядов. В результате жестокого обстрела деревни сгорело пять халуп и были убиты крестьянин и лошадь, которую он хотел вытащить из загоревшегося сарая.

Шатковице — ближе к Бустувеку, где мы стоим. Здесь пожар произведен последовательными залпами батареи. Время выбрано удачное. Ветер, и довольно сильный ветер, сделал то, что, по-видимому, и было необходимо для обстреливающих: халупа за халупой вспыхивали вдоль деревенской улицы. Огонь дошел до конца. Таким образом, ближайшие к нашим позициям стоянки будут уничтожены.

Смысла в этом в настоящее время мало, так как наступает такое время, что под каждым кустом можно устроить «и стол, и дом».

Но трудолюбивый немецкий муравей рассчитывает, если не причинить вред, так хоть досадить русской стрекозе.

С 29 апреля начался наш отход по всей линии. Мы вышли поздним вечером и шли целую ночь. Утром остановились в Глинном управлении за Опочно.

Все было необычно. Свежая ночь, грохот телег, огни, толпы беженцев, мерный топот солдатских ног и тишина безлунной ночи.

День прошел в полудреме. Спали на солнце на опушке леса, обедали, пили чай и чего-то ждали, а вечером пошли назад к имению и расположились у ограды в резерве полка, который занял окопы почти у самого города.

Перевозочный пункт занял помещение какого-то служащего экономии. Когда солдаты распределялись по обеим сторонам дороги, у дверей ограды стояли три молодые женщины или девицы. Свет электрического фонарика задержался на их фигурах. Бледные лица выражали испуг:

— Здесь будут стрелять? — задали они вопрос.

— Нет, нет; стрелять будут далеко!

А ночь была так торжественно тиха, деревья стояли такие таинственные, соловей щекотал где-то совсем близко. Была весна — и пахло цветами...

Спали на соломе, не раздеваясь. Каждую минуту могли принести раненых.

На заре снова пошли.

Вдоль дороги стояли группы солдат. Они подрубили телеграфные столбы и деревья и ждали, когда можно будет опрокинуть все это на шоссе. Мостики были уже без перил.

В балке, возле пруда и мельницы, расположилась команда. Грели кипяток. Совсем мирная утренняя идиллия. А за прудом на возвышении были уже заранее приготовленные ряды окопов и проволочных заграждений. Это позиции перед местечком Гельневым. Здесь мы остановились снова. Под Опочно была перестрелка с попыткой атаковать батальон нашего полка. Атака была с успехом отбита. Противник еще не разобрался в совершившемся и не подтянул сил. Возле Гельнева, в 7 километрах от Опочно, он подобрался. Нам пришлось ждать наступления целый день. Полк и дружина заняли окопы. Перевязочный пункт расположился в школьном здании.

Целый день был в нашем распоряжении.

Солдаты, как только подошли к ручью утром, сейчас же устроили массовое купание и мытье белья. Живописные группы голых тел потянулись по лугу далеко до самого леса. Мы вынесли из халупы стол на свежий воздух и принялись за чаепитие...

Но к вечеру началась уже оружейная перестрелка. Батареи расположились по обе стороны местечка. Залпы следовали за залпами. Противник наступал. Дружину спешно потребовали вперед. Все уехали.

Когда стемнело, появились раненые. Целую ночь их приводили и приносили на носилках.

В большой классной комнате при свечке производились перевязки.

День настал такой солнечный, такой ослепительно майский, а над головами свистела уже шрапнель, и плыли комки разрывов. Ухали батареи. Впереди загоралась то здесь, то там жаркая ружейная трескотня. Командир дружины с прапорщиком явился ко мне утром в настроении самом диком. Оказалось, что он ушел с позиции. Он заявил:

— Пусть меня предадут суду, но я не могу... Тридцать пять лет служил, но такого не испытывал!

Несмотря на мои возражения, он подал командиру Ахалцхского полка, к которому мы теперь были прикомандированы, рапорт о болезни. Была назначена комиссия из врачей. Командира

осмотрели, исследовали, написали акт и признали... здоровым. Он взял палку и пошел снова на позиции, хотя мне говорили, что вместо позиции он очутился возле кухонь.

Две роты дружины вчера не заняли окопов, так как подверглись жестокому обстрелу, а командира не было. Как обстояло дело теперь, никто не знал, но впечатление создавалось самое удушливое. Говорили, что пришлось посылать роты или полки, которые помогли бы дружинникам войти в окопы. К вечеру опять прибыли раненые. Их спешно перевязывали и отправляли.

С правого фланга доносилась стрельба, и ложились снаряды уже за линией местечка в сторону нашего отступления. На левом фланге, как говорили, на протяжении нескольких километров, не было связи с другими частями. Следовательно, нужно было ждать, что противник сделает обход и отрежет нам отступление.

Нервы натянулись. Из штаба дивизии не поступало распоряжения об отходе. Было известно, что мы должны пробыть здесь три дня.

К вечеру неприятельские снаряды зажгли Гельнев. Сильный ветер быстро погнал огонь вдоль местечка. Черные клубы дыма и языки огня потянулись к небу. Сквозь треск пожара отчетливо слышались звуки взрывающихся ружейных патронов. Можно было подумать, что идет самая настоящая перестрелка. Это — обычная картина. Солдаты — и наши, и неприятельские — оставили здесь много ружейных патронов в халупах, в сараях. Теперь они разряжались.

Моя халупа отделялась от линий пожара лугом и ручьем. Ветер тоже потянул в сторону. Денщики и я уже решили, что мы уцелеем, но клубы дыма повернулись, и не успели мы оглянуться, как запылал сзади сарай. Пришлось спешно уходить.

В два часа ночи (на *третье мая*) мы забрали раненых на фурманки и двинулись дальше. Шли ночь и все утро. Смертельно хотелось спать. Качало от усталости в седле. Душное утро разламывало тело истомой, поднималась песчаная пыль и мешала дышать.

На одной остановке мы заходили к ксендзу в надежде, что он угостит чаем. Но потому ли, что было утро, или по другим причинам ксендз не показался, обоз тронулся, и мы ушли ни с чем.

На другой остановке отправили раненых, которых везли с собою. Одного даже несли на носилках, так как все фурманки были заняты. Вестовой Красников сообщил мне, что здесь стояли казаки, которые были с нами. Они забрали наше масло. Дело в том, что при отходе наш командир оставил в сарае много разных хозяйственных запасов и, между прочим, 80 кило коровьего масла.

Ни о чем так не жалели наши солдаты, как о масле.

— Скажи, так живо разобрали бы по котелкам, а теперь достанется австрийцам. Эх, вот-то жаль!

Пришли в фольварк Конары. Здесь хорошие хозяйственные постройки, барский двухэтажный дом. Обстановка, портреты на стенах, рояль, пианино, книги — все говорило о том, что здесь был старинный уголок культурной жизни.

Мы встретили лакея, который нехотя помог нам умыться и закутить. В большой красивой столовой, за столом с чистой скатертью, с хорошей посудой, были забыты и дорога, и бессонная ночь, и артиллерийский обстрел. Спали на мягких кроватях. Пили вечерний чай, играли на рояле. Ужинали вместе с нашими артиллеристами, установившими свою батарею сейчас же за домом. А когда стемнело, на горизонте запылали пожары, и жутко потянулись к темному небу огненные языки и багровые клубы дыма. На этом фоне видно было, как на возвышенности копошились фигурки солдат: это наши рыли временные окопы.

Ночью мы снялись и поехали по направлению пожаров, так как оставаться здесь было нельзя: мы очутились бы в линии ружейного огня. Нам был назначен для стоянки другой фольварк, но когда мы к нему подъехали, то вместо домов и построек нашли горевшие остовы зданий. Соседние деревни тоже горели. Все сжигали наши — отступая. Но в порыве усердия они оставили нас — арьергард — без крова. Пришлось ночевать под открытым небом на дороге. На следующий день нас передвинули в лес, так как ожидали здесь встретить неприятельскую конницу. Уходя, и мы внесли свою разрушительную лепту: зажгли скирду соломы, чтобы не досталась врагу.

...А ночью, отступая на постоянные позиции, мы видели, как пылал и фольварк, в котором мы провели предыдущий день.

10 мая. Нас сняли с места отдыха и заставили утром пройти к позициям. Наш полк должен был занять окопы, а три другие полка пойти в частичное наступление. В результате — бессонная ночь, передвижение и новая халупа, где мы сейчас же устроились по старому рецепту, т.е. развернули койки и залегли спать.

В полдень мимо нас провели до сорока пленных австрийцев...

10. В деревне Блешно

В двадцатых числах июня я возвращался из поездки в Россию.

В Киеве уже полушепотом сообщали, что ехать на Холм и Люблин нельзя. Отход от Львова продолжается. Арьергардные бои затянулись. Южные армии отходили приблизительно по тому же пути, по которому в прошлом году оттеснили австрийцев за пределы России.

Мне пришлось от Сарн сделать поворот на Брест, Луков, Ивангород, чтобы попасть в Радом. Радом жил еще полунормальной жизнью. По улицам фланировали беспечные толпы, общественные учреждения оставались на месте. Между тем на юге движение неприятеля носило все признаки угрозы городу и всему нашему центру.

21 июня я выехал на Едлинск, потом в д. Блешно, где находилась дружина. По указанию командира поселился в господском доме. Здесь уже жили артиллеристы 41-й бригады. Офицеры оказались милым народом и приняли меня в свою среду.

Дом был большой. Когда-то он видел лучшие времена.

Подъезд был выложен камнем, обнесен цепями. Перед домом расстилалась лужайка. Колоннада, высокие окна, которые изнутри закрывались тяжелыми железными ставнями, расположение комнат, паркетные полы — все указывало на то, что первые его хозяева были людьми крепких правил стяжания, наживы. Потому-ки их выродились, и теперь имение принадлежало их бывшему садовнику. Купил он его с торгов. Сам хозяин-старик производил приятное впечатление, но его сын, здоровый упитанный детина с физиономией кретина, был тяжел и противен.

Офицеры неизменно приглашали его к столу и называли «графом».

Детина молчал, уплетал за обе щеки и всем своим существом выражал достоинство.

— Если он и не граф, то во всяком случае не ниже графа, — острили артиллеристы.

За стеной моей комнаты находилась его спальня. Комнаты были соединены дверью. Ночью к «графу» приходила его служанка, бледное существо с запуганными глазами. Несколько раз я слышал ее плач. Офицеры стояли со своей батареей в резерве. По очереди они ходили дежурить. Оставалось очень много времени, которое положительно некуда было девать. Играли в шахматы. Самый младший по возрасту подпоручик И. играл лучше всех. Партия следовала за партией. Чаще всего играли все против одного и... проигрывали.

Юноша довольно потирал руки. Вид у него был чрезвычайно самоуверенный, суждения — безапелляционны и резки. Тем не менее товарищи величали его кличкой Молодой. Ему был двадцатый год.

Когда надоедали шахматы, Молодой и другой офицер, прапорщик Алексей П., начинали игру в мяч. Старший офицер батареи, штабс-капитан С.К. занимался фотографией. У него было уже до трехсот снимков. Каждый из офицеров в тетрадах, куда наклеивались снимки, отмечал, сколько им нужно таких видов. К. при

содействии своего денщика печатал целые горы фотографий и раздавал их заказчикам.

Жизнь шла медленно и однообразно. Когда кому-нибудь из нас надоедало бесцельно бродить по комнатам, он подходил к столу в столовой и заводил граммофон.

За время войны хозяева — артиллеристы — накопили несколько сот пластинок. Граммофон был собственностью батареи. По вечерам часто приходили солдаты и брали его в деревню — «послушать». После граммофонной игры бывало здесь хоровое пение. Солдаты выстраивались в круг и пели волжские песни. (Батарея стояла в мирное время в Казани.) Слушали удалые песни артиллеристов польские крестьяне и польские поля. Стенька Разин, и персидская княжна, и златоглавая Москва, и Красная площадь, и казнь... Все это здесь было чужим, далеким и непонятным.

Километрах в двух от деревни были расположены окопы. Это те самые окопы, которые начали строить после осеннего отхода неприятеля от Варшавы и Ивангорода. Позиции были выбраны умело, окопы и редуты оборудованы прекрасно. Здесь были целые городки, укрытия в земле. Не были забыты даже мелочи быденной жизни: солдаты украсили свои землянки зеленью, развесили картинки, правда, польские. Здесь были вырыты колодцы, устроены отхожие места. Стены укреплены плетнями и обшиты тесом. Неприятель отсюда был в 10-15 километрах, поэтому солдаты жили жизнью мирной и беспечной. Одна рота стояла в лесу. Здесь она устроила себе шалаши из хвойных веток, расчистила улочки, приладила столики. Получилась совсем дачная обстановка. К одному из командиров роты приехала даже жена. С утра до вечера горели костры: солдаты грели чай. Обед и ужин привозили из Блешно в походных кухнях.

Мимо деревни каждый день с песнями проезжали забайкальские казаки. Они стояли дальше нас и выезжали на позиции дежурить. По временам сюда доносились далекие выстрелы из орудий. Вечером в нашу сторону тянулись снопы света прожекторов. Они что-то щупали, бороздили небо и снова прятались.

Наутро нам сообщали, что происходила разведка. Противники беспокоили друг друга, разузнавали, разглядывали. Разнесся слух, что казаки «сделали дело». В пешем строю они пошли на немцев, а одна сотня зашла в тыл. В результате было взято в плен двести восемьдесят человек и два пулемета.

В другой раз сообщили, что захвачен командир неприятельской батареи. Он выехал в экипаже выбрать новое место для батареи и наткнулся на казачий разъезд. Те окружили коляску и попросили командира следовать за ними...

А газетные сведения носили все более и более тревожный характер. Произошел отход второй армии севернее нас.

В Блешно приехал отряд Воронежского отделения Всероссийского Земского Союза. Расположился он у нас в доме и внес суету и толкотню в мирную обстановку бивуака. Заняли они наши комнаты, потеснили хозяина и «графа». Сотрудники разместились и пришли к нам с визитом. Познакомились, послушали граммофон, напились чаю. Весь следующий день продолжалась сутолока. Наша молодежь — прапорщик и подпоручик — толкали друг друга, шумели, дурачились, — словом, были в том тревожно-радостном настроении, которое создается новыми впечатлениями и присутствием женщин.

Но прошла еще ночь, и отряд получил приказание сняться и отступить. Казачий полк двинулся вперед. К нам переехал его штаб. Артиллеристы и мы тоже получили приказание отступить. «Граф» ходил растерянный и у всех спрашивал, что ему делать.

— Конечно, уезжать! Иначе вас заберут немцы в солдаты или заставят рыть окопы.

— Нет, меня не заберут. Это мужиков можно брать!

— Станут они разбирать. Как же! Прикажут рыть и будете, как шелковый, — трунил над бедным кретином прапорщик.

Я получил от командира «почетное назначение» — вести обоз, не дожидаясь выступления дружины. Сел на лошадь и поехал во главе телег и кухонь к Варшавскому шоссе. Моросил мелкий дождь.

Мы отступали. Оставляли прекрасные позиции, отдавали сотни тысяч гектаров созревшего хлеба. Окрестности дымились пожарами. Это жгли все, что можно было сжечь.

«Чем меньше достанется врагу, тем лучше для нас», — захлебывались патриоты.

Но разве можно этим уничтожить пораженчество?

11. Отступление

6 июля мы ночевали в д. Секлюки.

Въезд в деревню нашего обоза произвел видимую сенсацию. Прежде всех проскакал я через всю деревню, раздражил любопытство целой стаи собак, отыскал солтыса (старосту) и привлек внимание, по меньшей мере, половины населения деревни.

Обоз распределился по дворам. Я остановился у солтыса. Оказалось, что все халупы уже переполнены беженцами. Впереди войск отступает население. Мне очистили комнату, продали яиц и хлеба и без конца охали...

Что-то будет!

Ночь прошла в мучительной борьбе с... блохами. Здесь их оказалось видимо-невидимо. Они набросились на меня целыми эскадронами. Через каждую четверть часа приходилось вставать, за-

жигать свечу и... воевать с ними. Эта война мало помогала делу, но создавала хоть видимость безопасности. На смену павших следовали новые и новые полчища.

Засерело утро, а я все еще воевал.

Пришла наша часть, и мы двинулись дальше на Козеницы. В местечке остановились. Думали здесь отдохнуть или даже заночевать, но казацьи разъезды сообщили нам, что передовые части немцев уже заняли Едлинск.

Пришлось двигаться дальше.

По дороге все уже было готово к отступлению: жители поспешно уезжали, саперы разрушали мосты и сносили к ним солому, чтобы поджечь то, что нельзя будет разрушить.

Мы задержались на некоторое время в одном имении по дороге. Хозяин с женой и детьми сидели на веранде. Нас угостили чаем. Мы осмотрели дом. Все придется бросить и отдать неприятелю, а может быть, даже сжечь.

— Вот уезжаю со 130 рублями денег. Пожалуйста! Здесь все мои деньги, — показал нам хозяин. — Может быть, получу в Петрограде несколько тысяч за разрушенное имение в Люблинской губернии.

— Уезжайте скорее! — посоветовали мы и двинулись дальше.

Шли лесом. Сеял, как сквозь сито, дождь. Ноги лошадей увязали в песке. Люди измучились длительным переходом и отставали. В 11 часов ночи в нескольких километрах от Козениц решили остановиться заночевать. Свернули в сторону к какой-то деревушке и расположились. Без часовых, без сторожевого охранения заснули, как убитые. Утром уже увидели, что спали мы почти перед нашими окопами.

Промесили еще километра четыре и вышли к Козеницам. Город производил впечатление вымершего. Если бы не солдаты, можно было бы подумать, что пронеслась чума.

Здесь имеется своеобразная достопримечательность: замок Вонлярлярских. Построен он по рисункам Версаля. Вся главная часть королевского дворца, боковые домики, бассейн перед фасадом точно, до деталей, воспроизводят знаменитый дворец Короля-Солнца. Внутреннее расположение комнат, отделка, даже мебель являются точной копией дворца. Только разрушенная часть — выбитая брешь во втором этаже — со стороны сада заделана... хворостом и соломой, в комнатах все опустошено и переломано, только в изящной голубой спальне валяется сено.

Охватывает чувство глубокой обиды. Если такие произведения искусства, если такие памятники культуры, уголки изящного и красивого создались потом и кровью тысяч и десятков тысяч обездоленных — их нельзя разрушать. В них заключена ценность веков.

Из штаба дивизии получилось приказание присоединиться к Ахалцыхскому полку, в котором мы состояли раньше. Это было близко. Деревня, где расположился штаб, тянулась по лугу, перекакала речонку, вся тонула в зелени.

Все вздохнули с облегчением. Мыслились и чистились, и отдыхали в ожидании обеда. Здесь, под Козеницами, были тоже прекрасные позиции. Здесь можно было надолго задержать противника. Но уже через несколько часов после нашего прибытия стало известно, что вечером будет новый отход вглубь, к Ивангороду. Противник потеснил гренадер... Печальная слава преследует их. Еще с прошлогодних битв под Новой Александрией они показали, как умеют бегать от неприятеля. Теперь — опять то же. Злость и обида чувствовалась у всех.

«Отдавать без боя такие позиции стыдно до слез», — твердили офицеры.

В 10 часов вечера мы двинулись на Павловицы, где было устроено два моста для переправы через Вислу. Влажная безлунная ночь ласкала свежестью и тишиной. Пахло огородами, сыростью, рекой. Ветки придорожных ив мягко били по лицу. Хотелось спать и грезить о чем-то далеком и милом. Впечатления дня, ощущения тревожного и тяжелого померкли вместе с днем.

Мост тянулся почти на три километра. Легкий, высокий, воздушный, он перекинулся через отмели и речные плесы. Гулко стучали копыта лошадей по настилке, тускло мигали фонари. На другой стороне стоял шум, неслись крики. Здесь получился затор. Телеги беженцев смешались с обозами артиллерий. Мы врезались в эту кашу и тоже стали. Подтянулись батальоны полка. Выяснилось, что я отбилса от своей части. Дружина вечером получила самостоятельный маршрут на Сецехов. Это — деревня возле Ивангорода на левом берегу Вислы, а я вместе с полком перешел на правый берег. Пришлось распрощаться с товарищами и ехать в Ивангород. Ночь опять прошла без сна. Качало в седле от усталости.

В Сецехов приехали поздно утром. Прежде всего нужно было заснуть. Во что бы то ни стало. Я пристроился на свежей соломе в конюшне и моментально заснул. Часа через два проснулся и ринулся купаться. Речка была здесь же, в 10 шагах. Усталость и сон как рукой сняло. Но не успел я еще одеться, как прибежал вестовой и сообщил, что дружина снова выступает.

Когда же, наконец, дадут отдых!

Вытянулись вдоль села и двинулись вперед, к передовым окопам. Солдаты безропотно надевали сумки, вскидывали на плечи ружья и выстраивались в ряды.

К вечеру выяснилось наше назначение. Мы должны были занять окопы вместе с Карским полком от Гневашева до Вислы. Я

вместе с фельдшером остановился в Олексове, в двух километрах от позиций. Здесь же находился штаб полка и перевязочный пункт. Врачи встретили меня приветливо. Я уселся возле них на крылечке и вооружился последним номером «Варшавской мысли», но прочитать газету так и не удалось.

Впереди деревни начали падать снаряды противника: раз, раз! Разрывы ухали, шрапнель пела свое выматывающее душу — вью-ю-юу! Стреляли по шоссе к деревне. Под выстрелами бежали толпами солдаты. У них были красные лица, безумные глаза и лил пот в три ручья. Кое-кто выбежал на середину улицы и начал останавливать беглецов:

— Куда вы прете, черти! Остановись! Какой части? Стой! Стой! Да остановись же! Не видишь разве, что стреляют вдоль дороги!

Беглецы сбивались толпой, задерживались, но как только начинал петь снаряд, опять в паническом ужасе мчались кто куда. А противник учитывал это чувство и бил по направлению отступления.

Выяснилось, что это была одна из дружин 23-й бригады. Вся бригада до сих пор сидела в Бресте. Она не слыхала никогда выстрелов и занималась там окопными работами. Первое же артиллерийское крещение обратило дружину вспять. Было смешно смотреть на этих рослых и дюжих молодцев, вооруженных японскими винтовками. Они тряслись, как в лихорадке, и падали на землю после каждого выстрела. Денщики и полковые солдаты хохотали и улюлюкали им вслед...

В результате этого бегства на шоссе перевернулись кухни, опрокинулся зарядный ящик, несколько человек ранило, а в околотке полка убило раненого солдата, причем чуть не попались и два полковых врача: один из них стоял в момент разрыва снаряда на пороге халупы — хотел войти в комнату, другой — сидел возле стены.

На следующий день опять начался обстрел Олексова. Ранило нашего солдата из дружины возле штаба. За ночь мы вырыли и устроили из погреба блиндаж. Укрепили его бревнами и землей. На случай попадания легкими гранатами это было довольно надежное убежище. А сзади нас поместилась батарея. Такое соседство было очень неприятно, и мы переселились в другую деревню Борек. Здесь стоял наш обоз первого разряда.

* * *

Несколько дней, проведенных в Ивановгородской крепости, принесли нам новое разочарование. Крепость, по-видимому, очень мало приготовилась к защите с прошлого года. Все работы здесь носили характер незаконченности, спешки.

Через Вислу вместо понтонного был переброшен красивый деревянный мост, сделано несколько шоссе, проведена железная дорога на Казеницы, оборудованы пекарни, склады, но все это производило впечатление чего-то скороспелого, недолговечного.

Общее настроение в крепости и на передовых позициях в эти дни носило характер подавленности и неуверенности.

— Что делается на флангах? Как дела под Люблином?

Эти вопросы не сходили с языка. Потом самый факт длительного и общего отхода, несомненно, действовал на настроение угнетающе.

Появились разговоры о том, что Польша продана немцам. Солдаты рассказывают, что неприятельские летчики бросают под Варшавой прокламации, в которых об этом написано следующее:

— Почему вы не уходите из Варшавы и Ивангорода, раз получили за них деньги?

О том же якобы говорят и пленные. Если это справедливо, то ясно: неприятель хочет сыграть на подавленном настроении русских войск. Привить яд недоверия — что же может быть умнее этого?

Как бы то ни было, но Ивангородская крепость по всем признакам обречена на этот раз на сдачу или, вернее, на эвакуацию. Уже позавчера и особенно вчера заметно было ничем неприкрытое отступление. Отходили полки, выезжали штабы, обозы, увозились на Брест-Литовск орудия, интендантское имущество. Священник 188-го Карского полка ездил в крепость и сообщил, что вывозится все церковное имущество из крепостного собора. На передовых позициях, где мы стояли, оставалось очень немного сил, по преимуществу — дружины.

Весь этот период отступления русских войск от Карпат до линии крепостей проходил с одним и тем же припевом: «Нечем защищаться, нет снарядов». Противник это знал и действовал на верняка. Сосредоточив убийственный оружейный огонь в каком-нибудь участке на фланге, он буквально разметал себе дорогу и двигался вперед без потерь. Было ясно, что судьба Варшавы предрешена: что ко дню годовщины войны она может стать немецкой. И трудно было угадать, когда же наступит конец этому движению в глубь страны.

12. Годовщина войны

Прошло уже двенадцать месяцев с тех пор, как... и т.д. Тысячи тысяч человек повторяют эту самую фразу, но очень немногие желают увидеть преступность того, что случилось за этот год. Ведь за самыми малыми исключениями воюющие занимают исходные

положения, т.е. результат целого года жесточайших напряжений формально равняется нулю. Все воюющие государства только обессилили себя на величину, равную году непроизводительной, безумной затраты веками накопленных ценностей. Следовательно, произошло межгосударственное кровопускание, уничтожены миллионы человеческих жизней, миллиарды рублей и т.п.

Передовые позиции Ивангорода гремят выстрелами. Идет наступление со стороны противника. Перебежчики предупредили об имеющей произойти атаке. Действительно, вся боевая линия часов с 9 утра 19 июля усиленно загрохотала выстрелами. Часов около 12 стало известно, что в одном месте неприятелю удалось устроить прорыв. Туда посланы подкрепления.

Вчера мы узнали о переправе неприятеля через Вислу у Павловиц. Туда тоже была двинута дивизия с орудиями.

Одним словом, создалось такое впечатление, как будто крепость и не думали сдавать. Между тем она производила заключительные акты своей боевой карьеры: отсюда вывозились последние остатки движимого имущества.

Но временами наступала такая тишина, что не верилось самому себе: мы стояли точно на необитаемом острове. Светило солнце, сновали ласточки, но кругом не было ни души, ни единого звука человеческого голоса, человеческой деятельности. Был мир пустыни.

Я проводил время с врачами Карского полка. Настроение у всех нас было одинаковым. Газеты не приносили ни ноты утешительного. Сообщения были составлены таким эзоповским языком, что становилось поневоле стыдно за командование. Кому были нужны фиговые листья? Недоверие к высшему командному составу на фронте было ясно заметно. Рассеивать всякие слухи, циркулирующие среди солдат, командиры не находили времени. Получалась полная картина психологической невозможности сражаться. Мы сами видели, как гранадеры всякий раз бежали... с позиции. Они побежали *первый* раз, а потом создалась инерция. Так и в других частях: длительное отступление подорвало *уверенность* в своих силах, поколебало авторитет начальников, а в результате было полнейшее отсутствие стойкости.

* * *

Прошло еще два дня.

На нашем фронте противники устроили прорыв. Они перешли по высохшему болоту, разогнали дружинников и пять рот одного из полков. Прорыв успели задержать. Под Павловицами тоже задержали движение, разрушили их понтонный мост и уничтожили три полка.

Я подымался на аэростате и наблюдал за неприятельскими позициями. С высоты 250 метров открывались широкие горизонты. Весело и приятно было смотреть на зеленый ландшафт полей, на раскинувшиеся деревеньки, узенькие ленты окопов, темнеющие пятна леса, где, по-видимому, неприятельские кухни дымили привезенным на позиции обедом.

Каждую минуту можно было ждать обстрела аэростата. При удачном попадании водород его мог дать взрыв, и тогда от нас с унтер-офицером, поднявшимся со мной, осталось бы только воспоминание.

Но пока было ничего. Наша батарея в значительно удаленной от нас деревне произвела пожар. Еще дальше в сторону, за горизонтом, стоял большой столб дыма.

Ветер крепчал. Нас качало в корзине уже довольно основательно. А внизу было все так мирно под нами. Мутно катились воды Вислы, мирно бродил по лугу скот. Все было в уменьшенных и смягченных высотой размерах и красках...

Продержались мы около часу в воздухе. Спуск был значительно хуже подъема: больше качало.

* * *

Перевязочный пункт уже позавчера перешел Вислу. Мы стояли в деревне Боровой.

23 июля вечером мы перешли железную дорогу. Отступили дальше. Ехали мимо опустевшей крепости. Странно замолкла дорога и все окружающее. Пустотой веяло отовсюду. Приехали в фольварк Демблин. Здесь было темно и пусто. В доме, как выяснилось, был расположен заразный госпиталь. Мы отыскали маленький домик управляющего и решили переночевать здесь.

Потом возникло сомнение: мы пришли не туда, так как никто сюда больше не приходил, а должен был явиться штаб Карского полка. Решили переехать в самый дворец, в полкилометра от фольварка. О нем я уже упоминал в начале своего дневника. Во дворце и во дворе былолюдно. Светили автомобили, из темноты парка доносились голоса. Я пошел бродить, в темноте забрел в сад и цветник. Как здесь было хорошо! Одурающе пахли цветы, дорожки были усыпаны мелким гравием, я различал клумбы, белые цветы табака.

Во дворце была неразбериха. Здесь помещался и штаб крепости, и штаб бригады 47-й дивизии, и какой-то дружинный генерал. Сюда же пришел и штаб Карского полка.

Телефонисты тянули в окно провода телефона. В зале стояли грубо сколоченные скамейки, какие-то кровати солдатского об-

разца рядом с изящным инкрустированным столом. Все это дико контрастировало с лепными потолками и всей обстановкой комнат. Мы решили, что здесь устроиться нам не придется, и передвинулись дальше к каким-то домам. Мерзостью спешного выселения веяло от них. Комнаты были загажены сором и бумагой. На стене и на столе в одной комнате мелом кто-то написал: «Наши начальники — чиновники. 20 числа»; «Если бы германских начальников, мы бы раскрошили всех».

Очевидно, надписи предполагались для немцев.

Начались взрывы фортов за Вислой и мостов. Удары следовали друг за другом. От взрывов звенели окна, вись покраснела от зарева пожаров.

Но спали мы в эту ночь покойно.

Утром мне сообщили, что дружина прошла куда-то дальше, и командир приказал догонять ее. Я поехал в штаб полка, который утром перешел уже в деревню. Там сказали, что дружина перешла в ведение начальника правого фронта обороны и двигалась в м. Стенжицу. Пришлось снова возвращаться в крепость, так как дорога в Стенжицу лежала по берегу Вислы.

От крепости до форта № 1 шло шоссе. По бокам были расположены хлебопекарни. Теперь все это было разрушено. Со стороны реки доносились непрерывные ружейные выстрелы. Здесь горели крепостные постройки, и я решил, что это рвутся забытые солдатами патроны. За нами шел взвод нашей 2-й роты, который служил каким-то прикрытием при переправе через Вислу ночью, и теперь не знал, где находится дружина.

Вдруг недалеко от нас раздался взрыв снаряда. Две женщины с мальчиком с криком бросились с шоссе в канаву. Снова выстрел и взрыв. Потом еще. Это же стрелял противник! А целью являлась наша группа. Мы были совершенно открыты со стороны реки. За фортом по дамбе стало как будто спокойнее. Проехали с километр. Впереди, в сторону реки, трещали пулеметы, а на неоконченном шоссе застрял крепостной автомобиль. Два солдата ходили возле него с видом полной безнадежности. Я остановился и пообещал им помощь наших солдат.

— Нам бы набрать досок на берегу реки.

— Ну, на берег идти опасно, — заметил я.

Вдруг мимо нас началось жужжание: пью-пью-пью.

Нас опять заметили. Но надо ехать вперед. Черт с ними, пусть стреляют: расстояние значительное. Сбоку из-за песчаных приречных дюн показались какие-то всадники. Оказалось, что это наши ординарцы тоже отыскивали дружину. Они уже побывали в Стенжице, только ездили туда по безопасной дороге, за буграми. Дружины в местечке не оказалось, штаба бригады тоже не было.

— Куда же он уехал?

— В Бжезины.

— Сворачивай! Едем туда.

Встречный «пан» сообщил нам, что ехать надо «просто», потом свернуть направо, на д. Ракитня.

Поехали. В самом деле мы подверглись большой опасности. Здесь, за буграми, укрывается и батарея, и обозы, а дамба пуста.

Жаль солдат с автомобилем.

— Ваши не подойдут сюда? — осведомились они упавшими голосами, когда я, возвращаясь снова, к ним подъехал.

— Должно быть, пойдут!

В д. Ракитня мы остановились. Я поехал в штаб бригады. Он расположился в новеньком доме ксендза. Здесь меня накормили обедом и сообщили, что дружина должна прийти на здешние позиции.

24 июля. Ивангородская крепость была уничтожена. Взрывали все, что можно было взорвать, остальное сожгли. Облака дыма повисли над расположением крепости. Взорвали редуты на нашей стороне недалеко, в нескольких стах метрах от Ракитни. Железобетонные блиндажи давали оглушительные взрывы. Теперь на их месте лежали груды камней, бетонные глыбы, железные балки. Окопы и проволочные заграждения пока оставались.

Миллионные затраты на укрепление всего этого района оказались совершенно напрасными. Мы без боев бросали позиции и отходили все дальше и дальше. Противник на нашем фронте находился за Вислой. Наши войска были еще здесь, но печать обреченности чувствовалась везде.

Ездили с бывшим адъютантом дружины Б. к вокзалу. Случайно я оказался в близком соседстве с нашей батареей. Ехали вдоль полотна железной дороги. Станция была взорвана и сожжена. Пути порваны и исковерканы, мост представлял груды развалин. По пепелищу бродили одинокие фигуры солдат. Впереди догорали запасы сена и здания. Замаскированный купол крепостной церкви еще рисовался между верхушками тополей. Мы хотели пробраться в самую цитадель крепости, но противник довольно основательно обстреливал крепостной район шрапнелью. Не хотелось из-за любопытства рисковать.

25 июля. Началось новое отступление в глубь от Вислы. Тяжелые тучи затянули перед вечером небо. Далеко вспыхивали молнии, доносились раскаты грома. Между тучами зареял аэроплан. Наше отступление интересовало противника так сильно, что он его угадывал еще до его начала. Наши артиллеристы обстреляли

летчика, но, по обыкновению, неудачно. Гроза близилась. Вечер быстро потухал и приобретал жуткий, зловещий вид. И невольно хотелось ассоциировать настроение природы со своим собственным.

Заброшенные в глубь Польши ездили мы, не получая прямых указаний, не представляя смысла всего, что делалось вокруг. А происходило нечто необычное. Мы ехали под дождем, в темень, а на горизонте сияло зарево пожара, и его кровавые отблески ложились на ночное грозное небо.

Это горели новые форты крепости. До сих пор ухали взрывы. Рухнула крепость, которая еще так недавно задержала волну войны. Теперь все изменилось: Варшава, сердце Польши, тоже, по слухам, была уже сдана. Мне сообщил один офицер, что еще дня три тому назад у неприятеля очень громко кричали «ура».

Мы ехали до глубокой ночи в дер. Руду. В темноте завернули в чей-то двор, отняли у «пана» фонарь, отыскиали сарай и улеглись спать. Но легче пожелать уснуть, чем это сделать. Сначала блохи, потом новые, прибывающие части словно задались целью помешать нам заснуть в эту ночь. Под утро началось что-то напоминающее сумасшедший дом. Оказалось, что возле нас образовалась толчае нашей бригады: двигались обозы, дружины, батарея. И все это толкалось, орало и мешало друг дружке.

Нужно было и нам ехать, хоть мы и на этот раз теряли надежду встретиться со своей дружиной. Она опять застряла где-то позади. А между тем происходил общий отход от Вислы из той дуги, концы которой собирались захлестнуть нас. Мы неизвестно для каких надобностей сидели на берегу реки, а в это самое время у нас на флангах противник все больше и больше суживал дугу. Понятно поэтому то настроение, которым были заражены все столпившиеся на повороте в это утро.

Движение, наконец, началось, но происходило оно медленно, с заторами и дальнейшей неразберихой. В дороге удалось выяснить, что маршрут опять изменился. Нужно было идти значительно дальше того, куда было указано раньше.

Полил проливной дождь, потом перестал идти и снова начал. Точно в дождливую полосу попали: даже в сапогах была вода.

Продолжали все ехать и ехать. Чувствовалась смертельная усталость, злость и беспомощность. Шли солдаты по полям и дорогам, проходили мимо деревень. Здесь край был еще не тронут войной, но солдаты уже развратились раньше. Они забегали в огороды и сады, рвали, топтали все, что попадает на пути: зеленые яблоки, морковь, кормовую репу, картошку. И все это здесь же истреблялось. Напрасно вопили хозяйки, напрасно ругались. Солдаты, как саранча, пришли, нагадили и ушли дальше.

— Зачем ты это делаешь?

— Что бы ты сказал, если бы это сделал кто-нибудь в твоей усадьбе? Бросился бы с кулаками?

— Так точно, вашескородие!

Но за этим ответом крылось не сознание вины, а просто эгоизм:

— Так то же — мое, а это — чужое! Большая разница...

27 июля. Вечером нас снова сняли: из д. Цисовой мы должны были сделать переход километров в 25-30 до д. Домбе, недалеко от г. Лукова. Выступили опять в темноте. Мы потянулись вслед за батареей. Едва только вышли из деревни, как впереди запыхало зарево пожара. Ярким костром горело что-то на значительном возвышении и освещало окрестность на много километров во все стороны.

Километров через пять сбоку вспыхнул новый пожар. Мы шли по освещенным дорогам, залитым красным светом. Шли долго. Часто останавливались возле деревень и начинали звать:

— Пан, пан!

Высовывался какой-нибудь мужик из темноты строений и объяснял нам, «яка это весь», где «дрога» на такое-то село. Иногда такого пана насильно заставляли идти и показывать дорогу. Это было совершенно необходимо. Здесь столько разных углов поворотов, благодаря частновладельческому характеру владений земель, что запутаться было чрезвычайно легко.

Остановились, не добравшись до места назначения, вместе с нашими попутчиками. Въехали во двор, распрягли лошадей, открыли сарай. Здесь уже спали какие-то люди, и стояла снаряженная фура с домашним скарбом. Без лишних разговоров я расставил кровать, фельдшера заползли на снопы, и все погрузились в тяжелый и короткий сон.

В шесть часов утра открылась дверь, в ней продвинулась голова какого-то конного фельдфебеля, который безапелляционно заявил, что этот двор занимается, и мы должны освободить место.

Коротко и просто. Я знал, что деревня назначена для стоянки одной казачьей части. Протестовать не представлялось нужды, так как мы все равно должны были ехать дальше. Но если бы мы и протестовали, то смысл его был бы не понят никем.

Нужно место: прогони того, кто его занимает. Только и всего.

1 августа. За несколько дней мы прошли так много и переиспытали и перевидали такие картины, которые напоминают, скорее, кошмар, чем действительность. Двигались преимущественно по ночам по местности, каждую ночь опоясанной подковой пожаров. Противник следовал за нами с трех сторон, и линия сопри-

косновения освещалась огнями горящих усадеб и скирд хлеба. Останавливались для того, чтобы простоять несколько часов, и снова двигались, точно часовая стрелка. Механизм попортился, стрелка остановилась, как будто задумалась. Потом часы встряхнули, они снова затикали, и стрелка двинулась до новой остановки.

Пришли в д. Домбе, пробыли день, а на следующий мы уже двинулись на г. Луков. Шоссейная дорога была освещена, как днем, огромным пожаром. Это горели станционные здания. Пожар был так грандиозен, что его пришлось далеко объезжать по полям. В сплошном море огня двигались проходящие части войск: люди, повозки, лошади, мотоциклеты.

Луков остался позади. Пришли в д. Роле. Отыскивали в темноте стоянку и залегли спать часа в два ночи. Утром подошла дружина. Начали готовить в походных кухнях обед. Вдруг приказ: следовать дальше в д. Крынка. Запрягли повозки и кухни, выстроились и снова двинулись отступать.

Люди прошли уже несколько десятков километров и падали от усталости. На наших санитарных подводах сидели и лежали больные и с потертыми ногами. Не успели в Крынке раздать обед, как пришлось снова выступать в д. Смолянка-Красуше. Простояли здесь до вечера и опять пошли.

Сделали мы длинный и утомительный 25-километровый переход по пескам и по проселочным дорогам. В д. Ленчноволя поздно вечером остановились спросить дорогу на Збучин. Поляк-хозяин плакал и просил меня зайти: у него жена рожала. Быстро из военного врача пришлось превратиться в акушера, потом так же быстро вскочить на лошадь и ехать дальше. Счастливый отец не знал, как отблагодарить меня, и все пытался поцеловать руку. Эта привычка, привитая народу вековым рабством, наблюдается в Польше очень часто.

Опять только на рассвете заночевали мы в д. Моджев, а в 6 часов уже выступили. Пюре-Вельке, Пюре-Пытки, Остое, Климы, Бейды, Радльня... Мелькали в памяти названия деревень. Здесь мы опять ночевали, но ночью нас подняли, и снова пришлось ехать в местечко Лосице.

С утра до обеда городок, почти опустевший, подвергался на наших глазах разграблению. Грабили казаки, а за ними по следам шли и другие. Разбивались магазины, расхищалось все. Крики и вопли избиваемых евреев стояли в воздухе.

Пришлось кое-кого защищать. Но разве можно удержать инстинкт хищника, если он не чувствует над собой карающего бича? Нижние чины грабят, берут и офицеры. Все равно, мол, пропадет! Стыдно записывать это на бумагу.

Я вел обоз первого разряда и не пускал людей на грабеж.

— Ваше высокоблагородие! Все сожгут, пропадет зря!

— Нельзя ходить: это мародерство!

— Ваше высокоблагородие! Там офицеры стоят, раздают из лаков товары. Бери, говорят, все!

— Проезжал генерал, говорил, что можно на мельнице забирать муку и ячмень. Мельницу будут жечь!

Так и не удалось удержать. Увильнули и наташили конфет, махорки, белья, два мешка муки, лото, будильник и др.

Да и что было спрашивать с нижних чинов, когда командир во время войны только тем и занимался, что подбирал всякую ненужную дрянь: скамейку, книжку, самовар без крана или стенные часы, которые на следующей же остановке приходилось выбрасывать в виде мусора из щепок и стекла.

Понятие о собственности было упрощено до последней крайности: казак останавливал еврея, быстро обшаривал его карманы и вытаскивал бумажник. Сколько там: 25 рублей или 2 рубля — он все брал. Бедный обворованный плакал, бегал по улице, жаловался, но кому, на кого? Власти уехали, комендант выехал... Здесь уже было царство первобытного произвола и насилия.

По дороге гнали интендантский скот. Попалась крестьянская корова. Ее присоединили к гургу.

— Зачем вы взяли?

— Для всех!

Зарезали и восхищались:

— Порции вместо 100 грамм вышли по 240 грамм. Мы для всех.

А так — разве можно. Мы понимаем!

— Да ведь это же мародерство?

— Никак нет: приبلудный скот!

И еще одна деталь. В имении Возники был винокуренный завод. Неизвестно, в силу каких обстоятельств, спирт не был своевременно уничтожен. Вчера разбили здесь погреб, и началось жестокое расхищение чистого спирта. С 8 часов утра до 12, когда прибыла охрана, творилось что-то невообразимое. Проходящие казачьи части забирали «живительную влагу» чуть не в карманы. Со всех окрестных стоянок бежали солдаты с ведрами, котелками и черпали, и пили, и блаженно советовали запастись всем. Потом тысячеведерный бак был выпущен. Река спирта разлилась по двору, в ложбинку с навозом. Солдаты разрывали навоз и вычерпывали грязно-желтую навозную тинктуру. И пили.

— Вылей! Сейчас же вылей: иначе прикажу арестовать! — приказываю я встречному казаку, который держит, сидя в седле, ведро и просит у какой-то бабы бутылку.

Он выливает. Чуть не плачет. И ухитряется все-таки оставить на дне немного грязной жидкости.

— Все выливай!

— Пожалуйста, наше благорь, хоть немного!

— Выливай, выливай!

Стоит казак на охране. Он сильно выпил.

— Ничего нет! Хоть не ходите! Выпили!

— А нельзя ли, господин доктор, хоть рюмочку для нас? А? Ваше высокоблагородие! Расстарайтесь!

Возле рабочих казарм лежал лицом в пыли казак и спал пьяным сном. Без фуражки, без лошади. Потом поднялся. Посмотрел дико и начал кричать и шататься. Уже ночью вместе с товарищами он охотился за женщинами, избивал детей. Стоял крик в воздухе, звон выбиваемых окон.

— Эх, яри их! Так их!

Еле удалось убрать всю эту ораву, пригрозивши наганом и арестом. Все это происходило при своеобразном освещении: казаки зажгли имение. Совсем близко бухали оружейные выстрелы и умирали люди.

* * *

5 августа произошло событие, радикально изменившее наше положение: мы были выделены, сведены в бригаду и назначены в гарнизон Брест-Литовской крепости. После Возников, где разграбили спирт проходящие казаки, мы побывали в д. Остроменчине, откуда нас вернули снова в направлении Лосиц, в д. Фальянтице. Наша часть оставалась на позициях, а обоз совершал нелепый круг по периферии. Ночью получили распоряжение двигаться из Фальянтице опять в Возники.

Совершенно случайно мы столкнулись с проезжающим офицером, который предупредил нас, что уже произошел отход войск, и мы можем натолкнуться на неприятельский разъезд.

Пришлось вернуться обратно.

При свете пожаров мы видели, как поспешно отступала артиллерия, как отходил полк, который должен был находиться в связи с расположением нашей части. К счастью, мы столкнулись с нашей отступающей бригадой и двинулись за нею. На следующий день во время остановки стянулись все дружины, и мы начали самостоятельно двигаться на Брест-Литовск. Оказалось, что я был «совершенно не прав», когда запрещал солдатам забирать чужое имущество. Наша дружина захватила по дороге больше сорока голов скота, несколько лошадей и овец, и все это открыто, легально двигалось вместе с нами. Приобретения совершались широкой рукой. То же делали и др. части, даже в значительно большем масштабе. Те, кто не успел приобрести, выражали искреннее сожаление. Везли фурманки, нагруженные всяким добром, везли возы

сена и овса, везли экипажи, колеса. Какая-то дружина стянула даже соломорезку. Словом, хозяйственные способности были проявлены в такой степени ярко, что мне приходилось бы краснеть за свою обозную команду. В самом деле, что же значит какое-нибудь лото или будильник в сравнении с гуртом скота?

Цинизм проявлялся повсюду. Добродушно, откровенно и бездумно: все берут — значит, и нам можно!

Полковник нашей бригадной батареи вместо всякой живности захватил еще в г. Радоме девицу и эвакуировал ее вместе с батареей. Для услуг этой девицы была выписана жена его денщика. В дороге двигалась сначала батарея, потом коляска, в которой сидела жена денщика в солдатской шинели и панна.

Солдаты, глядя на это странное добавление к батарее, острили: — Гляди, вон едет бомбардир-наводчик!

Офицеры возмущались подобным соседством, но полковник, не стеснясь, усаживался рядом со своим «предметом» и предавался утехам. Между тем этому полковнику около 60 лет. Он имеет жену и взрослых дочерей. Физиономия у него патриархальная: длинная белая борода, глубокие морщины, гнилые корешки вместо зубов. Посмотришь и пожалеешь:

— Бедный старик. Сидеть бы тебе в теплом кабинетике где-нибудь в захолустном городке и почитать «Новое Время» или вести степенный разговор о войне в гостиной за самоваром: «Вот как в наше время — там было не так. Да! В турецкую войну, когда я был еще совсем безусым головорезом...»

И дальше все в таком же духе. Так бывает обманчива наружность. Вот тебе и старик! Он себе поглаживает патриархальную бороду. Знай, мол, наших! И везет девицу для развлечения с позиции на позицию.

Мы проходим через ряд селений и местечек. Все тот же пейзаж: низины, луга, супески и суглинки, небольшие рощи, лесочки. От посада снова начинается хорошая шоссе́нная дорога. Холодное утро. В местечке жизнь уже замерла: магазины закрыты, жители наполовину выселились. В дверях и в окнах домиков бледные евреи и еврейки. По дороге тянутся фуры, нагруженные домашним добром, гонят скот. Чем дальше, тем все больше и больше беженцев. Возле шоссе стоят целые таборы. Готовят пищу, кормят детей. Еще дальше дорога прорезает сильно заболоченные низины. Дамба высоко поднимается над ними. Свернуть с дороги нельзя. Получаются заторы из телег и экипажей. Стоят долго, мучительно ждут возможности двинуться дальше. В некоторых местах дорога безнадежно запружена в два, в три ряда. Нельзя не только проехать — даже пройти. Приходится с бранью и криками сгонять беженцев на боковые съезды для того, чтобы дать возможность своему обозу пройти дальше.

Возле моста через реку Буг распоряжается комендант. Казаки выстраивают беженцев в одну линию. Каждому хочется проехать поскорее. При первой возможности кто-нибудь вырывается из бесконечной инертной цепи на свободную половину шоссе и мчится. За ним устремляются следующие телеги. Впереди их останавливают: получается новый затор.

Ждать приходится так часто и так долго, что теряется всякое терпение и всякое благоразумие. Цепь экипажей, говорят, тянется чуть ли не до самого Бреста. Во всяком случае, больше, чем на десяток километров.

Наконец приезжаем в д. Большие Мотыкалы. Здесь наша ночевка. Но деревня так забита всякими проходящими частями, что остановиться негде. Воды тоже нет, а мы должны приготовить ужин, солдаты должны напиться чаю и запастись водой на дорогу.

Узнаем, что в полукилometре есть колодцы. Здесь несколько домов — хутор. Едем туда.

Солдаты быстро располагаются, гремят чайниками, тащат солому для постелей, рыщут по домам.

— Пан, а пан! Далеко до Бреста?

Крестьянин внимательно смотрит на спрашивающего и отвечает:

— Забудь, брат, про панов! Паны остались в Польше, а я такой же человек, как и ты.

Солдаты удивляются и никак не могут освоиться с новым положением. Дом они называют халупой, сарай — стоделей, женщину — пани или кобета. Одним словом, не представляют себе еще, что они уже Польшу оставили позади, что здесь уже — Россия.

Местное население говорит полурусским, полукраинским языком. Тип еще сохраняет польские черты, но уже чувствуется колорит Украины.

Полковник А. — сам «хохол» — острит:

— Научились от поляков носить пиджак, да не научились забирать сорочку в штаны.

Действительно, сорочка здесь не прячется, а выглядывает наружу.

На следующий день мы вступили после долгих ожиданий распоряжения о нашей стоянке в г. Брест.

13. В Брест-Литовской крепости

— Наши войска отойдут на линию крепостей и останются. Здесь будет задержана волна неприятельского наступления, и отсюда начнется ее отлив.

— Позвольте, чем вы будете задерживать-то? Ведь нет снарядов, ведь войска растаяли.

— Так что же, вы, значит, полагаете, что немцы двинутся дальше? Но куда? В Пинские болота!

— Неужели они повторят ту же ошибку, которую допустили в свое время величайшие полководцы Карл XII и Наполеон?

— Россия территориально непобедима.

— Но что же будет дальше? Как и чем мы остановим это наступление?

— Говорят, немцами сконцентрировано на нашем фронте до 4-х миллионов войск.

Такие разговоры можно услышать на каждом шагу.

Заседания Государственной думы и перемены в составе министров и губернаторов, мобилизация промышленности и общественные настроения, о которых мы узнали из случайно попадающих к нам в руки газет, создавали какую-то призрачную иллюзию реформ «не за страх, а за совесть». Реформы — панацея, после них мы должны перейти в наступление, а пока этого не произойдет. Что же будет «пока»? Сепаратный мир с Германией?

Дума пошла на компромиссное решение первой задачи: необходимы совещательные органы при министрах. С крайней левой стороны брошена убийственная реплика: «Дума не понимает задач момента, на Думу напрасно возлагаются надежды».

Как бы то ни было, но все пришли к выводу: так дальше нельзя.

Организация обороны военным министром оказалась близурочной и преступной, бывший управляющий министерством внутренних дел Маклаков назван «государственным шалуном», процитированы деп. Аджемовым слова английского министра Ллойд-Джорджа о том, что «германские снаряды разбивают оковы, лежащие на русском обществе», и т.д.

Сказано много красивых и горячих слов.

А дальше?

Дума к 15 августа будет распущена. Сейчас уже депутаты разъезжаются настолько интенсивно, что скоро не будет кворума. Т.е. Дума может умереть до срока, или, переводя на язык прозы, депутаты, поговоривши, решат, что они уже сделали свое дело и могут уйти. Это и безопаснее: останься, так договоришься до таких вещей, что в неприятную историю попадешь. Уж лучше подалее от греха.

* * *

Брест-Литовская крепость относится к числу первоклассных. Форты ее вынесены на десять километров от цитадели. Железобе-

тон здесь применен в больших размерах. Вообще, вся крепость производит впечатление чего-то грандиозного, когда попробуешь представить себе ее боевую мощь или начнешь сравнивать с ивангородскими укреплениями.

Когда мы приехали, город уже почти весь эвакуировался. Неприятельские аэропланы устроили очередной налет и приветствовали нас бомбами. От взрывов звенели окна в доме, где мы остановились. Стрельба из крепостных орудий велась редко, но, говорят, один аэроплан был подбит.

После стольких дней бродячей жизни в пыли и на дожде приятно было раскинуть кровать в хорошей и чистой комнате, переменить белье и заснуть в культурной обстановке.

Не оправдались тогда наши надежды на город. Здесь уже почти ничего нельзя было достать. Все магазины закрылись. С большим трудом добывался даже хлеб. В цитадель, где имелась крепостная лавка, не пропускали без разрешения. На станции было отделение Московского экономического общества, но и там все необходимое было уже распродано. Вокзал был битком набит уезжающей публикой, площадки завалены пожитками.

Следующие дни нашей жизни в крепости не принесли ничего нового: город вымирал. Крупной новостью было для нас переформирование нашей бригады в два полка, которое юридически произошло здесь. Мы должны составлять теперь 112-ю пехотную дивизию, т.е. превратиться в войска действительной службы. Через несколько дней ушла наша батарея на формирование в бригаду в г. Гомель.

Брест-Литовская крепость, как и Ивангородская, обречена на уничтожение. Поспешно из крепости эвакуировались имущество, орудия, госпитали. Снимают даже колокола с крепостного собора.

Днем прилетали неприятельские бомбометатели, а ночью стоял непрерывный шум от передвигающихся частей войск, обозов и орудий.

Наша часть ушла в ближайший форт.

Везде за городом палатки и обозы. Производится обучение молодых солдат, тянутся транспорты, кипит жизнь.

Самый форт производит прекрасное впечатление. Он так хорошо укреплен, столько здесь затрачено денег и ума, что, кажется, никакие снаряды не смогут его разрушить. Я осмотрел все ходы, все помещения. Везде электричество, чистота и как будто ничем не сокрушимая прочность. Зашли после осмотра к артиллерийскому штабс-капитану, коменданту форта.

— Чудное у вас помещение! Я хочу просить разрешения посетить здесь и открыть амбулаторию и перевязочный пункт.

— Да, — соглашается комендант. — Вчера здесь все осматривал инженер.

— Что же это за осмотр? — интересуется мой спутник.

— Так, на всякий случай, — многозначительно отвечает комендант...

Брест-Литовская крепость имеет три ряда укреплений. Внутренние и средние я видел. Первые укрепления графа Берга относятся к 1871 году. Это совершенно устаревшее укрепление. Второй ряд — более современен. Когда мы шли к Брест-Литовску, то были уверены, что здесь будет уже конечный пункт нашего отхода. Брест-Литовск, наверное, оборудован всем настолько хорошо, что мы предполагали даже долговременное обложение крепости.

Как-то разговорился я с одним интендантским чиновником.

— В Бресте было заготовлено довольствия на 300 тысяч человек на 8 месяцев, — сообщил он.

— Ну, а теперь?

— Осталось по 70 снарядов на орудие.

— ?!

— Все съели Карпаты... Да что говорить! Знаете вы, кто в крепости комендант?

— Лайминг... Его помощник, заведующий, начальник артиллерии и т.д. Все это Зильберберги, Зильберштейны... Одним словом, сами понимаете...

В другой раз я слышал такой разговор:

— Три раза посылали в интендантство. Хотел получить сапоги и пр. Ничего не дают!

Поехал я в цитадель в магазин. Толпа такая, что с трудом можно протиснуться к прилавкам. Особенно большая очередь возле чиновника, который отпускает вина. Забирают десятками, ящиками.

Кругом в цитадели и на станции следы поспешной эвакуации.

В ночь на 12 августа нас подняли в два часа ночи и приказали выступать. Город уже расцвелся пожарами. Тянулись бесконечные обозы, отходили войска. Из окрестностей выселяли жителей. На следующий день слышались взрывы со стороны фортов, а ночью, когда мы выступили дальше, все небо над Брестом сияло заревом. Сквозь дым и пыль горели столбы огня. Трагически жуткая картина!

В тучах пыли, освещенной заревом, отходили мы все дальше и дальше.

В ночь на 13 августа мы уже были в тридцати километрах от крепости.

Я уехал вперед, обогнал несколько обозов и очутился один. Проезжал целый ряд деревень и везде наткнулся на обозы и разные тыловые части.

При переезде через Александровскую железную дорогу вдруг я услышал какой-то странный шум вверху. Треск и шум все приближался. Затрещала частая ружейная стрельба. Я невольно остановился. Ночь слегка примеркла, но было еще достаточно светло от спрятавшейся за облака луны. Над самой почти головой я увидел громадную сигару. Медленно и неуклюже она поворачивалась в направлении железной дороги. Точно вор крался в выси ночного неба. Цеппелин держал путь, по-видимому, на Барановичи, большую распределительную станцию, бывшую резиденцию штаба верховного главнокомандующего.

Стрельба стихла, цеппелин скрылся, но осталось тяжелое чувство какой-то беспомощности. Наш противник настолько уверен в своей непобедимости, что ничем не стесняется. Потом я узнал, что цеппелин бросал бомбы в обозы и железнодорожный мост. Под утро нам встретился опять воздушный пират. Казак, с которым я повстречался, быстро соскочил с лошади и начал стрелять в цеппелин.

— Брось, брат! Только патроны портишь...

От бессонной ночи я несколько раз засыпал в седле. Наконец заснул так, что совсем забыл обо всем. Разбудил меня окрик с дороги:

— Скажите, это дорога на Яковицы?

— Да, — встрепенулся я. — Вот они уже близко.

Это ехал обоз Всероссийского земского союза. Спрашивала какая-то сестра милосердия. В д. Бачы я остановился, сдал лошадь какому-то старику и завалился спать у него в сарае. Потом целый день прождал нашу бригаду и не догадался посмотреть маршрут, где была указана остановка не в Бачы, а в Мацы.

Вечером пришлось махнуть рукой на все и ехать в обоз второго разряда. Старик, у которого я остановился, уверил меня, что деревни Мацы нет, и я решил, что части двинулись дальше на д. Гориздричи.

14. Что же делать?

Картина пережитого выяснилась в перекрестных разговорах с офицерами 22-й бригады. Они оставили Брест позже нас. В тот день, когда мы уходили, производилась последняя эвакуация.

Раздавали и грабили продукты, вина, консервы, сапоги, одежду, спирт. Словом, творилось что-то дикое и нелепое. Бросались и втаптывались в пыль сотни тысяч рублей. То, чего нельзя было достать накануне, теперь выбрасывалось на мостовую. Наши соквартиранты захватили несколько ящиков сапог, бочонок спирту, несколько повозок и санитарных линеек. Вozy их были доверху нагружены. Один старик-подполковник ехал в прекрасном эки-

паже, запряженном парой изящных лошадей, и вез с собой молоденькую жену. На привале они расположились, как на пикнике: с самоваром, со столовыми приборами, поварами и т.д.

Одним словом, люди устраивались на войне нескучно. Но их настроение было совсем не воинственное. Им война казалась тяжелым и ненужным бременем.

— Пора все это кончать! Дальше так нельзя!

— Куда же еще отступать?

— Кампания проиграна. Пока еще не поздно, лучше заключить мир. Когда будет взят Петроград, противник будет диктовать какие угодно условия.

— Конечно, теперь уже ясно, что нам нечем защищаться: нет ни войск, ни оружия, ни снарядов. Отбирают у нас винтовки и дают мексиканские ружья. Что мы будем с ними делать?

На фоне недавнего падения Новогеоргиевской крепости, эвакуации Ковно и Брест-Литовска такие разговоры звучали погребальным звоном.

— Вы думаете, что говорят солдаты?

— Россия продана врагу, — вот что они говорят.

— А вы слышали, что Сухомлинов и его жена уже повешены?

— Говорят, что и комендант Лайминг арестован и повесился под арестом.

Вмешивается молодой прапорщик. Он только что пришел к нам на стоянку.

— Я уезжал с последним поездом. Со мною уезжал в Кобрин и комендант.

— Ну, значит, это произошло в Кобрине!

— А знаете, что говорят солдаты об очках, которые они носят на фуражках для защиты глаз от удушливых газов?

— Это, говорят, выдали очки не от газов, а чтоб не стыдно было идти на Киев. Наденем, и не видно будет.

За время отступления солдаты и офицеры настолько эмансипировались от этого «стыда», что дальше идти некуда.

В каждой деревне, на каждой стоянке прежде всего они бросались грабить жителей. Можно подумать, что нас совсем не кормили с начала войны. Через несколько минут по прибытии в деревне обычно уже везде горели костры из заборов, кипятилась вода, варилась картошка, собранная здесь же, на огородах, яйца, куры и т.п. Сено и овес расхватывали на редкость тщательно, а между тем интендантство довольно часто присылало нам справочные цены: овес — 1р. 80 коп., сено — 60 коп., солома — 40 коп. Цифры эти имели чисто академический интерес. Никто ничего и никому не платил. Набитые крестьянским добром амбары очищались бесплатно. Оправдание было одно: все равно пропадет.

Мы теперь уже в области болот.

Красивый тип «малоросса» возле Бреста в Кобринском уезде сменился тщедушным и худосочным «Полещуком». Говор изменился до неузнаваемости, костюм тоже.

Дороги здесь отвратительные. Среди редкой и чахлой поросли по болотам тянутся проселочные пути с жиденькими гатями и скрипучими мостиками. Топи очень быстро сменяются песком, в котором тонут колеса. Убогие избы, очень низкие, с крохотными оконцами и высокими крышами, напоминают грибы на этой болотисто-песчаной почве. В каждой деревне неглубокие колодцы с подпочвенной водой. Проходящие части вычерпывают их в несколько минут, потом стоят и заглядывают в пустой сруб. Примитивность здешней обстановки после пройденной Польши очень чувствительна.

Природные условия как будто немногим отличаются от Привислянских: и там, как и здесь, болота и пески, но культура совсем иная. Там облик деревни и склад культуры бытовых условий прошел под иными историческими воздействиями. Там было меньше экономического гнета, там шире развернулась индустрия, там вырос рабочий ремесленник. Здесь, на воде, могут жить, томясь жаждой, потому что прорыть колодец глубже нет возможности, а сделать бетонный сруб — и того меньше.

Теперь население выбито из колеи и в буквальном, и в переносном значении этого слова. Жителей выгоняют из деревень в глубь России. Десятки тысяч так называемых «беженцев», или, вернее, «выгонцев», тянутся по разным дорогам. Обозы и автомобили задерживают их, сгоняют в стороны. Вследствие бесполовщины и неразберихи крестьяне часто забивают дороги в два, три ряда. Стоны и крики стоят в воздухе. Казаки пускают в ход нагайки, телеги опрокидываются, дети летят на землю. А ночью тысячи костров горят вдоль дороги. Вокруг них сидят семьи и греются. Тут же готовится ужин. Страшно поражает в тихую пору всякое проявление чувства.

И вот при выезде на Пружанское шоссе 18 августа, ночью, мы услышали девичье хоровое пение. Унылое, тягучее — оно щемило сердце. Обыкновенно эти тысячи идут молча, без жалоб. Они оставили поля, и дома, и родные могилы. Холодные и голодные, они молчат.

20 августа. На шоссе прорвались немцы. Их отбросили, но неприятельская артиллерия обстреляла шоссе и окрестности. Здесь были только беженцы. Что там происходило, когда снаряды рвались среди телег, среди сбившихся в клубок женщин и детей — трудно даже представить.

Мы все отступаем и отступаем. Делаем переходы в 10-15-25 километров, останавливаемся на день, 2-3 дня и снова уходим. Наши дружины за время отступления от Брест-Литовска перебивали уже в разных частях и корпусах. Теперь мы несем саперные обязанности. Приходим в деревни, где еще только начинают плакать и укладываться, располагаемся под открытым небом, под дождеком, на ветру. Рытье окопов производится мирным инструментом — лопаткой, поэтому ружья целыми днями сиротливо стоят между палаток в козлах. Носят их только во время переходов. Таким образом, мы в данное время являемся вооруженными рабочими.

С населением устанавливаются у нас сейчас же по прибытии торговые отношения. Грабеж почти кончился. Мы — покупатели, они — продавцы. Покупаем хлеб, потому что интенданты забывают нас кормить, покупаем сено и овес, потому что те же интенданты не дают фуража для лошадей, наконец, покупаем все, что попадется под руку... уже без денег. Равнодушно слушаем причитания баб и смотрим на чужое горе. Сколько мы его пересмотрели! Мы сами тоже беженцы. Кто-то приказывает, а мы подчиняемся. Мы тоже мокнем под холодным дождем, недоедаем и недосыпаем, простуживаемся и умираем. На днях похоронили солдата в чистом поле. Едят нас блохи и вши, и солдат, и офицеров; одолевает грязь и нечистота. Скоро уже два месяца, как мы не получаем писем, мы забыли, когда читали газеты. Мы затерялись среди этих равнин и болот и ведем жизнь бродячую, беглую, докультурную.

И физически, и духовно питаемся общей солдатской пищей.

Проходящая часть, проезжающий писарь из штаба сообщает нам о том, что творится за пределами нашего горизонта.

Нам уже давно сообщали, что «взяты Дарданеллы», что «Швеция объявила России войну», что внутри страны начались серьезные «беспорядки».

В штабе нашей бригады рассказывали, что за время наших блужданий произошли существенные реформы в России. Делом снабжения армии стал заведовать комитет из членов Государственной думы. Начальник штаба верховного главнокомандующего Янушкевич смещен, и на его место назначен Алексеев. Образовано три фронта обороны. Одним словом, для оптимистических мечтаний было целое море предположений.

Я записал это, как бытовой факт. Мы были готовы слушать все.

Действительность издевалась над нами самым беспощадным образом. Каждый день отдавалось миллион приказаний, которые почти не исполнялись. Например, рылись окопы, которые нико-

му не были нужны. Отход совершался с каким-то как будто преднамеренным упорством.

Вот к нам случайно попала минская газета, в которой было напечатано, между прочим, обращение губернатора к жителям, предлагающее всем оставаться на своих местах. Может быть, это был просто педагогический прием. Ведь у нас у всех сложилось такое убеждение, что отход будет совершаться бесконечно, что правительство собирается эвакуировать всю Россию из России.

На каждой стоянке мы рассуждали примерно так:

— Вот хорошие дома, амбары, книги, мебель, цветы и т.п. Все это скоро будет уничтожено и сожжено.

— Вот живут люди, вот плачут дети... Скоро их выгонят отсюда.

Потому что нет конца безумию, нет границы бедствию, которое захлестнуло нас с головой.

Впереди только ужас и отчаяние.

До каких же это пор?

15. Отступление

Вот оно пришло, то страшное, чего не случилось весной. Был тиф, выхватил несколько жертв, но не было условий, которые способствовали бы широкому развитию эпидемии. Наступили светлые и теплые дни, питание солдат было больше, чем удовлетворительно и, кроме всего этого, на нашем фронте стояло значительное затишье. Люди не изнурялись бессонными ночами, бесконечными атаками или бесконечными отходами. Теперь же, к осени, условия значительно хуже весенних. Мы отступаем. Погода — отвратительна, люди часто остаются то без горячей пищи, то без хлеба. Интенданты доставляют продукты очень неаккуратно, пекарни принуждены часто сниматься с места для нового отхода. В довершение всех зол наши дружины мобилизованы так, что для них не предусмотрена боевая деятельность, следовательно, не организован и тыл. У нас нет бригадного транспорта, а те телеги, которые мы вывезли из родных палестин, уже износились, да и количество их совершенно недостаточно для правильного подвоза фуража и продуктов. Нам приходится самим изыскивать возможности для кормления солдат. Весь край терроризирован. Все уничтожается. Создаются все данные для широкого развития эпидемий.

И они уже стоят у порога.

Среди беженцев, как передают, развилась в значительной степени холера. У нас тоже было несколько подозрительных заболеваний. Один случай со смертельным исходом. В деревне, где мы стояли, были холероподобные заболевания. На днях меня позвал

молодой парень к больной матери. Старуха лежала на лавке, прикрытая дерюгой. Картина болезни не оставляла никакого сомнения в том, что это холерный случай.

Между тем возможности для предотвращения надвигающегося бедствия были ничтожными. Солдаты вели такой образ жизни, что о мерах предохранения можно было говорить только очень условно. Следить за тем, чтобы они не пили сырой воды, не ели овощей и мыли руки, почти нет никакой возможности. В каждой деревне, где только можно, солдаты забегали в дома и прежде всего пили воду. Потом покупали хлеб, молоко, яйца. На ночь на останках в деревнях занимали избы без разбору. Между тем уже появлялись характерные надписи на стенах домов: *«Не входить! Заразная холера!»*

31 августа мы перешли через реку Шару. По дороге заходили в монастырь. Он расположен на откосе перед деревней Жировицы.

Постройки производят впечатление бедное, провинциальное. Здесь находился в ссылке «знаменитый саратовский епископ Гермоген», сподвижник не менее «знаменитого Илиодора Царицынского». Третьего дня Гермоген уехал отсюда. Я осведомился о нем у крестьянина, который торговал возле дороги вареным свиным мясом.

- Что, допускали народ к архиерею?
- Доступно было: он и лечил, и советы давал.
- А службу совершал?
- Постоянно. Хороший служака. Всенощную до 12 часов ночи правил.

Наш полковник привел всю дружину в монастырь и отслужил молебен. Иеромонах «благословил» солдат иконой «Жировицкой богоматери», а они в благодарность оборвали в монастырском саду все яблоки и черешни.

Везде по деревням полно обозов, парков и т.п. частей. Везде выселяются жители. Говорят, что теперь выселение уже не производится так рьяно: в России не знают, что делать с беженцами. Да и вообще, вряд ли теперь кто-нибудь знает, что нужно делать.

Например, в связи с происшедшими якобы изменениями в правящих кругах, т.е. назначением великого князя наместником на Кавказ, а генерала Поливанова — премьер-министром, говорят, что отход будет продолжаться до весны. К этому времени мы будем готовы перейти в наступление. Не раньше... А так как пока еще не наступила осень, то все будет продолжаться по-старому. Сначала немцы наступали со скоростью пяти километров в сутки, а осенью и зимой будут наступать со скоростью 1-2 километра. Таким образом, если не произойдет какого-нибудь внешнего со-

бытия, например, взятия Дарданелл, выступления Балканских государств или, наконец, сильного нажима со стороны наших союзников, то неприятель должен будет продвинуться еще километров на 200-300 в глубь России.

По-видимому, общество примирилось с этой мыслью. Армия, поскольку это доступно наблюдению, в боевом отношении стоит на обычной высоте: один-два успеха могут вдохнуть в нее стремление к дальнейшим успехам. Пока еще нет того, что могло бы квалифицироваться как военная деморализация.

3 сентября. Мы сидим под открытым небом в лесу, недалеко от шоссе. Массы беженцев схлынули, остались только воинские части. В воздухе свежо, а ночью бывает совсем холодно. Утренний туман долго висит над землей и пронизывает насквозь сыростью. Палатка создает только видимость защиты. Люди еще одеты полетному. Шинели являются очень плохой защитой от холода. По-неволе позавидуешь тем, кто ухитрился устроиться в жилых или закрытых помещениях. Я с товарищем П.М.М., тоже врачом дружины, поселился на опушке леса. У меня есть палатка, а у него бурка. Что лучше в данном случае — решить нетрудно. Я в своем помещении замерзал целую ночь, а он спал отлично.

Утром мы решили посетить перевязочный пункт 9-й дивизии. Старшим врачом в нем состоял харьковец д-р Алексеев. Нас приняли любезно: чаем угостили, папиросами и газетами. Такая роскошь нам уже давно казалась недоступной. Мы накинулись на них с нескрываемой жадностью.

В самом деле, мы уже забыли, с какой стороны газету начинают читать, а они получали регулярно и газеты, и сводки, т.е. пользовались самыми свежими известиями. Было чему позавидовать. Помещение у них — одно восхищение: прекрасный летний дом с мезонином. Вокруг дома — клумбы, в мезонине — отряд Красного креста с молодой и красивой девицей-врачом и сестрами милосердия. Здесь же нашел себе приют артиллерийский генерал с офицерами. Словом, компания, с которой можно не скупаться...

Что же мы узнали из газет?

Старая и вечно новая забава: представители общественной мысли стремились использовать момент для завоевания ответственного министерства. Октябристы и кадеты метили на министерские портфели. А представители старого режима, как Агафья Тихонова, смотрели на собравшихся женихов и заявляли: «Пошли вон, дураки!» (см. «Русское слово» от 29 августа, статью «Заседание совета министров»).

Опереточный депутат Керенский трагически вопил о том, что его единомышленники не прибегнут к помощи «улицы», а будут ждать, когда Г.Г. кадеты сами попросят у левых помощи... Одним словом, люди играли свою игру при пустом зале. А живая жизнь шла помимо них. Те, у кого была реальная сила, фатально за нее цеплялись, те, у кого ее не было, судорожно к ней тянулись, а государственному возу все не было ходу, да и поклажа на возу была непомерно тяжела. Завяз он в создавшемся бездорожье так тяжело, что «никакие лебеди, раки, щуки», пожалуй, не сдвинут его с места.

* * *

Продолжалось наше хождение по проселочным дорогам. Сколько их уже перемерено солдатскими ногами и сколько еще осталось пройти!

Направление у нас одно: с запада на восток. Обыкновенно ночью получалось распоряжение о выступлении. Собирались расставленные кровати, укладывались пожитки, и мы двигались вперед. На дворе темно, холодно. Дороги не видно. Проводников нет. Скрипят обозные возы, и наша маленькая часть теряется среди полей и болот.

Сидишь в седле и качаешься от усталости и бессонной ночи. Зато утром впереди всегда загорается заря, всегда мы переживаем утро и смотрим на рождающийся день. В обстановке мирного времени в это время все спят еще долго, а мы здесь бодрствуем до полного упадка сил. Солдаты сваливаются с ног от таких хождений, у офицеров лица приобретают землистый цвет.

После 25-30-километрового перехода мы останавливаемся в какой-нибудь деревне. Прежде всего, хочется найти помещение, где можно было бы заснуть, напиться чаю. Но это далеко не всегда легко исполнимо. Тыл армии, в который мы перешли, находясь в распоряжении саперной части корпуса, загружен бесконечным количеством всяких обозов и частей. Все избы в деревне оказываются уже занятыми. Интенданты, коменданты и т.п. фронта располагаются всегда с комфортом, занимают помещения с толком, и часто приходится останавливаться под открытым небом или довольствоваться каким-нибудь сараем. Ничего, что сбоку помещаются лошади или коровы, ничего, что изо всех щелей дует. Хоть где-нибудь прикорнуть бы...

Обыкновенно во дворе стоит уже приготовленная подвода с натянутым на дуги полотном. На эту подводу нагружается скарб, усаживаются дети, и белорусская семья приобретает название беженцев. Изба оставляется. Остаются очень часто здесь же свиньи,

куры, которые поступают в пользование солдат. Сборы в дорогу носят очень поспешный характер. Жители ждут до последних дней, а потом с воем и плачем убегают. Распродают все, что можно распродать. Больше всего тревожатся за скот.

На пункты, где производится закупка скота интендантством, тянутся целые стада. Но часто скот разбегается, отказывается идти и бросается на дороге. Путь беженцев обозначен павшими лошадьми, коровами и свиньями. Солдаты часто загоняют коров. Такая добыча признается совершенно законной. Конечно, никто не узаконивал подобные явления, но сила обстоятельств такова, что это превратилось в обыденный факт. За частями следуют гурты скота, заведомо собранные по пути. Никто никому за них не платил ни одной копейки.

Съеденную говядину у нас учитывают, а баранину едят так, без всякого учета — сколько придется. А так как солдаты должны получать довольствие мясом казенное, то благоприобретенный скот идет в счет причитающегося довольствия. Таким образом, получается очень значительная экономия, которую и раздают солдатам, т.е. совершают двойное преступление: присваивают чужую собственность и выдают ее за свою, потом пишут фиктивные счета для того, чтобы получить из казначейства деньги.

13 сентября мы случайно получили газеты, из которых узнали точно, что Государственная дума распущена. «Мавр сделал свое дело — мавр может уйти». Не больше этого...

Надежды на «ответственное министерство» не сбылись. Никто серьезно и не верил в него. Состав министерства был бы, конечно, таким, который допускался бы не дальше лакейской. Сама природа его и двусмысленная, и шаткая, как и все половинчатое и недоделанное, заставила бы его действовать по принципу: «Чего изволите?».

Но не случилось и этого. Г.Г. Гучковым и К^о с барской высокомерностью указали на дверь.

«Чем хуже, тем лучше!».

Уже больше года в надрывном напряжении страна. Что она защищает, во имя чего разорвется, что ее ждет впереди? Ведь чем бы война ни кончилась, вопросы государственного переустройства все равно будут стоять и перед правительством, и перед обществом. Ведь все равно финансовое обнищание, дезорганизация промышленности, общий упадок экономического благополучия неизбежен для всех воюющих держав. Ведь все равно результаты империалистической войны несут только страдания для народов.

Нищета, разорение, смерть — ее результаты.

И если в России есть сейчас такие энтузиасты, которые непоко-

лебимо верят в скорое обновление нашей родины, то они напоминают того щедринского карася-идеалиста, который верил в «торжество вольных идей до тех пор, пока не был съеден щукой». Таких щук очень много вокруг России и в самой России. Кушать ее будут так же исправно, как и до войны, а может быть, еще хуже, потому что после войны чудовищно возрастет ее задолженность, будут в значительной степени надорваны ее производительные силы, а правящие круги за время войны ничему не научатся. Только самая жестокая необходимость может вырвать власть из цепких рук отжившего и изжившего себя класса родовой аристократии и дворянства.

Преемниками их хотят быть представители плутократии. Кто из них хуже — покажет будущее. Во всяком случае, ясно, что первые в настоящее время поступают с заранее обдуманном намерением. Дряхлеющие классы, как и дряхлеющие люди, смотрят всегда назад, так как их творческие ресурсы изжиты, и умственная импотенция дает только возможность переживать старое.

Многие верят тому, что все останется по-старому. Горемыкинский кабинет и руководящая камарилья не могут не верить. Иначе нужно сознаться в полном банкротстве, иначе пришлось бы собственноручно подписаться в полной своей негодности, ненужности и даже вредности.

«Нет! До этого еще не дошло», — полагают они.

14 сентября. Стоим уже три дня в д. Заритовой Минской губернии, недалеко от м. Клецк. Здесь роются окопы. Противник далеко позади. Вчера мимо нас по деревне провели большую партию пленных, главным образом, мадьяр. Судя по рассказам, они сдаются охотно. Пускаются даже на хитрости, чтобы улизнуть от бдительного надзора немцев. Как-то на днях они ухитрились сдать вместе с офицерской кухней. Было инсценировано бешенство лошадей. Кучера делали вид, что не могут сдержать, а окружающие солдаты пустились якобы догонять кухню. Конечно, и те, и другие во всю мочь старались, чтобы лошади бежали к нашим окопам как можно быстрее. Привезли суп и кофе.

Но бывают и другие случаи. Против одной из рот Севского полка противники начали махать шапками. Наши вообразили, что те хотят сдать в плен и бросились вперед без необходимых предосторожностей. Их встретили пулеметным огнем. Одна из рот дружинников бросилась помогать ворвавшимся солдатам. В результате пострадали и те, кому хотелось захватить пленных, и те, которые сунулись на выручку. Но общее впечатление от теперешних боев получается очень странное. Наши войска без видимой надобности отступают, а противник против своей охоты наступает.

Очень часто пленные жалуются на крайнее изнурение, на недостаток пищи и т.д.

— Мы не успеваем гнаться за вами!

— Если бы вы остановились и проявили желание задержаться, наши войска не пытались бы двигаться дальше, — так думали солдаты и офицеры.

Чего хочет высший командный состав, разгадать очень мудро.

Газетные вести, с которыми мы знакомимся редко и случайно, говорят, что движение в глубь России не у всех в Германии вызывает розовые надежды.

Живая сила в значительной мере у нас цела, территория наша громадна. И Г.Г. Гинденбургам кажется, что конечный смысл их наступления совершенно неясен, т.е. получается впечатление, что наступление ведется только для наступления.

18 сентября. Уже несколько дней у нас тишина. Где-то очень далеко бухают орудия, а здесь только рюк окопы. Жители мирно остаются на своих местах, уехавшие возвращаются обратно — словом, движение приостановилось.

В боях, которые происходили впереди нас, положение противника оказалось не блестящим. Мимо нас снова проводили толпы пленных австрийцев. Вероятно, движение на флангах тоже задержано. Возвратившийся из Петрограда наш прапорщик утверждает, что в настоящее время наша артиллерия снабжена в достаточном количестве боевыми припасами.

Полагают, что начнется поворотный пункт в нашей войне. Сегодня случайно нам привезли газеты, и получилось сообщение: Болгария выступает против Сербии, т.е. и против России. Один из болгарских посланников, судя по газетному сообщению, откровенно заявил, что Болгарии нет больше смысла сентиментальничать с Россией. Сын Родосланова со студентами-болгарами в Берлине устроили восторженную манифестацию. Мобилизация вызвала вмешательство вооруженных сил. Т.е. корона хочет войны, а народ не желает. Конечно, сила на стороне первой. Немцы быстро утилизируют Болгарию.

20 сентября. Опять золотая осень. Вторая осень на войне. Осыпаются листья; свежо и ясно. Погожие дни — ласковые и тихие. На деревенской улице — группы разряженных баб. Воскресенье. Мимо окон с самого утра гремят транспортные телеги. Провозят продукты на позиции.

Улицу мы называем Невским проспектом. Я живу в крайней избе. Она была оставлена хозяевами-евреями. Мы отбили замок и

заняли ее. Низенькое и грязное помещение называется теперь дворцом. Ежедневно подметается земляной пол, поддерживается чистота. Углы и потолок задекорированы сосновыми ветками, стены украшены иллюстрациями из старых номеров польского журнала «Tygodnik Ilustrowany», стол покрыт скатертью, изба перегорожена полотнищами палаток. Одним словом, созданы всевозможные условия комфорта.

Правда, в избе остались клопы и надоедают мухи, но это такие мелочи, с которыми легко мириться. Денщики за занавеской готовят обед, кипятят чай. Вкусные запахи кухни и дым отыскивают себе выход через разбитые оконца, но и это мелочь. Даже немецкие бомбы с аэроплана, которые уже несколько раз разрывались недалеко от нас, не нарушают уюта.

На днях хозяева возвратились из местечка на свое пепелище. Хозяйка долго отыскивала что-то. Я счел своим долгом предупредить ее, что мы здесь ничего не трогали, но это заявление не произвело надлежащего впечатления. Если не трогали мы, то другие постарались растащить все, что ни попалося. Забрали колеса, колесную мазь, кузнечные инструменты — хозяева были кузнецы.

— Ничего, ничего — мы уже теперь здесь не хозяева, — с горечью повторял еврей.

— Сожгут скоро твое имущество, — утешил его полковник.

Еврей только рукой махнул. А еврейка собрала горшки и начала колотить их об стену во дворе. Била свое добро и плакала. Молча... Потом они ушли.

Крестьяне стойко защищают свое добро от расхищения. Сено и овес продают неохотно. В первые дни паники многие бросили свои хозяйства, а теперь возвращаются и ни за что не хотят продавать корм. Своей скотине понадобится. Фуражиры рыщут по окрестным деревням и фольваркам и при первой возможности норовят забрать все даром. Оставленные хозяйства быстро разграбляются. А хозяйственные части делают на этом «экономии»...

* * *

Сравнительное затишье на нашем фронте вызвало усиленный отлив офицерских и нижних чинов в отпуска.

Вчера уехал и наш командир. Желание побывать на родине, увидеть семью, родных и знакомых является здесь господствующим. Отпусками пользовались и раньше, но под сурдинку. Отпускались в командировки за разными надобностями.

Теперь отпуска — законное право всякого. К сожалению, только не врачей. В приказе ничего о них не сказано, а раз не сказано, значит, отпускать врачей нельзя.

Замечательное явление: военные не считают врачей за офицеров, но когда вопрос касается какого-нибудь служебного или денежного ограничения и в приказе говорится только об *офицерских* чинах, они сейчас же стараются распространить его и на врачей.

Такой курьез случился вчера и со мной. Получили приказ о выдаче добавочных к жалованию денег, в котором говорилось, что офицерские чины в звании «зауряд» должны получать добавочные деньги по своему действительному чину. Например, прапорщик, произведенный за время войны в зауряд-капитана или даже в зауряд-полковника должен получать деньги по чину прапорщика. На самом деле получилась несообразность: прапорщики занимают места капитанские и полковничьи и носят название зауряд-капитанов, зауряд-полковников.

Кому понадобился такой маскарад с офицерскими чинами, неизвестно, но из этого получилась только путаница: прапорщики получают полковничье жалование.

Дальше в приказе говорилось, что не имеющие офицерского чина должны получать добавочное жалование по должности прапорщика. Такие чины тоже имеются в дружинах: это зауряд-прапорщики и подпрапорщики, т.е. нижние чины, которые за недостатком офицеров могут занимать офицерские должности.

О врачах в приказе не говорилось ни слова. Даже больше: приказ являлся дополнением другого приказа, в котором говорилось, что врачи ополчения получают деньги по расписанию для полевых войск. Тем не менее, наш зауряд-капитан, заведующий хозяйственной частью, т.е. занимающий штаб-офицерскую должность, решил, что врач, не имеющий чина, должен быть приравнен к чину прапорщика, тогда как врач имеет право на чин X класса уже в силу того обстоятельства, что он окончил высшее учебное заведение. Другими словами, врачи приравнены к чину штабс-капитана или титулярного советника. Эта азбучная истина несколько не смутила ретивого зауряда, и он решил считать меня прапорщиком.

Командир дружины — полковник в отставке, прослуживший на действительной службе тридцать пять лет, несколько не усомнился в справедливости такого умозаключения своего зауряд-дурака, начальник штаба нашей бригады, подполковник генерального штаба тоже согласился с ними. Пришлось отыскивать предыдущие приказы, сопоставлять, чтобы выяснить всю нелепость подобного толкования. В подобных явлениях сказывается и недомыслие, и какой-то инстинктивный антагонизм между офицерами и врачами.

Мне часто приходилось слышать от офицеров, призванных из запаса и ополчения, выражения зависти к врачам:

— Вы счастливы: в бою не участвуете и на войне занимаетесь профессиональными обязанностями.

Конечно, слышать это от чиновников, сельских хозяев, учителей, инженеров и т. п. — естественно. Но чем можно объяснить неприязненное отношение со стороны кадровых офицеров? Приходится допускать, что во врачах они видят людей чужой им формации и косвенных своих врагов, так как освобождение, эвакуация и полное увольнение от службы почти исключительно зависит от врачей.

На этой последней почве разыгрываются грустные сцены. Перед врачами униженно заискивают, врачей просят и врачебной снисходительностью пользуются бессовестно и бесчестно. Стремление отделаться от войны растет прямо пропорционально времени, а с наступлением второй осени оно, кажется, еще усилится. Интересно, что случаи обращаемости к содействию врачей и врачебных комиссий наблюдаются со стороны наиболее обеспеченных офицеров. Заведомо здоровые, заведомо богатые офицеры не хотят больше воевать. Для них вреден и сырой климат, и примитивная обстановка, в которой приходится жить в настоящее время.

Один из таких «Г.Г. офицеров» собирался получить себе свидетельство о болезни. По наружности и экстерьеру — это чистокровный потомок «римских гусей». Он обладает миллионным состоянием. Зиму привык проводить на Ривьере и в Италии. Историю своей болезни он рассказывал больше получаса:

— У меня заболело ухо. Я поехал в Варшаву из г. Радома. Дела давно минувших дней, когда и Радом, и Варшава не были еще заграничными городами... Я был у врачей-специалистов. Вот у меня здесь их свидетельства...

Иллюстрирующие «свидетельства» говорят о том, что у названного г. офицера было катаральное воспаление уха. И вот с этим воспалением г. офицер, кочуя из комиссии в комиссию, прожил в Варшаве месяца два. Когда ему это в достаточной мере надоело, он возвратился в свою часть. Было лето, часть его ничего не делала. Теперь же осень.

— Откровенно говоря, мне хочется попасть в Крым. Там мой брат купил себе виллу.

— Ну, а как же ваше ухо?

— Видите ли, сейчас оно не болит, т. е. болит, но не особенно сильно, но я чувствую, что скоро со мной будет худо... Да, вот еще по ночам — ужасно болит...

Ясно, что ночью комиссия к нему не придет, а сейчас она может посмотреть ухо, поэтому сейчас оно и не болит.

С подобной развязностью ведется и дальнейшее изложение. И все это от чистого сердца. В самом деле, что стоит врачам напи-

сать свидетельство такому благовоспитанному и изящному господину. Конечно, в данном случае он ошибся: врачи свидетельства ему не дали, но старший врач пообещал отправить его в эвакуационную комиссию с санитарным билетом. По существу, и это для такого больного находка.

И сколько их теперь эвакуируется, этих Г.Г. офицеров, — одному Аллаху ведомо...

21 сентября.

Начинают получать письма, адресованные в нашу часть. Это после двух с лишним месяцев ожидания. Я, например, получил сегодня письмо от 13 августа. Значит, оно путешествовало месяц и восемь дней.

Сколько событий произошло за этот срок! Мы все время двигались и двигались. Жили, где придется: в деревнях, в сараях, в лесу, в открытом поле. Посылали известия о себе только случайно, если представлялась возможность передать с кем-нибудь письмо для того, чтобы его сдали хоть в полевой конторе. Конечно, винить в этом никого нельзя, но горечь беспомощности и неизвестности подобными соображениями не изглаживалась.

Только на войне можно понять, как дорого каждое слово от родных и близких. Жить и ожидать изо дня в день всегда, каждую минуту, возможного насильственного конца и не иметь возможности хоть изредка получать сведений от дорогих для тебя лиц — мучительно.

Особенно теперь, когда вся Россия исковеркана тяжелыми условиями войны. Недостаток жизненных средств, эпидемии, недостаток рабочих рук, медицинской помощи — все это должна пережить та часть населения, которая не имеет как будто никакого отношения к войне — женщины и дети. За них сейчас страшно, страшнее всяких страшных возможностей здесь, на театре войны.

Вот зашла ко мне в избу женщина и просит у денщика:

— Землячок, дай хлеба! Не на что купить, а мужики не дают.

— Откуда ты?

— Из-под Слонима. Бежали мы, бариньку.

— А муж у тебя есть?

— Муж на войне. У меня четверо детей.

— Где же вы сейчас поселились?

— В лесу, бариньку, в лесу стоим. Есть нечего и лошадь кормить нечем.

Женщина заплакала.

Вот этих пощадить нужно. Они стоят в лесу. Они холодны и голодны. И некому о них позаботиться, и никто не придет им на по-

мощь. Комитеты и общественные организации не для них. Они в лесу. В умах у них темно, и лес кругом — темный.

23 сентября. Я выехал в отпуск. Нужно было совершить путешествие на лошадях до ближайшей станции километров 25. Уже вечером после небольшого приключения — завязли в болоте — мы добрались до железной дороги. Но, увы! Поезда не было. Пришлось ночевать в вагоне на запасном пути. Утром пришел санитарный поезд, но он грузился так долго, что я воспользовался другим поездом и благополучно прибыл на станцию Столбцы. Здесь скопилось уже много офицеров, чающих дальнейшего движения. А поезда дальше не было. Пришлось целый день ждать тот

Т.Я. Ткачев, старший врач 142-й технической дружины

Эстония. Прифронтовой город

же санитарный поезд, который застрял на предыдущей станции.

С врачами поезда я встретился уже как со старыми знакомыми и даже помогал им грузить больных и раненых. Под вечер мы двинулись-таки вперед. Путешествие до Минска было обеспечено. Я устроился значительно лучше многих офицеров. Меня приняли как товарища: накормили, отвели место, пустили сопровождавших меня двух солдат.

В Минск приехали уже ночью — 24 сентября. Нужно было решать, каким путем ехать дальше. Дорога на Гомель, как мне сообщили, была перегружена. И я выбрал путь через Смоленск, Брянск, Орел. Это было дальше километров на 150, но, по-видимому, избавляло меня от больших неудобств.

До Смоленска ехали целый день. Часто останавливались и ждали, ждали чего-то мучительно долго. В Смоленске мы узнали, что поезд на Орел должен был выйти только утром 26-го. Пришлось подчиняться необходимости и провести длинную ночь, стоя в зале I класса. Все здесь было уже занято, а в III классе весь пол представлял кашу из человеческих тел. Это были по преимуществу беженцы. Утром мы двинулись дальше. Опять целый день переезда и в результате — опять ожидание. В Орле поезда на Курск до четырех часов утра 28-го.

Из армии и в армию движутся люди. Отпуска дают возможность солдатам и офицерам немного отдышаться дома. Но самое путешествие сопряжено с такими неудобствами и тянется так долго, что некоторые офицеры отказываются от 2 недель. Теперь уже разрешен 3-недельный отпуск, а для солдата — до месяца. И совершенно разумно, так как на дорогу уходит в среднем около 10 дней, следовательно, дома можно пробыть только 3-4 дня. Опоздания, даже законные, напр., по болезни, караются лишением содержания.

Дорога и до сих пор сильно загружена. Приходится ехать стоя, проводить в таком положении целые ночи. Приходится бесконечно пересаживаться с поезда на поезд, пользоваться холодными товарными вагонами. Ночью в вагоне на железном листе солдаты раскладывают костер. Тут же рубят доски. Дым наполняет все помещение. Открыть дверь нельзя: вагон остынет.

На станциях от Минска битком набито солдатами и остатками беженцев... Свою часть приходится отыскивать по целым дням.

Теперь еще 16-й корпус перебросили на Балканы. Навстречу нам попадались эшелоны, нагруженные солдатами и обозами.

У нас, в центре, сравнительная тишина. Центр играет пассивную роль. Но 7-8 октября нашим корпусом была произведена разведка. Были взяты неприятельские окопы, и между прочим, захвачены баллоны с душловыми газами. В результате этой раз-

ведки взято несколько тысяч пленных, а наша дружина потеряла 138 человек. Остались две роты, в то время как Брянский и Севский полки отошли.

У нас нет телефонов, а связь или побоялась идти, или была убита, или, что еще вероятнее, о дружинных ротах полки просто забыли. Это повторяется с нами уже второй раз. Во время отступления под Гельневым Ахалцыхский полк тоже забыл нашу 4-ю полуроту вместе с ротным командиром. И только случайно она осталась цела. Теперь оказалось хуже: оставшиеся спаслись только наполовину. Остальные были окружены австрийцами, но еще раньше они были обстреляны артиллерийским огнем. В этом деле тяжело ранен молодой прапорщик Аристов. Ранение в грудь. Фельдфебель 3-й роты Мещанников был ранен в голову пулей и остался на месте, успевши только крикнуть своим: «Прощайте, братцы!», а прапорщика вывели и сдали на перевязочный пункт.

Подобное несчастье в тысячный раз подтверждает нелепое положение дружины в передовой линии. Разбросанная среди чужих частей поротно, она является чем-то вроде пятого колеса к возу. Неприспособленная к боевой обстановке вследствие необорудованности боевым инвентарем и разрозненная, она является совершенно беспомощной. Следующее дело опять может вырвать совершенно бессмысленно из ее рядов жертвы.

* * *

Судить нас будут потомки. История беспристрастно, насколько это возможно, оценит наши поступки и дела. Мы же — в настоящем. Все горе, все муки и всю радость творим мы сами. И благословения, и проклятия грядущего падут на нас. Не на французов, англичан, русских, немцев, австрийцев, итальянцев, а на тех, кто *сейчас* живет и умирает.

Для грядущего творится легенда.

Сейчас мы слишком близоруки для того, чтобы рассмотреть и оценить совершающееся.

Но то маленькое, что видит и переживает каждый из нас, что составляет только наше субъективное, что умрет вместе с нами, мы имеем право, мы должны рассказать... И в необъятный дворец будущего наши дела и мысли должны войти хоть как строительный материал.

* * *

Тяготы войны распределяются чрезвычайно неравномерно не только между населением, но и между войсками, и между отдель-

ными ее участниками. В то время как на фронте гибнут от пуль и снарядов, от холода и болезней, в тылу сидит столько людей в тепле, в безопасности! Молодые, здоровые, они несут службу, которую могли бы исполнять неспособные к боевой деятельности, увечные и больные.

И обиднее всего то, что сидят там не случайно, а преднамеренно. Воспользовались протекцией, симулировали болезни — одним словом, добились безопасного положения бесчестно.

Это относится и к офицерам, и к солдатам. В так называемых командах выздоравливающих происходит развал русской армии. Хаос и отсутствие дисциплины, по отзывам людей, познакомившихся с положением дела, там вопиющие. Солдаты ничего не делают, с утра до вечера играют в карты, самовольно уходят домой. И все это сходит им безнаказанно. Говорят, что до 800000 солдат составляют в настоящее время «бродячую Русь», т.е. находятся в бегах. Они живут дома или путешествуют из этапа на этап. Такие путешествия продолжаются по целым месяцам. Стоит только солдату разузнать местонахождение нескольких разных частей на отдаленных друг от друга концах фронта.

На одном этапе, положим, в Киеве, он говорит коменданту, что состоит в Н-ском полку. Этот полк в настоящее время, предположим, стоит под Ригой. Солдата отправляют туда. Приехавши в Ригу, он заявляет опять, что полк его С-кий. А этот полк стоит где-нибудь на юге России или в центре фронта. Значит, его опять везут бесплатно назад. И так может продолжаться до бесконечности.

Теперь в приказах отмечают случаи массовых сдач в плен. Немцы заявляют, что у них собралось уже 2 миллиона русских солдат. Кроме того, отмечают пассивность сдавшихся или попавших в плен. Несколько человек конвоируют сотни наших солдат, и они не делают никакой попытки оказать сопротивление и бежать. Бывают даже случаи, что русские солдаты обслуживают в качестве прислуги немецкие обозы, состоят на службе в штабах и т.п. Т.е. в Германии происходит с русскими то же, что в России с австрийцами.

В одном из недавних приказов по 9-й дивизии приводился даже факт добровольной сдачи в плен.

* * *

Вот пример бюрократической военной неразберихи.

Предписание начальника санитарного отдела штаба 3-й армии Западного фронта от 31. 10. 1915 г. за № 153807. Из ежедневных телеграфных донесений главных врачей лечебных заведений, ус-

тановленных циркуляром № 79124, усматривается, что многие врачи, вместо того, чтобы придерживаться установленных этим предписанием форм только тогда, когда есть больные, буквально копируют их и тогда, когда больных нет совсем. Так, например, один из врачей доносит:

«К 9 часам в Н-лазарете Н-дивизии подозрительных по холере состояло 00, поступило 00, переведено в холерные с переведенными — 00, выздоровело 00, умерло 00, осталось 00». Главный врач Н.» . Вместо того, чтобы всю эту многословную телеграмму заменить двумя словами: «больных нет» или «холерных и подозрительных нет» .

Другой врач делает такую подпись: «Временно исполняющий должность главного врача надзорного советника старший ординатор лекарь Н.»

Некоторые начинают телеграммы совершенно ненужным: «доношу, что», а в заключение вместо короткой подписи перечисляют чины и ученые степени.

Принимая во внимание загроможденность телеграфа работой, прошу Г.Г. врачей в их телеграфных донесениях быть по возможности краткими и ни в каком случае не допускать излишнего многословия в виде вышеприведенного...

Как все это забавно, чтобы не сказать больше. В самом деле: поступило больных два нуля, умерло — два нуля, состоит — тоже два нуля. Простая арифметика. На ватерклозетах тоже пишут — два нуля. Аналогия, как это ни обидно, сама собою напрашивается.

29 октября. Из дружины отправляют стариков в тыл. Всех, кому больше 42 лет, назначили в какую-то рабочую дружину в Калужскую губернию на формирование. К сожалению, пока не все попали в число эвакуируемых. Вначале некоторые из солдат хотели остаться, но, когда выяснилось, что идут в Россию, всех не-удержимо потянуло уйти.

Это стадное, коллективное чувство имеет что-то захватывающее. В самом деле многие из стариков имели бы, казалось, возможность существовать вполне обеспеченными и довольными, так как они состояли в обозе, денщиками и т.п. Но мысль о том, что другие уходят, а они «не хотят» уходить, т.е. отказываются от возможности уйти с войны, показалась им такой невыносимой, что все решили эвакуироваться.

* * *

...Второе Рождество вдали от семьи и мирной обстановки. Все время у нас на фронте сравнительное затишье.

За декабрь нам пришлось пожить недели две в м. Ляховичи, куда время от времени противник стреляет. Обстрелы обыкновенно только пугают жителей.

Мирное сидение на позиции разнообразится частичными разведками да артиллерийскими дуэлями. Противник, как и мы, надо полагать, совершенно не склонен ни теперь, ни в ближайшем будущем предпринимать каких-нибудь серьезных шагов. Ждут весны и теплой погоды, когда недочеты и раны с той и другой стороны будут залезаны. Тогда снова начнется бойня.

Судя по тем сведениям, какие время от времени появляются в газетах, немцы предполагают на русском фронте повторить опыт предыдущего лета. И нужно думать, что заключительные аккорды европейской войны прозвучат на нашем фронте. Французы и англичане не менее немцев упорны, и там противник немногого добьется, а русский фронт — выигрышный фронт. Здесь немцы шагали сказочными семимильными шагами. Если даже им и не удастся то, что удалось этим летом, то все равно придется нам выбивать их из укрепленных позиций. И нужно думать, что они не будут нам отдавать Польшу, Белоруссию, Остзейский край без боя.

25 декабря. Мы получили приглашение приехать на обед к коменданту м. Ляховичи, нашему временному коменданту И.И.З. Сели с прапорщиком на лошадей и поехали «за семь верст киселя хлебать».

Дождь сечет в лицо и мешает смотреть. Под ногами у лошадей хлюпает. Брызги летят во все стороны.

— Вы, доктор, не раскаиваетесь, что поехали? — спрашивает меня спутник.

— Нет, не раскаиваюсь, я вообще никогда не раскаиваюсь. Постоянный нераскаянный грешник.

Встретили нас приветливо. Обед носил характер семейный. Угощались граммофоном. А вечером меня позвали на роды в польскую семью...

На следующий день приехал наш злосчастный полковник, осужденный за мордобитие, потом отчасти помилованный и, наконец, возвращенный до конца войны к командованию той же дружиной. Психически нездоровый человек по прихоти людской пережил за несколько месяцев целый ряд метаморфоз: от полковника до острожника для того, чтобы снова стать командиром. Более злой иронии нельзя и придумать для офицера с немецкой фамилией...

...Новый 1916 год начался для меня в конце января. Месяц тому назад я заболел сыпным тифом, 3. 01. эвакуировался на ст. Погореп, потом на ст. Замирье, потом на ст. Столбцы. Последнего я уже

не помню, так как находился в бессознательном состоянии. Только 16 января температура спала, и с этих пор я опять начинаю себя сознавать.

Через несколько дней нас эвакуировали в санитарном поезде на Минск. На третий день после бесконечных остановок и ожиданий на разъездах и станциях нас, наконец, привезли в Гомель. Здесь выяснилось, что будут выгружать не в самом городе, а в местечке, в 7 километрах от города. Двинули поезд туда. Было уже утро. В окна мы увидели лес и полудолговременные деревянные постройки, очень напоминающие дачи. Это и оказались бараки, в которые помещаются солдаты.

Я и два офицера: капитан и прапорщик, мой сожитель, — попали уже часов в 12 дня в один из барачков — сыпнотифозный — 7-го госпиталя Всероссийского союза городов. Как только мы вошли, нас повели в ванную. Дали нам две комнаты. Я и О. заняли одну, в другой поместился капитан.

Прежде всего нас неприятно поразили шум и отсутствие дисциплины. Распоряжались всем в бараке № 4 сестры. Мужчин не было. Понятно, что солдаты вели себя очень неприлично. Расхаживали по столовой, которая служила в то же время и коридором, высыпали из палат, когда мы прибыли, и начали бесцеремонно нас рассматривать. Потом мы узнали, что в этом же бараке помещаются не только солдаты, но и посторонняя публика из города, т.е. госпиталь обслуживает нужды окружающей местности.

Сестры милосердия не поддерживали дисциплины, хозяйство велось кое-как, и, вообще, порядка в госпитале не было никакого.

Положение наше здесь оказалось и ложным, и странным, и очень неприятным. Желание поскорее вырваться отсюда у прапорщика приняло форму, прямо болезненную.

9 февраля нас выписали из госпиталя. Прапорщик уехал на несколько дней раньше, так как у него нашлась протекция в штабе фронта, и комиссия разрешила ему в одиночном порядке уехать в Москву.

Интересна личность капитана, который эвакуировался и лежал в госпитале вместе со мной. Он был в армии Самсонова в Пруссии. В самом начале при наступлении получил ранение ног, остался на поле, где его заметили немцы. Офицер оставил при нем часовых, те ограбили его и ушли. Потом уже вечером капитана подобрали наши солдаты.

Когда капитан рассказывал нам об этом, у него передергивалось все лицо и дрожали руки. Однако пережитые ужасы нисколько не повлияли или, быть может, даже усилили у него сексуальные потребности. Он лежал один в палате. Это помогало делу. Сна-

чала объектом его внимания сделалась сестра милосердия, о которой ходили определенные рассказы.

Ухаживания не были отвергнуты, несмотря на то, что ни обстановка, ни возраст капитана (под 50 лет), казалось, не давали больших шансов на успех. Но произошел неожиданный случай: ординатор барака случайно сделался свидетелем интимной близости сестры и капитана и предложил ей перейти служить в другой барак. Сестра попробовала отравиться нашатырным спиртом.

Комедия, которую она разыгрывала уже не раз и раньше, привела к тому, что капитан лишился на день, на два «предмета страсти». Тогда он обратил внимание на двух девочек-сиделок и утешился. Для полноты удовольствия он стал с отменным успехом ухаживать еще за другой сестрой. Нужно добавить, что контингент сестер милосердия в госпитале чрезвычайно разнообразен, а уровень их культурности очень невелик.

Я поселился в дер. Новобелица у своих знакомых офицеров 24-й батареи, с которыми жил вместе еще в Ивангородской крепости.

Так как меня зачислили в команду выздоравливающих, то пришлось ехать в г. Гомель отыскивать канцелярию этой команды и подавать рапорт о прибытии. Врач команды заявил мне, что нужно являться на амбулаторные приемы, помогать ему. Требование очень странное, если принять во внимание, что выздоравливающий не есть здоровый и может всегда оказаться неспособным к выполнению работы. Необходимость посещать амбулаторию ставила меня в затруднительное положение еще и потому, что от Новобелицы до Гомеля по меньшей мере 7 километров.

Оставалось только надеяться на скорый отпуск домой...

С 29 февраля я начал новое путешествие после болезни. Из Гомеля нужно было ехать в г. Феллин Эстлянской губ. Но прежде чем мне удалось сесть в скорый поезд, нужно было потратить полдня на путешествие по разным комендатурам и этапам. Здесь выдавали бумажки, в которых было написано, что врач (имярек) препровождается в распоряжение такого-то военного начальника при сей бумаге.

До ст. Дно доехали относительно удобно, но здесь пришлось сидеть и ждать 13 часов. По счастью, оказался воинский поезд, с которым удалось уехать до г. Пскова. Побродили ночью по городу, вернулись на станцию и засели ужинать. Наш поезд должен прийти только утром. Ужиная и разговаривая, просидели до 3-х часов ночи. Компания собралась, за исключением прапорщика Полтарева и меня, молодая. Шутили и смеялись усердно. Нако-

нец, сон одолел: кто как умел начали клевать носами, стучать лбом о крышку стола. Уехали дальше до ст. Валки.

Здесь новая пересадка на узкоколейку.

Пересадки без конца.

Наконец, я приехал в г. Феллин...

Оказалось, что за расформированием дружины я назначен временно в одноименный 460-й полк. Он стоял в г. Вейсенштейне. Пришлось снова собирать пожитки и ехать. Еще одна пересадка в Алленкюле, еще 121 километр.

Вейсенштейн — маленькая станция, маленький эстонский городок. Высятся башня кирхи, развалины средневекового ливонского замка. Домики одноэтажные с мезонинами, улицы кривые... Почти деревенька.

Остановился в гостинице Клинге. Обедать начал вместе с другими офицерами в соседнем немецком клубе. До расквартирования пока он был закрыт, а теперь здесь временно устроили полуофицерское собрание. Но так как буфетчик, кормивший нас, был немец, то командир распорядился перенести собрание в другое место... Основание — командирская шпиономания.

Жизнь в нерусском городке шла мимо нас. Только несколько семей чиновников и учительницы гимназий познакомились с офицерами. Эстонцы еще не выделили в достаточном количестве того, что принято называть интеллигенцией. Они еще остро чувствуют себя мужиками, холопами баронов и, как говорят, не менее остро их ненавидят.

Строй жизни и агрокультура здесь, понятно, немецкая. Русские не сумели ничего дать эстонцам. Правда, в городских училищах, в гимназии, в деревенских школах учат русскому языку, но громадное большинство русского языка не знает и, кажется, не хочет знать. Не для чего.

Бароны здесь не только царствуют в крае и управляют. В способах землевладения и землепользования они до сих пор сохранили средневековые привилегии: например, продавая крестьянину землю, барон не продает ему права охоты и рыбной ловли. Таким образом, владелец не смеет на своей земле застрелить зайца: это прерогатива барона...

30 марта я выехал из Вейсенштейна в г. Феллин для того, чтобы из временно исполняющего обязанности врача полка сделать И.Д. врача дезинфекционного отряда 115-й дивизии. Фактически же по приказу начальника санитарной части фронта я назначен в Выборг в распоряжение какого-то начальника обороны.

Таким оборотом дела я, в сущности, был бы очень устроен: новое место, новые люди и близость столицы. Но волею судеб и

Следы войны

г. дивизионного врача я привязан к г. Феллину до тех пор, пока не придет ответ на телеграфную просьбу оставить меня врачом отряда.

Город Феллин полусерьезно называют столицей края. Он очень опрятен, по-немецки чист, по-немецки добродетелен — одним словом, город. Даже городской глава — немец-барон Энгельгард, член нынешней Государственной думы.

Вновь сформированная 115-я пехотная дивизия совершила путешествие в Финляндию. Пробыла там несколько дней и возвратилась снова в Прибалтийский край.

Наша жизнь в это время не отличалась большим разнообразием. Происходила организационная работа в дивизии. Мы жили довольно тесной семьей, но спелись мало. В штабе дивизии были старые прапорщики, люди в значительной степени отяжелевшие, дожившие по мирному положению до генеральства, а здесь, на войне, они вдруг оказались на самой нижней ступени иерархической лестницы офицерских чинов, в звании и положении диком и нелепом.

Начальник штаба (немец) жил с семьей: женой, теткой, двумя девчонками, бонной. Начальник дивизии (немец) очень мало соприкасался с офицерами вне службы. Молодые офицеры держались тоже в стороне. Словом, чувствовалось, что это насильно связанные люди.

Несколько разнообразилась жизнь только письмами и газетами. Наша часть перебралась в г. Венден (Ливонская Швейцария).

Я был предубежден против всяких красот прибалтийского края еще раньше. В самом деле: однотонный сочно-зеленый колорит, волнообразные всхолмления, обычный для края тип городских построек — все это уже в достаточной степени нам было знакомо за весну и лето 1916 года.

Погода стояла на редкость отвратительная: дождь ежедневно.
 Брюзжу и проклиная непогоду,
 Войну и прибалтийский край,
 А небо льет на землю воду...
 Хоть просто — помирай.

Читать было нечего. Газеты получались бесцветные и водянистые, как и здешняя природа и погода. Только выступление в Румынии 15.08 внесло немного оживления в застоявшееся болото. Что-то засияло вдали...

16. На Дунае

...Солнце. Ветер. Скрипит рулевое колесо над головой. В каюте тесно и грязно. Тихо шумит Дунай. Вода в нем защитного цвета: яблочный кисель или раствор зеленого мыла.

Выехали из Рени в 11 часов утра. Буксирный румынский пароход тянет шесть барж. Повозки, лошади, кухни и солдаты. Развешивали белье, расположились, как дома. Едем черепашим шагом. Грузились в Рени ночью. Не спали — и от этого в голове стоит туман. Ужинали на пассажирском пароходе часа в два ночи.

Пришел адмирал Веселкин, заведующий портом. Грузный и сангвинический моряк счел своим долгом предупредить нас относительно условий, в которых нам придется жить: «Запаситесь копченой колбасой, сухарями, консервами, табаком. Всего этого там не достанете. Селений мало, народ питается больше мамалыгой (кукурузное тесто). Да и, вообще, край бедный. Румыния — это ведь даже не нация, а скорее, — профессия: музыкальная и, главным образом, публично-кабацкая».

Глаза у адмирала весело поблескивают. Видно, что в свое время он достаточно хорошо изучил «румынский вопрос» в наших столичных ресторанах с румынскими оркестрами.

Часа в три дня подошли к Галацу. Это — первый иностранный город, который увидела наша часть. На набережной — толпы народа. Приветствуют, кричат, машут шляпами, руками. Какое-то общественное здание. В раскрытых окнах, как бабочки-капустницы, мелькают белые платочки. Далеко, но кажется, что отчетливо видны лица конторщиц и машинисток. Наши солдаты в ответ тоже машут грязными платками и усердно кричат «ура».

Проходим мимо барж на якоре. Здесь нагружены призванные румынские резервисты, еще без формы: в черных куртках, в чер-

ных шапках. Черномазые. Несколько турок с красными, широкими кушаками и фесками. Молча стоят и смотрят. Оркестр нашего полка на задней барже надрывно заливается каким-то маршем... А Дунай шумит своей кисельно-защитной водой и сверкает на солнце.

Мы выступили в поход из Вендена 30 августа. Выступление после полугодичного формирования носило какой-то загадочный вид. Мы, по обыкновению, не знали, куда направляется наша дивизия. Само собой напрашивалось предположение, что нас передвигают недалеко, например, в Двинск. Но Двинск мы проехали, проехали Полоцк... Справлялись по железнодорожной карте, по справочнику. Возможностей было много. Могли бы очутиться и под Ковелем, могли бы попасть и в Галицию. Только после ст. Казатина и Раздельной стало ясно, что нас везут в Румынию. Назначение, конечно, было известно в самом начале, но об этом не говорили, и, кроме того, в пути могли бы произойти и изменения.

В Румынию мы едем с чувством удовольствия, так как прибалтийский край ни у кого не возбуждал симпатий. Едем на юг, где тепло, нет такого немецкого чистокровного, тошнотворного тона, как в Прибалтике.

Юг дал знать о себе прежде всего фруктами и овощами. На станциях жел. дорог появились арбузы, сливы, помидоры. Мы с азартом на все набрасывались. Еще южнее появился виноград. В г. Бендеры на базаре мы нагрузились персиками, грушами, виноградом, сливами, орехами. Питались как вегетарианцы. Арбузные семена и корки круглые сутки украшали пол нашего вагона. Юг сказался темными ночами и степным пейзажем.

От Бендер до границы (ст. Рени) окружающая железную дорогу местность удивительно пустынна. Поля и поля, да овраги. Изредка поселок с жалкой белой акацией. В лоштинке — целый митинг колодезных «журавлей». Повыше — белые хатки, нарядные, с синими углами, с навесом на столбиках. Виноградники с мелкой, жесткой ягодой. Солдаты бросаются с фуражками и получают от владельца бесплатно целые вороха непривычного лакомства.

Первая молдавская деревня на перегоне к ст. Рени. Черноглазые дети вынесли продавать яйца.

Солдаты разузнали, что здесь можно достать вина, и стремглав бросились по огородам к хатам. Достали красной кислой дряни и были довольны.

* * *

Красивый вечер.

Широкая многоводная река. Плещет в борта барж волною Дунай.
Подходим к Браилову.

Навстречу несется пассажирский пароход. На палубе женщины с развевающимися вуалями машут платками. Кричат «ура» и пассажиры, и наши солдаты, а оркестр изящно вторит крикам томной музыкой. Эхо, отраженное домами и судами на пристани, приносит к нам новые звуки. Темнеющий берег гремит от криков.

— Да здравствуют русско-румынские войска!

— Здравствуй, Россия! — кричат с берега.

— Да здравствует Румыния!

— Долой Болгарию! — отвечают солдаты с баржи.

Детские голоса, звонкие в вечернем воздухе, яркие огни в темноте, строгие и четкие силуэты домов и труб. Впереди затягивают «солдатского соловья». Песня сменяется песней. Вечер одевает и город, и реку в одежду южной осенней ночи. Плещет река. И уносятся звуки русских песен к чужим, смутно чернеющим берегам. Когда Дунай в последний раз вас слушал, песни?

Древняя река! Древний мир Эллады знал тебя. И мы из глубины России, за тысячи километров, приехали к тебе теперь, и наши далекие потомки, быть может, будут здесь плавать. Укачай, унеси в широкое море нашу боль. Убаюкай, величавая стихия, щемящую сердце тоску... Потому что я видел сегодня утром на берегу молодую мать с ребенком. Она взяла его на руки так же, как и те жены и матери, которых мы оставили дома.

8 сентября перед вечером мы проезжали мимо деревни Новой. Здесь живут некрасовцы — «казаки за Дунаем». Толпы детей, девиц, баб и мальчишек высыпали на берег. Несколько лодок причалили к баржам. Дети белоголовые, девушки в украинских костюмах. «Ура» и музыка долго висели над водой. Один крестьянин начал танцевать на высоком берегу под звуки музыки. Дружные аплодисменты солдат еще больше подзадорили танцора. Заиграли гопака, и танцор пошел выделывать колена. Дети бежали по берегу, скакали верхом на лошаденках. Бабы крестились и утирали слезы.

Я бросил в лодку, которая прицепилась к рулю нашей баржи, маленькой девочке конфет. Нужно было видеть, с каким восторгом она прижала их к груди. Солдаты бросали сахар. Долго тянулись за нами лодки с мальчишками и девочками. Это было трогательно и просто.

Со встречного грузовика офицер прокричал нам, что один из наших полков уж выгрузился в Черноводах — конечной цели нашего путешествия по Дунаю. Мы приедем туда завтра утром.

На заре баржи пристали к Черноводам. Мы выгрузились с изумительной поспешностью. Дело в том, что накануне болгарские

летчики сбросили здесь до ста бомб. Хозяева барж — греки — то-ропили с выпученными глазами: лишь бы скорее отъехать.

Мы видели на площади трупы убитых людей. Их никто не позаботился убрать. Собаки устроили торжественные поминки. Это никого не шокировало. Рассказывают, что людей румыны тоже не подбирали. Тогда русский командир приказал сложить трупы на каруцу и отвезти ее во двор начальника города.

Вообще, у русских сложилось уже определенное представление о румынах. Стоит только посмотреть на их обозы — жалкие кибитки, запряженные четверкой худых маленьких кляч, на их солдат — апатичных и недисциплинированных, чтобы получилась ясная картина. Наши солдаты острили: «Продали хороших лошадей немцам, а сами ездят на волах». Действительно, очень много повозок тянут быками.

Дорога до Меджидие, куда нам нужно было ехать, тянется вдоль железной дороги. Это шоссе довольно приличное, но чем дальше, тем оно все хуже и хуже. Километров пять всего сносного полотна. Оказывается, что дальше идет починка, а еще дальше — новая прокладка. Приходится поневоле сворачивать на обыкновенный проселок.

Часто попадаются беженцы. Обычная картина. Только вместо поляков, евреев и белорусов здесь тянутся экзотические группы цыган, молдаван, румын. По сторонам дороги стоят целые таборы. Черные детишки подбегают и просят. А чего, не разберешь. Наши солдаты смеются и дают им сахар.

Меджидие — полуазиатский городишко. Грязный и неудобный. Выполз из лощины на холм, украсился казармами и замер среди однообразных голых полей. Сейчас он полупустой. Все, кто имел какую-нибудь возможность, убежали. Осталась беднота, которой нечего терять.

Возле города расположились обозы сербской дивизии. Она на днях жестоко пострадала, как передают, потому что румыны не могут никак привыкнуть к орудийным выстрелам и бегут. И здесь случилось то же. Сербский фланг был обнажен, а в результате — существенный урон. Мне пришлось встретить сербов. Они шли колонной с флагами, которые представляли собою перевернутый русский торговый флаг.

Я догнал их. Народ рослый, молодой, здоровый. Только идут, точно за погребальной колесницей. Попробовали что-то запеть, но так тихо и робко, точно соловьи в июле. Их очень хвалят: «Безукоризненные храбрецы».

Сейчас здесь сошлись представители трех государств: румыны, сербы и русские. Что получится из такого альянса — угадать трудно, но общее впечатление грустное. Кажется, что люди сошлись

сюда отбывать тяжелую повинность, а не защищать важную стратегическую дорогу, которая ведет в близкий Бухарешт и не особенно далекую Бессарабию и Вольнь.

17. Добруджа

Жарко. Солнце такое, как в начале августа.

Мы проводим целые дни на воздухе. Загорели. Судьба вознаграждает нас за потерянное лето. Оно все было отравлено дождями в Остзейском крае.

В 20-х числах прошлого месяца наша дивизия несколько дней вела наступление. Наши противники — болгары. У них прекрасная тяжелая артиллерия — немецкая. У нас — трехдюймовки. Ясно, что перевес в этой области на стороне противника, совершенно неузвимого.

Наступление велось с большим воодушевлением. Солдаты, по рассказам, не слушались команды и шли вперед шутя, чуть ли не с песнями.

Противник штыкового боя не принимал.

— Это не немец: этого мы побьем! — говорили солдаты.

Атаки продолжались несколько дней. Наши выбивали противника, проходили вперед километров семь, потом получали приказание снова вернуться. Потери получились огромные: до 4000 солдат и 50 офицеров выбыло из строя. Ранения по преимуществу артиллерийскими снарядами.

Наступление по приказанию штаба корпуса велось днем. Местность была открытая, с небольшими складками и давала возможность противнику уничтожать наступающих наверняка. Получались картины, потрясающие по трагизму. Огромные взрывы снарядов разбрасывали солдат и разрывали на клочки. «Кровь смешалась с г...», — как выразился один раненый солдат. В результате мы остались на том же месте.

Наше выступление велось в целях отвлечения сил противника, так как с тыла, от Туртукая, румынская дивизия устроила переправу и должна была нанести существенный удар. Но румын, по обыкновению, постигла неудача. В чем она состояла, неизвестно. Сообщали, что австрийский монитор разрушил устроенный понтонный мост, т.е. отрезал дивизию от своей базы, и она с большим трудом удрала домой, переправившись кое-как через Дунай.

Теперь настало затишье. Только изредка перебрасываются снарядами да аэропланы противника совершают налеты на Меджидие через наши головы. Шрапнельный огонь батарей очень неудачен, и летчики точно смеются над нашими потугами помешать их полетам...

Изо дня в день мой дезинфекционный отряд производит санитарную обработку деревни Качемяки от навоза. Мы собираем его в кучи и сжигаем. Деревня очень загрязнена.

И здесь с 8 октября мы отступаем...

Три дня тому назад началось наступление болгаро-турецко-немецких войск. Прорыв произошел в соседней 61-й дивизии. Он распространился и на нашу дивизию. Операция без резервов получилась неудачной. Деморализованная предыдущими неумелыми наступлениями солдатская масса побежала. Паника получилась страшная. Артиллерия неприятеля действовала отчетливо.

Третьего дня мне нужно было утром проезжать из Мамут-Куюса в д. Качемяки. Здесь я увидел первые партии беглецов с позиций. Это были солдаты Красноставского полка. Бледные лица и широко открытые глаза были так жутко правдивы, так беспощадно убедительны, что не нужно было и спрашивать о том, что происходит.

А на горизонте рвались снаряды. Черно-бурые снопы разрывов четко всплывали с ясной лазури. Вниз к лощине тянулись отдельными группами солдаты.

— Наш полк разбит! Все бегут! — заявили мне убегающие.

До полудня я сидел и слушал донесения с фронта. В помещении оперативной части явились два полковника: они сидели километрах в семи от своих полков. Пришли растерянные, как побитые. Жались и, по-видимому, не знали, что им делать.

В полдень по приказанию дивизионного врача я с отрядом вернулся в Мамут-Куюс, а в 7 часов вечера выехал уже в Меджидие. Сюда же и был направлен 1-й лазарет.

Следующий день прошел в томительном ожидании известий. Они приходили одно неутешительнее другого. Оперативная часть корпуса держала связь, но общее положение приходилось устанавливать по случайным сведениям. Добиться положительных распоряжений от дивизии не удалось. Вечером и ночью двигались обозы.

На позиции пришли свежие части.

Наконец, утром выяснилось, что часть дивизионного обоза пришла тоже в Меджидие. В 2 часа дня мы выехали из города, почти совершенно опустевшего. Здесь оставались только одиночки-жители. Зато солдаты грабили магазины и распивали вина. Прodelывалось это, нужно отдать справедливость, довольно боязливо. Не было того классического размаха, который наблюдался при прошлогоднем отступлении.

Продолжаем путешествие по Добрудже без конца. От Меджидие мы направились на север, к Дунаю. Сначала мы думали, что нас направят в Гирсово, потом в Тульчу, но, оказалось, что мы за-

ехали слишком далеко на север. Волны отступающих войск лились к Дунаю. Здесь — переправы, а дальше — Россия. Добруджа пришлась нам не по душе. Пустынный край, отсутствие воды и дров, тяжелые неудачи так деморализовали солдат, что они бросали все и толпами и поодиночке уходили. По дорогам тянулись беглецы-жители и беглецы-солдаты. Они заходили в деревни, напивались молодого вина и засыпали пьяным сном по сторонам дороги.

Перед Дунаем — возвышенности и леса. Красивые гряды с пожелтевшей растительностью — дунайские Балканы. Облака низко ползут над землей между горами. В лощинах уютно расположились деревеньки с чистыми белыми домиками. Если бы больше воды — эти места были бы очаровательными...

После нескольких дней бегства мы приехали в м. Исакчи на Дунае. Некоторые наши учреждения успели уже перебраться на ту сторону, в Ферапонтовский монастырь. Пришли поздно. Еле разместились. Местечко без жителей. Бродят какие-то фигуры, снимают шапки при встрече. Это — гиены, которые набрасываются на трупы. Потихоньку грабят, куда-то прячут, что-то уносят. Торгуют кое-чем: наворованным из магазинов табаком, спичками... В домах — выбитые окна, разбитая мебель, оставленный скарб. Разбитые бочки с вином. Огрызки соленых огурцов на письменном столе, разлитое молоко на изящной кровати... И грязь, и сор везде.

На другой день, 15 октября, мы выступили из Исакчи снова на юг, в г. Бабадаг. Та паника, которая гнала толпы к Дунаю, здесь улеглась. Несуществующие прорывы неприятельской кавалерии были ликвидированы в умах отступающих. Противник был далеко на юге. Противник не спешил использовать удобный момент. Говорили, что возле Констанцы он был с большим уроном отброшен, говорили, что высаживается наша 8-я армия.

Очень много говорили.

Наш штаб, почти потерявший солдат дивизии и связь с другими частями, для каких-то непонятных целей должен был поступить в распоряжение генерала Павлова. Кавалеристы оперировали в районе Бабадага. Следовательно, и мы должны были идти туда. Уходить снова на юг очень не хотелось. Люди измучились бесконечными переходами по грязи, в дождь. Лошади подбились. Нужно было хоть немного отдохнуть.

Приходили мы на ночевку куда-нибудь, еле-еле отдыхали и снова рано утром двигались. Есть приходилось кое-как, что-нибудь... От неправильного питания, скверной воды и переутомления все чувствовали себя очень дурно. Было несколько случаев холеры.

В г. Бабадаг пришли вечером. Картина города та же, что и в Исаки. Разместились после обычных поисков коменданта, которого не оказалось. Кто-то указал южную часть города. Поиски квартир всегда носят лихорадочный характер. Бегаешь, бегаешь в поисках, и в конце концов, пристроиться где-нибудь случайно. То же было и здесь. Квартира нашлась хорошая, но предыдущие постояльцы загадили ее невыносимо. Очистили, затопили печки. И мы могли, наконец, раздеться и заснуть в тепле...

В Добрудже у нас получил право гражданства афоризм: «Бань (денег румынских) много, а помыться негде!»

* * *

Бабадаг — обычный полувосточный грязный городок, между двух возвышенностей, недалеко от большого озера того же названия. Улицы грязны, дома разграблены. Сор и мерзость. Среди солдат появились желудочно-кишечные заболевания. Изнурительные переходы и инфекции в данном районе могут оказаться для нас роковыми. Те остатки дивизии, которые теперь почти собраны, те «кукурузники», которые спаслись от бризантных снарядов немецкой артиллерии, которые удрали, «спрятались в кукурузных полях», теперь могут погибнуть от холеры.

Желудочно-кишечные расстройства не прекращаются. Условия жизни плохи: уже дней 10 солдаты не получают хлеба. Здесь, в Добрудже, — чужбина. Есть — нечего, пить — нечего. Вестей с родины — нет. Беспорядок, неразбериха. Становится так понятно нежелание солдат сражаться, что все умные намерения кажутся глупой, недостойной игрой.

«Если не можешь играть на простой флейте, зачем берешься за игру на человеческой душе?»

Из двадцати, примерно, тысяч у нас теперь две с лишним тысячи «человеческих душ со штыками». Сыграть на них можно только жалкий «реквием», так как при первом же выстреле солдаты разбегутся. Правда, у нас остались обозы и санитарные учреждения, но солдаты деморализованы чрезвычайно. Не может быть двух мнений об их дальнейшей пригодности. Они способны только на отступление. Если офицеры искренно радуются легкому ранению, которое дает им право на эвакуацию, то чего же ждать от солдат? Они хотят одного: уйти отсюда подобра-поздорову.

На днях мы уйдем из Добруджи в Бессарабскую губ., в г. Измаил, на пополнение. Вот выписка из приказа по дивизии № 96 от 21 октября:

«Из донесений врачей выяснилось, что, помимо общих болезней — бронхитов, ревматизмов и пр., ярко выступают — изнурен-

ный, усталый вид, худоба и подавленное моральное состояние нижних чинов, делающих большинство из них при таком состоянии неспособными нести боевую службу.

С целью скорейшего укрепления здоровья нижних чинов, приказываю командирам полков немедленно принять к тому все зависящие от них меры, причем наиболее переутомленных и слабых здоровьем выделить в особые команды и роты, разместить просторнее и в более удобных помещениях, усилить питание и дать им вообще больше отдыха».

К этому нужно прибавить, что солдаты, например, в полицейской роте — все старики, только сегодня, с *8 октября*, получили кашу, а вчера хлеб. Так наше интендантство усиленно «беспокоится» о продовольствии. Относительно морального состояния можно сказать: оно будет сносным — только не здесь. Каждый день нас посещают неприятельские аэропланы. Этого одного достаточно, чтобы настроение держалось на высоте острой напряженности.

По крайнему разумению, если начальник дивизии отдаст приказание убрать лошадей и обоз от здания штаба, чтобы не привлекать внимания летчиков, то и солдаты могут желать, чтобы их убрали из г. Бабадага, где они сидят без пользы, с риском быть расстрелянными пулеметным огнем и разорванными бомбами. И то, и другое щедро расходуется на Бабадаг неприятельскими летчиками и не может не нервировать солдат. О каком отдыхе можно говорить при этих условиях?

Гудит вдали аэроплан...
 Все ближе, громче и яснее.
 Тревожно бьется сердце. Дан
 Обычный залп. Противник реет...
 Убиты лошади, солдаты,
 Разбиты стекла, дом разрушен...
 Аэроплан ушел назад,
 Недостигаемо воздушен.

18. Тульча

23 октября. Наконец, мы начали выезжать из Добруджи. Утром мы оставили Бабадаг. Над озером клубились волны тумана. Дорога была легка и приятна. Еще бы, шоссе вело нас к Дунаю. В третий раз — Дунай. В первый — это от Рени до Черновод — романтический период. Мы ехали в неведомый край, на юг, к солнцу. Во второй раз — после разгрома в Исакче. Дунай тянул нас к себе, как Рубикон Цезаря, выражаясь высоким слогом. Переправиться, перешагнуть и — на родине! Многие так и сделали. Пере-

ехали, побывали в Ферапонтовом монастыре и снова вернулись... в Добруджу. Теперь, в третий раз, с высот, окружающих г. Тульчу, ласково и многообещающе поманил нас Дунай.

Величавая река.

Художественный город.

Вниз по склонам красивым изгибом расположились дома, точно стадо баранов, которое завидело водопой. Дунай широко и отчетливо протянулся в сторону, очертил горизонт прихотливым извивом.

В городе мы прежде всего начали поиски этапного коменданта. Нужно найти стоянку. Отыскиали помещение у молочан. Давно переселились сюда их деды, но они еще довольно сносно говорят по-русски. Живут зажиточно. Жалуются, что дети не знают русского языка. Нет русской школы! На всем лежит чужой отпечаток. Быстро ассимилируется народ.

Город Тульча полуразграблен. Паника отступления докатилась до Дуная и вылилась здесь в пьяный грабеж чужого имущества. Разгромом магазинов и города руководила местная толпа, а помогали румынские и русские солдаты.

Власти и полиция бежали первыми.

Мы захватили город в состоянии уже значительного успокоения. Базары торговали овощами, магазины — оставшимися после разгрома товарами. Правда, многие еще были закрыты, многие торговали при опущенных щитах на витринах. На следующее утро жители города наблюдали интересную картину. По Бабадагской улице, заворачивая налево, к пристани, потекла река румынской вина и коньяку. В верховьях этой реки происходило следующее. Солдаты-русские выкатывали из подвалов бочки и с грохотом раскупоривали их. Толпа обывателей и солдат любовалась на это невиданное никогда зрелище.

— Вот до чего дожили, — меланхолически жаловался мне часовой-липованец возле казарм 10-й румынской дивизии. — Вино выпивают хуже воды!

Котелки, ведерки, чайники, чашки — все было пущено в ход. Черпали просто пригоршнями. Пили дети; пили, сосредоточенно вытягивая шеи, утки. На тротуаре, возле пьяной реки, валялся мальчик лет 10-12, он находился в состоянии острого алкогольного отравления. Лежал на боку и дергал ножками. Лицо у него было красное, глаза — безумные.

Вино лилось целый день.

Поставленные караульные не предпринимали ничего для ограждения реки от расхищения ее содержимого солдатами. На некоторое время толпа жаждущих была разогнана казаками, но потом опять сомкнулась и продолжила запасаться добром.

Нам стыдно смотреть на русских!

Румыны смеются над нами и говорят: «Пришли ваши русские пьяницы», — жаловалась молоканка-хозяйка.

В Тульче пробыли два дня. Дальнейшее движение на Измаил должно было произойти на баржах. Расстояние на 2 часа езды по Дунаю. Нас заставили погрузиться (1 лазарет и дезинфекционный отряд) в 6 часов вечера. Баржи были отведены на рейд и поставлены на якоря. Буксирный пароход должен был подтянуть еще несколько барж и везти их вместе. В таком положении с 6 часов вечера мы простояли до 6 часов утра, когда, наконец, нас повезли. Всю ночь и солдаты, и мы принуждены были мерзнуть на палубе баржи. Это хоть и на Дунае, но в конце октября.

Первым впечатлением после холодной и тяжелой ночи была яркая утренняя заря, откос реки, темно-оливковые группы деревьев и деревенская старинная церковь. Оранжевый свет заливал всю эту картину ослепительно торжественным сиянием...

Мы приближаемся к России...

Документально-художественное издание

Ткачёв Тихон Яковлевич

НЕТ КОНЦА БЕЗУМИЮ, НЕТ ГРАНИЦЫ БЕДСТВИЮ...

Полевой дневник военного врача. 1914-1916 годы

Руководитель издательского проекта *И.А. Щёлоков*
Редактор *В.Е. Новохатский*
Корректор *Л.В. Кобелева*
Компьютерная верстка и дизайн *В.И. Корнев*

Подписано в печать 13.11.2014. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4.
Тираж 500 экз. Заказ 6094.

ГБУК ВО «Журнал «Подъём».
394036, г. Воронеж, пр. Революции, 3а.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Воронежская областная типография-издательство
им. Е.А.Болховитинова».
394071, г. Воронеж, ул. 20 лет Октября, 73а